

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2022, том 5, № 3

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

10.01.00 Литературоведение / 5.9. Филология*

- 1) 10.01.01 Русская литература / 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 10.01.02 Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы) / 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 3) 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) / 5.9.2. Литературы народов мира

10.02.00 Языкознание / 5.9. Филология*

- 1) 10.02.19 Теория языка / 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 2) 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 3) 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии и Африки / 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)

13.00.00 Педагогические науки / 5.8. Педагогика*

- 1) 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования / 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) / 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 13.00.08 Теория и методика профессионального образования / 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Индекс 64986

Телефон: +7 (843) 221-34-79

ГК «Урал-Пресс»

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Гревецкая Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Закирьянов Альфат Масгумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабинова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2022, volume 5, No. 3

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

10.01.00 Literary criticism / 5.9. Philology*

- 1) 10.01.01 Russian Literature / 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 10.01.02 Literature of the peoples of the Russian Federation (indicating specific literature) / 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 3) 10.01.03 Literature of the peoples of foreign countries (indicating specific literature) / 5.9.2. Literature of the peoples of the world

10.02.00 Linguistics / 5.9. Philology*

- 1) 10.02.19 Theory of language / 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics
- 2) 10.02.20 Comparative historical, typological and comparative linguistics / 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics
- 3) 10.02.22 Languages of peoples of foreign countries of Europe, Asia and Africa / 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)

13.00.00. Pedagogical sciences / 5.8. Pedagogy*

- 1) 13.00.01 General pedagogy, history of pedagogy and education / 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 13.00.02 Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education) / 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 13.00.08 Theory and methodology of vocational education / 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Russia)

Editorial Board

Adelgym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Литературоведение. Русская литература	
Зайцев В.С. А.П. Чехов «рекомендательный»: библиографические списки как фактор формирования литературной репутации А.П. Чехова в 1920–1950-х гг.....	277
• Литературоведение. Литература народов Российской Федерации	
Загидуллина Д.Ф. К проблеме классификации современной татарской поэзии: жанровый канон и деканонизация.....	300
• Языкознание. Теория языка	
Алексеева Е.М. Психологические концепты во фразеологизмах русского языка и их эквиваленты в немецком языке.....	325
Вагапова М.М. Семантическое моле словообразовательного гнезда *кап в русском языке.....	338
Оломская Н.Н., Бажан А.С. Искусствоведческий дискурс: специфика и классификация.....	346
• Языкознание. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	
Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках.....	360
Хасанова О.В., Каримова А.А., Загидуллина Г.Ф. Нарратив в медиадискурсе (на материале русского и английского языков).....	369
Шигапова Ф.Ф. Семантический потенциал заимствований.....	379
• Языкознание. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки	
Абдуллина Л.Р., Филиппова Л.А. Фреймовое моделирование национальных ценностей и антиценностей в новогодних обращениях Э. Макрона.....	389
Сабирова Д.Р., Середина А.Ю. Неологизмы в современном итальянском языке (на материале социальных сетей).....	404
• Педагогические науки. Теория и методика профессионального образования	
Ирисметов А.И., Казакова У.А. Особенности обучения специалистов предприятий нефтегазового комплекса на основе цифровых технологий.....	413

CONTENT

- **Literary studies. Russian Literature**

Zaitsev V.S. “Recommendatory” A.P. Chekhov: Bibliographical Indexes as a Factor of the Formation of A.P. Chekhov’s Literary Reputation in the 1920–1950s..... 277

- **Literary studies. Literatures of the peoples of the Russian Federation**

Zagidullina D.F. To the problem of classification of modern Tatar poetry: genre canon and decanonization..... 300

- **Linguistics. Language theory**

Alekseeva E.M. Psychological Concepts in Phraseologisms of Russian Language and their Equivalents in German Language..... 325

Vagapova M.M. Semantic Mole of the Word-formation Nest *cap in the Russian Language..... 338

Olomskaya N.N., Bazhan A.S. Art Criticism Discourse Specificity and Classification..... 346

- **Linguistics. Comparative historical, typological and comparative linguistics**

Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yahin M.A. Logical and Conceptual Classification of English, Russian and Turkish Medical Terminology..... 360

Khasanova O.V., Karimova A.A., Zagidullina G.F. Narrative in Media Discourse (on the Material of Russian and English)..... 369

Shigapova F.F. The Semantic Potential of Borrowings..... 379

- **Linguistics. Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa**

Abdullina L.R., Filippova L.A. Frame modeling of national values and anti-values in E. Macron’s New Year’s addresses..... 389

Sabirova D.R., Seredina A.Yu. Neologisms in the Modern Italian Language (on the Material of Social Networks)..... 404

- **Pedagogical Sciences. Theory and methodology of professional education**

Irismetov A.I., Kazakova U.A. Peculiarities of Training Specialists Oil and Gas Complex Enterprises on the Basis of Digital Technologies..... 413

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
LITERARY STUDIES. RUSSIAN LITERATURE**

Научная статья
УДК 821.161.1.0

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

**А.П. ЧЕХОВ «РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ»:
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ А.П.ЧЕХОВА В 1920–1950-Х ГГ.¹**

В.С. Зайцев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
vik.zaytsev2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>*

Аннотация. Изучение библиографических указателей литературы об А.П. Чехове, выпущенных в 1920–1950-е гг., – неотъемлемая часть источниковедческой работы всех современных чеховедов, интересующихся данным периодом в истории отечественного литературоведения. Вспомогательный потенциал этих материалов высок. Однако взгляд на списки литературы, как на самоценный и во многом показательный источник, позволяет рассматривать эти списки как важный фактор формирования литературной репутации А.П. Чехова в послереволюционный период. С одной стороны, библиографии являлись следствием чеховедческой работы, проделанной советскими литературоведами и критиками: сюда относятся методологические поиски, отбор книг и статей, соответствующих марксистской эстетической парадигме и т.п. С другой стороны, для массового читателя, на которого ориентировалось большинство рекомендательных библиографий, знакомство с творчеством и биографией А.П. Чехова начиналось именно с рекомендаций, какие именно статьи и монографии достойны внимания, а какие следует воспринимать критически, как примеры «буржуазной», «либеральной» и прочих критик. По мере развития советского чеховедения списки трансформировались. Как следствие, менялся и образ А.П. Чехова в глазах читателей, которые данными списками руководствовались. Перипетиям, логике и результатам этих литературно-репутационных трансформаций посвящена данная статья.

Ключевые слова: А.П. Чехов; литературная репутация; библиографические указатели; советское чеховедение

Для цитирования: Зайцев В.С. А.П. Чехов «рекомендательный»: библиографические списки как фактор формирования литературной репутации А.П. Чехова в 1920–1950-х гг. *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(3): 277–299. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

**“RECOMMENDATORY” A.P. CHEKHOV: BIBLIOGRAPHICAL INDEXES
AS A FACTOR OF THE FORMATION OF A.P. CHEKHOV’S LITERARY
REPUTATION IN THE 1920–1950s**

V.S. Zaitsev

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
vik.zaytsev2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>*

Abstract. The study of bibliographic indexes of literature about A.P. Chekhov, published in the 1920–1950s, are an integral part of the source studies of all modern Chekhovian scholars who

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00978, <https://rscf.ru/project/22-28-00978/>, СПбГУ.

The study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00978, <https://rscf.ru/project/22-28-00978/>, Saint Petersburg State University.

are interested in this period in the history of Russian literary criticism. The auxiliary potential of these sources is high. However, a view on the lists of references as a valuable and in many ways indicative source allows us to regard these indexes as an important factor in the formation of the literary reputation of A.P. Chekhov in the post-revolutionary period. On the one hand, bibliographies were a consequence of the work of Chekhovian studies carried out by Soviet literary scholars and critics: this included methodological searches, the selection of books and articles that corresponded to the Marxist aesthetic paradigm etc. On the other hand, most recommendatory bibliographies were oriented towards the mass reader, and for them, acquaintance with the work and biography of A.P. Chekhov began precisely with recommendations on which articles and monographs are worthy of attention, and which should be taken critically, as examples of "bourgeois", "liberal" and other views. As Soviet Chekhovian studies developed, the lists were transformed, and as a result, the image of A.P. Chekhov transformed in the eyes of readers who were guided by these lists. This article is devoted to the peripeteias, logic and results of these literary and reputational transformations.

Keywords: A.P. Chekhov; literary reputation; bibliographical indexes; Soviet Chekhovian studies

For citation: Zaitsev V.S. "Recommendatory" A.P. Chekhov: Bibliographical Indexes as a Factor of the Formation of A.P. Chekhov's Literary Reputation in the 1920–1950s. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 277–299. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

Идеологические поиски и связанные с ними методологические колебания советских чеховедов 1920-1950-х гг. находили отражение в разнообразных материалах: в первую очередь, естественно, в книгах и статьях; анкетах, приуроченных к юбилейным чеховским торжествам; на обсуждениях различных монографий (стенограммы обсуждений для печати не предназначались); в личной переписке. Результаты этих частью публичных, частью частных сражений за марксистски выверенного А.П. Чехова шли в массы. А советовать читателям те или иные источники или, наоборот, оберегать читателей от некоторых книг и статей должны были библиографические указатели. Таким образом, списки рекомендованной литературы, либо завершавшие ту или иную монографию, либо выпускавшиеся отдельными изданиями, представляют собой любопытный пласт, в котором преломились все большие и малые тектонические сдвиги генеральных линий поисков «советского» А.П. Чехова. Постараемся в данной статье взглянуть на эти библиографии не с источниковедческой, а с литературоведческой точки зрения: с одной стороны, как на полноценную часть историко-литературного процесса 1920–1950-х гг., с другой – как на важный фактор,

участвовавший в формировании чеховской литературной репутации среди читающих масс.

Специалисты-чеховеды, публиковавшиеся в 1920-1950-е гг., вне зависимости от частных исследовательских симпатий и антипатий, были знакомы с большим массивом источников о жизни и творчестве А.П. Чехова: однако не обо всех этих источниках можно было писать открыто в те или иные периоды. Например, в 1929 г. в монографии «Творческий портрет Чехова» А.Б. Дерман, интерпретируя в материалистическом ключе рассказ «Студент», полемизировал с религиозными трактовками С.Н. Булгакова и М.М. Степанова [1, с. 320]. Готовя в 1944 г. вторую (не вышедшую из печати) редакцию монографии, А.Б. Дерман имен уже не упоминал, ограничившись замечанием о том, что «нашлись истолкователи, приписавшие автору религиозную тенденцию»². Иными словами, если читатель издания 1929 г. мог при желании свериться с концепциями С.Н. Булгакова [2] и М.М. Степанова [3] по указанным А.Б. Дерманом первоисточникам, то вариант 1944 г. такую самостоятельную читательскую источниковедческую работу не предполагал. Подобных примеров можно привести много, но ограничимся данным. Массовый читатель, пусть даже и высокообразованный, но не связанный профессионально с филологией или литературной критикой, не имел времени на чтение всего наработанного до и после революции массива источников. Нить Ариадны в этой ситуации дарили библиографические указатели: они не только перечисляли те или иные книги, статьи и заметки, но также зачастую предлагали краткие аннотации к этим работам хвалебного или критического характера. Таким образом, кругозор интересовавшихся А.П. Чеховым читателей, а зачастую и оценку источников (аннотации способны детерминировать предварительное представление о монографии или статье) предопределяли в первую очередь списки рекомендованной литературы. Изучив, как менялись эти списки, какие авторы в них входили, какие авторы из них выбывали, можно получить представление о том, как менял-

² ОР РГБ. Ф. 356 (Дерман, Абрам Борисович). К. 4. Л. 310.

ся и чеховский образ, какие трансформации переживал «рекомендательный А.П. Чехов» и насколько адекватное представление могли сформировать библиографии у гипотетического «собирающего» читателя, который пользовался в том или ином объеме данными библиографиями. Проследим за этими метаморфозами.

Внимательно проанализировав содержание чеховедческих указателей, можно разделить их на два вида: полные научные и выборочные, рассчитанные на массового читателя. Полные стремились к учету всей обнаруженной об А.П. Чехове литературы, однако библиографий для широких читательских кругов выпускалось намного больше, т.е. в «количественном» плане научные библиографические списки уступали «массовым». Полноценных научных библиографических указателей после Октябрьской революции и до конца 1950-х гг. чеховиана насчитывает два: составленные И.Ф. Масановым [4] (охват – с первых критических публикаций до юбилейного 1929 г.) и, с оговорками, Ю.В. Соболевым [5, с. 303-339] (охват – с 1917 г. по 1929 г., литература с 1904 г. по 1917 г. представлена выборочными рекомендациями, в разделе юбилейного 1929 г. не учитываются провинциальные издания).

Оба исследователя начали работать на ниве чеховедческой библиографии до Октября, но если после 1917 г. И.Ф. Масанов отметил только монументальной «Чеховианой», то Ю.В. Соболев опубликовал первый пореволюционный указатель источников в 1923 г.: это была «Чеховиана за 1917–1922 гг.», и включала она в основном сведения об изданиях чеховских сочинений и писем. Объяснения этому Ю.В. Соболев давал в статье: во-первых, «за пятилетие спала волна воспоминаний о Чехове», во-вторых – и критическая литература об А.П. Чехове за этот период была «не велика» (Ю.В. Соболев в этом разделе разбирает считаное количество источников) [6, с. 99, с. 101]. Все это было только черновыми заметками и первым подступом к библиографии, опубликованной в 1930 г. Библиографию эту, кстати, критиковал И.Ф. Масанов. Последний писал А.Б. Дерману 12 июля 1929 г.: «Сегодня прочел Вашу вводную ста-

тью к «Чеховиане» и глубоко благодарю Вас, дорогой Абрам Борисович, за Ваш теплый отзыв о моей бескорыстной библиографической работе по любимому (я бы сказал не русскому, а мировому) писателю. Буду очень счастлив, если книга эта принесет пользу всем тем, кто любит Чехова и интересуется его творчеством, о котором так много было написано людьми самых разных не только литературных, но и политических мнений и убеждений. Меня очень смущало то обстоятельство, что к юбилею Чехова выходит два библиографических указателя, мой и Соболева, но сегодня случай мне привел видеть корректуру соболевского указателя и я должен сказать откровенно, что знаток Чехова, конечно, он хороший, но как библиограф – довольно плох! Говорит во мне, конечно, не чувство зависти, а чувство справедливости»³. Указатель же И.Ф. Масанова «Чеховиана» на долгие годы стал наиболее полным источниковедческим маяком как для профессиональных чеховедов, так и для любителей.

Важно отметить, что библиографии И.Ф. Масанова и Ю.В. Соболева, хронологически ограниченные юбилейным 1929 годом, сегодня уже не могут быть полноценным подспорьем в исследовательской работе. Ю.В. Соболев в предисловии оговаривается, что не имел возможности по техническим условиям составить указатель «исчерпывающей полноты», а библиографию 1929 г. ограничил учетом московских и ленинградских изданий [5, с. 305–306]. Однако и указатель И.Ф. Масанова при всей своей фундаментальности не избежал недостатков и ошибок. Например, статья Е.Э. Лейтнеккера «А.П. Чехов. (К 20-летию со дня смерти)» имеет следующие выходные данные: Красная Карелия. 1923. 14 июля [4, с. 36], между тем как данный текст был напечатан в следующем году в номере от 19 июля [7] и т.п.

Рассчитанные в целом на широкие круги читателей, интересующихся биографией и творчеством А.П. Чехова, масановский и соболевский указатели помогали в работе все же в первую очередь именно специалистам. Для более широких масс печатались адаптированные, сокращенные версии списков чехо-

³ ОР РГБ. Ф. 356 (Дерман, Абрам Борисович). К. 3. Ед. хр. 2. Л. 5–5 об.

ведческих источников. Нередко публикациями таких кратких указателей сопровождалась юбилейные номера периодических изданий.

В частности, любопытны «юбилейные» списки рекомендованной литературы, появлявшиеся на страницах газет и журналов в 1929 г., когда в СССР широко отмечалось 25-летие со дня смерти А.П. Чехова. Так, «Красная газета» советовала прочесть мемуары М. Горького, В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевского и А.Ф. Кони. В качестве марксистских источников рекомендовались статьи и книги Л.И. Войтоловского, В.В. Воровского, А.В. Луначарского, М.С. Ольминского, М.П. Неведомского и Е.А. Соловьева-Андреевича. Из критиков не марксистов упоминания заслужили только «Этюды о творчестве Чехова» Д.Н. Овсяннико-Куликовского из пятого тома собрания его сочинений, переизданного и после революции [8, с. 92–140], с наиболее комплиментарной аннотацией среди всех перечисленных в заметке авторов: «По глубине социально-психологического своего анализа это лучшее, что написано о Чехове. Овсяннико-Куликовский первый опроверг толки о пессимизме Чехова, показав его глубокую жизнерадостность, общественный оптимизм, наукообразность мышления и присущий ему реализм» [9, с. 6].

«Ленинградская правда» [10] помимо сочинений и писем А.П. Чехова из биографической и мемуарной литературы рекомендовала прочесть работу А.А. Измайлова «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» [11] и мемуарно-эпистолярную подборку В.Л. Львова-Рогачевского [12], а в категории «История литературы. Критика» советовала «Критические этюды» А.В. Луначарского, ошибочно озаглавив книгу «Критические очерки» [13], а также «Проблемы драматургического анализа» С.Д. Балухатого [14] и «Антон Чехов и его сюжеты» М.П. Чехова [15]. Последнюю работу следовало бы, безусловно, отнести к мемуаристике, но список и без этого производит впечатление рандомного отбора. Если «Красная газета» четко дифференцировала источники на мемуарные, марксистские и немарксистские и в каждой категории предложила, возможно, и не лучшее из написанного и известного на тот момент, но, как мини-

мум, достойное ознакомления и вполне доступное массовому читателю, то отбор «Ленинградской правды» сложно назвать «таргетированным»: рядом с популярной брошюрой воспоминаний М.П. Чехова соседствуют рассчитанные на более образованного читателя очерки А.В. Луначарского и не адресованная массам, строго научная работа С.Д. Балухатого. На этом фоне выделялась даже не подборка, но статья В.Ф. Боцяновского «Литература об А.П. Чехове», напечатанная в «Красной панораме». Посетовав на то, что «мы... до сих пор не имеем настоящего, хорошего во весь рост литературного портрета писателя», В.Ф. Боцяновский отметил, что «для такого портрета уже много сделано и продолжает делаться» [16, с. 20]. Дальнейшее изложение – очень общий разбор, зачастую критический, сделанного в чеховедении предреволюционной и постреволюционной эпохи. В заслугу последней В.Ф. Боцяновский ставит поиск написанных А.П. Чеховым текстов, публикацию неизданных писем, исследования С.Д. Балухатого, А.С. Долинина, Ю.В. Соболева, Н.К. Пиксанова, М.С. Григорьева, а также выпуск собрания сочинений писателя (1929 г.) с вводной статьей В.М. Фриче, которая дает «первую социально-творческую биографию писателя» [16, с. 21]. Из дооктябрьского наследия упоминается биографическая работа А.А. Измайлова, которая «теперь могла бы быть сильно дополнена и радикально переработана во многих своих частях» [16, с. 20]. Столь критическое отношение к измайловской книге было, видимо, продиктовано ощущениями близости создания полноценной советской чеховской биографии, однако запас прочности «биографического наброска» А.А. Измайлова оказался выше, чем это могло представляться в 1929 г., И, например, в библиографии 1940 г. книга А.А. Измайлова была проаннотирована так: «Наиболее обширная из дореволюционных биографических работ о Чехове. Частично устарела, однако в целом остается ценным источником для изучения жизни и творчества Чехова» [17, с. 17]. В библиографическом указателе 1945 г., составленном под редакцией Н.Л. Бродского, находим очень схожее описание измайловского труда (вероятно, опиравшееся непосредственно на предыдущий указатель): «Наиболее по-

дробная из биографий Чехова, написанная на основании документов и воспоминаний. В отдельных частях устарела. Все же является ценной для изучения жизни и творчества писателя» [18, с. 25]. Для сравнения: «критико-биографический очерк» А.Б. Дермана [19] в этом же указателе не аннотирован, а работа Ю.В. Соболева, написанная для серии «ЖЗЛ» [20] охарактеризована просто как «популярный очерк жизни и деятельности А.П. Чехова» [18, с. 26]. Иными словами, книги об А.П. Чехове 1934 г. и 1939 г. выпуска, созданные как попытка дать соответствующий веяниям эпохи общественно-политический портрет писателя, удостоились гораздо более скромных похвал, чем очерк 1916 г.

Менее чем за десятилетие указатели для широких читательских масс симптоматично трансформировались. Например, если в 1929 г. (и вообще в конце 1920-х гг.) условная рубрика «марксистское чеховедение» еще только начинала формироваться, была нерегулярной от указателя к указателю и разнообразной в плане подбора конкретных авторов, к концу 1930-х гг. сложилась более определенная картина.

Например, в чеховедческой библиографии, опубликованной в 1937 г. на страницах журнала «Литература в школе», четверть от общего объема статьи занимали аннотированные указатели «Образы Чехова в произведениях В.И. Ленина» и «Образы Чехова в произведениях И.В. Сталина»: в исполнении В.И. Ленина приводятся примеры использования образов человека в футляре, душечки и рассуждений о впадении Волги в Каспийское море («Учитель словесности») как пародирования сущностных черт меньшевистской литературы; И.В. Сталин представлен использованием образа Беликова для критики «правой оппозиции» [21, с. 94]. Впрочем, не взирая на аспекты идеологического характера, этот список рекомендуемой литературы можно назвать вполне «рабочим»: он предлагал читателю относительно широкий спектр источников по жизни и различным аспектам творчества А.П. Чехова. Рекомендовал помимо сочинений и писем ознакомиться со сборником избранных произведений А.П. Чехова, из-

данного в 1935 г. под редакцией А.И. Роскина, отдельно обращая внимание на чеховскую биографию, составленную А.И. Роскиным в качестве предисловия к однотомнику [22], которая выгодно отличалась «от обычных протокольных жизнеописаний» [21, с. 93]. Биографические источники были представлены в этой подборке как книгой А.А. Измайлова, так и новейшими на тот момент очерком П.С. Когана [23] и первой чеховской биографией из серии «ЖЗЛ», написанной Ю.В. Соболевым. При знакомстве с творчеством А.П. Чехова внимание уделялось (помимо ленинско-сталинского списка трудов) в основном публицистическим статьям и исследованиям драматургии: здесь фигурировал и вызвавший много споров фельетон М.Е. Кольцова 1928 г. «Чехов без грима» [24], и статья С.Д. Балухатого о записных книжках писателя [25], и его же монография «Чехов-драматург» [26] («Проблемы драматургического анализа» уже не рекомендовали как, с одной стороны, сложные для восприятия массового читателя, с другой – несущие очевидное влияние формальной школы, которая к 1937 г. была далеко не в фаворе), и статья В. Гофмана «Язык Чехова-драматурга» [27] и т.д. Любопытно, что книга К.С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» также фигурировала в разделе «Творчество», а не «Биография», куда логичнее было бы включить мемуарный по своему характеру труд. Характерные уточнения формулировок связаны с «Этюдами о творчестве Чехова» Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Если «Красная газета», напомним, аттестовала их в 1929 г. как лучшее из написанного об А.П. Чехове, то «Литература в школе» была гораздо более сдержанна в похвалах: «При учете буржуазно-идеалистических основ методологии автора, читатель найдет в его работе немало полезных замечаний, верно характеризующих сущность чеховского творчества» [21, с. 95]. Такого рода аннотации стали распространены в указателях 1950-х гг., чего мы коснемся ниже.

Важным фактором в рекомендации той или иной книги или статьи со второй половины 1920-х годов становится фактор литературоведческой репутации. Многие авторы, иными составителями библиографий котировавшиеся как

марксистские, постепенно по тем или иным причинам утрачивали этот статус. Тенденции к пересмотру уровня соответствия марксистской эстетической парадигме методологических установок каждого литературоведа начали ощущаться уже в конце 1920-х гг. Парадигма, следует отметить, формировалась долго и постоянно корректировалась: от казавшейся безальтернативной доктрины «плехановской ортодоксии в искусстве» (безальтернативной ввиду того что, крупные работы посвящены проблемам эстетики) из «полноценных» классиков марксистской литературы оставил только Г.В. Плеханов, а эстетические фрагменты в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина долгое время котиrowались, как малочисленные и не поддающиеся полноценной систематизации и анализу, – к признанному успешным опыту такой систематизации, выполненному в течение 1930-х гг. М.А. Лифшицем в сборниках «Маркс и Энгельс об искусстве» [28] и «В.И. Ленин об искусстве» [29]. Трудности создания советского литературоведения и порождали репутационные пертурбации. Неслучайно, например, В.Л. Львов-Рогачевский завершал предисловие к одному из переизданий своей «Новейшей русской литературы» такими идейными самооправданиями: «В последнее время некоторые из новых марксистов поднимают вопрос о моем марксизме. Должен им заметить, что в первой половине девяностых годов марксизм периода “Нового Слова” и “Начала” являлся для меня как мировоззрение, определяющее, что делать и во имя чего жить. Прежде, чем появились мои первые книги, в которых я выступал как писатель, я привлекался в 1897, 1900, 1903, 1905 гг. как революционный работник, активный марксист. Мои первые журнальные статьи, писаны в тюрьмах. Мои первые книги: “Борьба за жизнь” (1906), “Вересаев и 90-е годы” (1906), “Снова накануне” (1913), “Поэзия новой России” (1919) явились этапами в моей работе. Перерабатывал я их и дополнял в постоянном живом общении с молодежью, пришедшей из новых социальных слоев, выдвинутых революцией» [30]. Впрочем, повлиять на смену литературоведческих репутаций такие оправдания не могли. Поэтому работы В.Л. Львова-Рогачевского (а также Л.Н. Войтоловского,

М.П. Неведомского, В.М. Фриче и многих других) в конце 1920-х гг. входившие в списки марксистской литературы по чеховскому творчеству [31], постепенно теряли позиции, причем безотносительно к удельному весу наработанного в литературоведении и критике авторитета. Так, В.М. Фриче – безусловный классик марксистской социологии искусства при жизни (умер в 1929 г.) – в середине 1930-х гг. котиrowался как вульгарный социолог, а к 1940 г. достаивался в печати таких аттестаций: «[В.М. Фриче] еще совсем недавно, в 1930 г., <...> позволил себе написать, что Чехов был просто импрессионистом и не мог подняться (конечно!!) до романа, и что повесть его “Три года”, как известно, слабая вещь. (Как известно, это вещь гениальная). Но не будем вытаскивать из книжной пыли всю эту затхлую псевдонаучную болтовню, от которой просто тошнит, когда ее вспоминаешь» [32]. Десять лет спустя и В.Л. Львов-Рогачевский, и Л.Н. Войтоловский, и многие другие были объявлены «кадетами-меньшевиками» [33, с. 167–168], а к середине 1950-х гг. в работе Б.И. Александрова «Семинарий по Чехову» (к которой мы еще вернемся) котиrowались в качестве критиков, не имеющих с марксизмом никаких точек соприкосновения [34, с. 74-75].

Подводя первый промежуточный итог, отметим, что чеховед-любитель 1920-1930-х гг., вооружившись библиографическими рекомендациями этого периода, мог получить представление как об отдельных чеховедческих завоеваниях дореволюционного периода (пусть и ограниченных в основном биографической книгой А.А. Измайлова, статьями Д.Н. Овсяннико-Куликовского и статьями некоторых литературоведов-марксистов, многие из которых к концу 1930-х гг. были из марксистов разжалованы), так и о набравшей объема постоктябрьской науке об А.П. Чехове. Таким образом, и А.П. Чехов перед глазами читателя этих рекомендуемых источников представал «разным» или «вариативным»: либо во многом типичным представителем своего времени, не тождественным, впрочем, всем своим героям или предпочитаемым темам, как в трактовках А.А. Измайлова («Он был того поколения, которое на всякий энтузиазм отвеча-

ло улыбкой. В этом смысле он был как бы испорченный человек» [11, с. 580]) или Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Либо все тем же типичным представителем «эпохи восьмидесятых годов» – в интерпретации П.С. Когана, представителем, который все-таки все «немногое, что было действенным в его эпохе... воспринял целиком», а в творчестве своем выразил своего рода систему «отсутствий»: интереса к внешнему миру, к общественным отношениям, к активной борьбе» [23, с. 98–99]. Либо, наконец, более революционизированный вариант Ю.В. Соболева, внутренне, правда, очень противоречивый: А.П. Чехов как идеолог «радикальной буржуазии», уверенный, что революции в России никогда не будет [20, с. 308], и в то же время заражающий читателя ненавистью к пошлости, мещанству и «чеховщине» [20, с. 312]. Нетрудно увидеть, что рекомендованные в рамках одного списка и усвоенные подряд работы А.А. Измайлова, П.С. Когана и Ю.В. Соболева могли породить в представлениях об А.П. Чехове нездоровое многоголосие. Именно поэтому начиная с 1940-х гг., когда методология изучения чеховского творчества и общих его оценок претерпела изменения: списки рекомендуемой литературы также вступили в новый период корректировок, и перед читателями, бравшими на вооружение отредактированные рекомендации, представал «отредактированный» и менее «эклектичный» А.П. Чехов.

Обращаясь к 1940-м гг. необходимо в первую очередь отметить знаковый для истории советского чеховедения год – 1946 г. В этом году появилось первое издание книги В.В. Ермилова «Чехов» [35], которая быстро и надолго стала образцовой чеховской биографией и составила, наряду с монографией В.В. Ермилова «Драматургия Чехова», выпущенной в 1948 г. [36], своего рода советский чеховедческий канон, обосновавшийся почти во всех позднейших рекомендательных списках литературы (монография переиздавалась в 1949, 1951, 1953 и 1954 гг.). Например, в составленной к 50-летию со дня смерти писателя брошюре Е.М. Сахаровой «А.П. Чехов. 1860–1904. Памятка читателю и материалы в помощь библиотекарю», обе книги В.В. Ермилова характеризуются как «отражающие точку зрения современного советского чеховедения, представляют

собой наиболее полное исследование о жизни и творчестве А.П. Чехова» [37, с. 61]. В указателе Э.А. Полоцкой подробная аннотация на дополненное издание книги В.В. Ермилова 1954 г. написана в более информативном ключе, без каких бы то ни было эпитетов, но завершается указанием на присуждение В.В. Ермилову за книги «Чехов» и «Драматургия Чехова» Сталинской премии второй степени [38, с. 51]. Чуть более взвешенно и с долей критики оценивал работу В.В. Ермилова Б.И. Александров в источниковедческом обзоре своего «Семинария по Чехову»: «Большое положительное значение книги» сводилось к тому, что «это был первый опыт развернутой и целостной характеристики жизни и творчества А.П. Чехова как великого народного писателя, полностью свободный от всех пережитков старых, ложных взглядов на него» [34, с. 86]. При этом о первом издании биографии 1946 г. сказано, что книга «несколько идеализировала облик писателя... и тем самым несколько затушевывала принципиальную грань, отделявшую Чехова как демократического художника от творца социалистической литературы М. Горького» [34, с. 87]. Именно поэтому в разделе «Указатель литературы» своего «Семинария» Б.И. Александров рекомендует пользоваться в первую очередь дополненным изданием 1954 г., либо штудировать любые более ранние варианты – но начиная со второго (1949 г.) [34, с. 99]. В любом случае монография В.В. Ермилова быстро стала наиболее авторитетным советским источником по жизни и творчеству А.П. Чехова. Безусловно, печать этого авторитета лежала и на библиографическом указателе, который завершал все издания чеховской биографии (за исключением версий 1953 и 1954 гг.). Что в этих библиографических рекомендациях мог найти заинтересованный читатель?

В.В. Ермилов в разделе «Биографии» из дореволюционного чеховедческого наследия рекомендовал упоминавшуюся нами книгу А.А. Измайлова, а также работы Ю.В. Соболева, А.Б. Дермана и А.И. Роскина. С трактовками общественных взглядов А.П. Чехова, предложенными Ю.В. Соболевым и А.Б. Дерманом, к слову, В.В. Ермилов полемизировал. В разделе «Воспомина-

ния» из девяти источников только два – из дооктябрьского наследия (мемуары И.А. Бунина и подборка, составленная Л.А. Сулержицким). В разделе «Статьи и исследования» дореволюционный текст – один (из 19), что несколько уравнивается разделом «Сборники, посвященные Чехову», в котором соотношение до- и постреволюционного контента – 50-на-50 (суммарно – восемь сборников). Есть и раздел «Библиография», в котором все пять источников напечатаны после 1925 г. Итого (разделы «Издания сочинений» и «Переписка» мы в общей статистике не учитываем, поскольку это не чеховедческая, а собственно чеховская литература) из 45 источников, посвященных жизни и творчеству А.П. Чехова, которые В.В. Ермилов предлагает в указателе, завершающем его монографию, только 8 были напечатаны до 1917 г. [35, с. 440–444] Указатель в переиздании 1949 был расширен: добавилось девять новых источников, в основном напечатанных после 1946 г. Таким образом, процентное соотношение между источниками до- и послереволюционными изменилось не в пользу дооктябрьского чеховедческого наследия [39, с. 435–439]. Библиография в третьем издании (1951 г.) относительно варианта 1949 г. прибавила в весе на 13 позиций: были, в частности, добавлены статьи А.П. Скафтымова, работы М.Е. Елизаровой, М.Л. Семановой, Г.П. Бердникова и т.д. [40, с. 424–430] разрыв между советскими и досоветскими рекомендуемыми текстами вновь увеличился. Однако, это вряд ли можно интерпретировать как принципиальный недостаток: да, читатель, который решил бы ознакомиться со всеми предложенными В.В. Ермиловым книгами и статьями, не получил бы наводок на работы дооктябрьской критики и, следовательно, не получил бы представления о трансформациях трактовок творчества и биографии А.П. Чехова, однако почти все лучшие достижения советского чеховедения нашли отражение в ермиловских библиографических указателях, которые от переиздания к переизданию пополнялись актуальными книгами и статьями. Многие эти книги и статьи (А.П. Скафтымова, А.В. Коротаева, М.Л. Семановой и т.д.) не потеряли научного значения и по сию пору, а потому ермиловские библиографии вполне можно рекомендовать и

современному массовому читателю в качестве ориентиров в объективно богатом раннесоветском чеховедческом наследии. Кроме того, процентное соотношение дореволюционного и постреволюционного чеховедческого наследия в библиографиях В.В. Ермилова в целом коррелирует с аналогичным соотношением других указателей 1940-х – начала 1950-х гг. Например, в указателе, составленном П.Ф. Прушак, из 61 источника (подчеркиваем, что и в этом, и в следующем случае выносим за скобки издания сочинений и писем А.П. Чехова) 7 – дореволюционных, которые составляют 11% от общего количества перечисленных в указателе книг и статей [17, с. 17–29]. В указателе под редакцией Н.Л. Бродского 115 «позиций» (употребляем это слово, потому что некоторые источники повторяются в зависимости от темы раздела), из которых 18 – тексты, изданные до 1917 г. [18, с. 25–49]. Отдельно также стоит упомянуть «случаи» В.В. Воровского и М. Горького – их мы всегда вносим в статистику советских источников, отказываясь от хронологических мотивировок в пользу мотивировок идеологических: с учетом трактовок статей того и другого, даже написанных и до революции, они позиционировались и воспринимались массами именно как тексты советского литературоведения (в противном случае придется уравнивать в восприятии критики и читателей статьи В.В. Воровского и, например, книгу А.А. Измайлова, что будет некорректно). Итак, соотношение источников в указателе Н.Л. Бродского было таким: 85% – советские работы, 15% – дореволюционные. У В.В. Ермилова наблюдаем ту же «рекомендательную» процентовку: в указателе из биографии А.П. Чехова издания 1946 г. соотношение 82% и 17%, в издании 1949 г. – 86% и 14%, в издании 1951 г. – 88% и 12% (советская составляющая ермиловских рекомендаций, напомним, расширилась в основном за счет чеховедческих новинок, которые выходили из печати между переизданиями книги В.В. Ермилова). Кроме того, дореволюционные тексты в основном повторяются от указателя к указателю, почти везде это статьи Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Ф.Д. Батюшкова, сборник воспоминаний, составленный Л.А. Сулержицким и книга А.А. Измайлова, т.е. библиографии

1940-х гг. в целом совпадали не только в количественном, но и в качественном аспектах.

В указателях рекомендованной литературы 1950-х гг. закреплялось все, к чему шло чеховедение для более или менее широких читательских масс три предыдущих десятилетия. Основных нежелательных чеховедческих ветви, как мы убедились в связи с вышеизложенным, существовало две: дореволюционная «буржуазная» критика и послереволюционная вульгарно-социологическая. Первая вытеснялась из библиографий естественным путем, по мере приращения собственно советских чеховедческих исследований. Вторая не успела закрепиться в списках ввиду непродолжительного жизненного цикла и агрессивной кампании по развенчанию корифеев социологии искусства (см. выше пример критики В.М. Фриче в 1940 г. на страницах «Литературной газеты»). Вариантов дальнейшего обращения с развенчанным материалом было два: либо игнорирование, либо критическое упоминание. В небольшом библиографическом указателе Е.М. Сахаровой, например, нет ни дореволюционных работ, ни вульгарных постреволюционных [37, с. 57–67].

Э.А. Полоцкая также выбрала вариант, похожий на подход Е.М. Сахаровой, но с единичными критическими замечаниями. Так, в предисловии к указателю Э.А. Полоцкая упоминает об ошибках «вульгарно-социологического и компаративистского характера», содержащихся в работах Ю.В. Соболева и С.Д. Балухатого [38, с. 4]. А очерк об А.П. Чехове В.М. Фриче исследователь не рекомендует для изучения творчества писателя [38, с. 33]. Этими и несколькими другими замечаниями представлена в указателе Э.А. Полоцкой борьба с устаревшими социологическими концепциями. Дооктябрьские источники исчерпываются только двумя отрывками об А.П. Чехове из писем С. Шаумяна [38, с. 57]. Больше в библиографии нет ни одного упоминания более или менее знаковых дореволюционных статей – в списке рекомендаций отсутствует даже биографический набросок А.А. Измайлова, долгие годы кочевавший из указа-

теля в указатель с неизменным примечанием об устарелости общей концепции, но ценности отдельных аспектов книги.

Гораздо более полный указатель читатели могли найти в «Семинарии по Чехову» Б.И. Александрова. С чисто источниковедческой точки зрения, работа Б.И. Александрова – одна из самых информативных среди рассмотренных нами выше, при том что книга не является библиографическим указателем в строгом смысле этого слова, однако содержит как обзорную источниковедческую статью, так и рекомендации к каждой теме семинария. И статья, и рекомендации характеризуются усилением скептического отношения ко многим дореволюционным статьям и книгам. В большинстве указателей предыдущих десятилетий многие подобные источники не упоминались: у Б.И. Александрова дореволюционная база расширяется (упомянуты и А.А. Измайлов, и К. Арсеньев, и Н.К. Михайловский, и Д.С. Мережковский, и А.М. Скабичевский и многие другие критики), но зачастую сопровождается аннотациями об идеологии авторов и т.п. Например, в списке литературы к теме «Повесть “Степь” как первая обобщающая картина родины в творчестве Чехова» есть ремарка: «В целях критического ознакомления с оценками “Степи” буржуазной печатью можно указать следующие материалы...», после чего следует список из статей Н.К. Михайловского, Р.А. Дистерло и Л. Оболенского [34, с. 152]. Аналогичные целевые установки в библиографии к теме «Борьба за Чехова в критике эпохи первой русской революции»: «Для критики ложных оценок Чехова, дававшихся либеральной печатью» Б.И. Александров предлагает прочесть статьи А.М. Скабичевского и Ф.Д. Батюшкова, а «связь псевдомарксистской критики с либеральными оценками Чехова ясно видна» в статьях В.Л. Львова-Рогачевского и Л.И. Войтоловского [34, с. 258]. Таким образом, получая от Б.И. Александрова наводку на те или иные чеховедческие тексты, читатель получал наводку и на должное (в рамках марксистской исследовательской системы) критическое восприятие этих текстов.

Итак, в целом «суггестивный» механизм рекомендательных библиографических списков работал следующим образом: в дореволюционной, прижизненной писателю критике, А.П. Чехов представал в разнообразных (зависевших от политических и эстетических предпочтений конкретного критика) ипостасях: он был и импрессионистом, и пантеистом, и «певцом сумерек», и близким к охранительному лагерю (компрометировала дружба с А.С. Сувориным), и безыдейным писателем и т.д. В пореволюционной советской чеховиане (пусть не сразу, но взявшей курс на приведение трактовок к единому марксистскому знаменателю) от концепции «сумеречности» отказались, придя, в частности, к формуле «Чехов против чеховщины»; влияние А.С. Суворина стали описывать в позитивном ключе (как деструктивность, которую А.П. Чехов смог преодолеть); на методологическую вахту постепенно заступали идеи социального оптимизма и скрытой революционности писателя. На этой дороге не было места «либеральным», «народническим», «буржуазным» и прочим интерпретациям чеховского творчества – потому их читателям и не советовали. И именно это становилось одним из факторов создания литературной репутации А.П. Чехова в глазах советских читателей в 1920–1950-е гг. Если мы имеем пять книг, в которых писатель «Икс» охарактеризован как «социальный оптимист», и пять книг, в которых тот же писатель аттестуется как «социальный пессимист», но последние книги либо не рекомендуем, либо рекомендуем с оговорками об устарелости концепций, читающая публика рано или поздно начнет воспринимать писателя «Икс» как «социального оптимиста».

Впрочем, последняя аналогия лишь с долей метафоричности описывает общую схему формирования литературной репутации, реальный «рекомендательный А.П. Чехов» представал перед советскими читателями, руководствовавшимися советскими указателями чеховедческой литературы, гораздо более сложным, чем может показаться на первый взгляд. Библиографии, безусловно, различались от периода к периоду: указатели 1920-х и 1940-х гг. в этом плане не идентичны. Однако в целом нельзя утверждать, что рекомендации какого бы то

ни было десятилетия были однозначно неполными, однобокими или искажающими чеховский образ. Да, многие списки чеховедческой литературы 1920–1930-х гг. (в первую очередь масановская «Чеховиана») предлагали почти максимально широкий набор разнообразных источников без учета идеологической или политической позиции их авторов, а потому давали объемную полноценную историю чеховианы, к которой читатели 1940-х гг. могли приобщиться с бóльшим трудом, поскольку почти не встречали в указателях, например, статей Д.С. Мережковского или А.С. Суворина. Внимание составителей списков 1940–1950-х гг. к прижизненной А.П. Чехову критике было менее пристальным, чем к работам советских литературоведов (что, естественно, поскольку советское чеховедение постоянно прирастало и в количественном, и в качественном плане), но на общую картину, которая могла сложиться перед заинтересованным массовым читателем А.П. Чехова, это вряд ли влияло пагубно: если ермиловские работы, по сравнению со статьями все того же Д.С. Мережковского, представляли сопоставимую по уровню доказательности эссеистику, но только левого толка, то статьи А.П. Скафтымова, М.Л. Семановой, А.Г. Горнфельда и т.п. могли дать и давали читателям гораздо больше, чем солидная часть прижизненной писателю критики, в чем нетрудно убедиться, почитав любую современную крупную антологию этой критики. А потому любители отечественной словесности и творчества А.П. Чехова при должном изучении предлагаемых советскими библиографиями книг и статей о писателе получали о нем примерно такое же (в плане полноты и адекватности) представление, которое может получить любитель сегодняшней. Безусловно, имели место искажения идеологического порядка (после 1991 г. на смену идеологии приходит «мода» на те или иные темы и концепции, например, на «православного А.П. Чехова»), однако это неизбежный фактор литературной репутации А.П. Чехова в любую эпоху, и можно много спорить о том, какой концептуальный феномен, маркируемый как «А.П. Чехов» менее соотносим с оригиналом: социальный ли оптимист-революционер В.В. Ермилова, или закомплексованный эротоман Д. Рей-

филда (чья книга «Жизнь Антона Чехова» [41] в последние годы пользуется большой популярностью у читающих масс, и в коллективном сознании любителей благодаря грамотному маркетингу давно обрела статус «наиболее полной и правдивой» биографии писателя – статус, напомним, в свое время на длительный период закрепленный именно за исследованиями В.В. Ермилова). Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Список источников

1. Дерман А.Б. *Творческий портрет Чехова*. Москва: Мир; 1929.
2. Булгаков С.Н. *Чехов как мыслитель*. Киев: Издание книжного магазина С. И. Иванова; 1905.
3. Степанов М.М. *Религия Чехова*. Саратов: Электро-типография газеты «Волга»; 1913.
4. Масанов И.Ф. *Чеховиана. Вып. 1. Систематический указатель литературы о Чехове и его творчестве*. Москва: Государственная центральная книжная палата РСФСР; 1929.
5. Соболев Ю.В. *Чехов*. Москва: Федерация; 1930.
6. Соболев Ю.В. Чеховиана за 1917–1922 гг. *Печать и революция*. 1923; 7: 92–104.
7. Лейтнекер Е.Э. А.П. Чехов. К двадцатилетию со дня смерти. *Красная Карелия*. 1924; 19 июля (№ 164): 3.
8. Овсяннико-Куликовский Д.Н. *Собрание сочинений. Т. 5*. Москва: Госиздат; 1923.
9. Б.П. Что читать об А.П. Чехове. (К 25-летию со дня его смерти). *Красная газета*. 1929; 13 июля (№ 158): 6.
10. Что читать о Чехове. (К юбилею 1904–1929). *Ленинградская правда*. 1929; 14 июля (№ 159): 3.
11. Измайлов А.А. *Чехов. 1860–1904. Биографический набросок*. Москва: Типография т-ва И.Д. Сытина; 1916.
12. Львов-Рогачевский В.Л. *А.П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах*. Москва: Издательство т-ва «В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых»; 1923.
13. Луначарский А.В. *Критические этюды. (Русская литература)*. Ленинград: Губоно, 1925.
14. Балухатый С.Д. *Проблемы драматургического анализа. Чехов*. Ленинград: Academia; 1927.
15. Чехов М.П. *Антон Чехов и его сюжеты*. Москва: Типография «9-е января»; 1923.
16. Боцяновский В. Ф. Литература об А.П. Чехове. *Красная панорама*. 1929; 28: 20–21.
17. Прушак П.Ф. *А.П. Чехов. 1860–1904. Указатель литературы*. Москва: Государственное библиотечно-библиографическое издательство; 1940.
18. *А.П. Чехов. Рекомендательный указатель литературы и материалы для библиотек*. Москва: ГБЛ; 1945.
19. Дерман А.Б. *Антон Павлович Чехов. Критико-биографический очерк*. Москва: Гослитиздат, 1939.
20. Соболев Ю.В. *Чехов*. Москва: Журнально-газетное объединение; 1934.
21. И.Ч. А.П. Чехов. *Литература в школе*. 1937; 5: 93–95.

22. Роскин А.И. Биографический очерк. *А.П. Чехов. Избранные произведения*. М.: Детская литература; 1935. С. 3–54.
23. Коган П.С. *А.П. Чехов. Биографический очерк*. Москва, Ленинград: Московский рабочий; 1929.
24. Кольцов М.Е. Чехов без грима. *Правда*. 1928; 15 июля (№ 163): 6.
25. Балухатый С.Д. Записные книжки Чехова. *Литературная учеба*. 1934; 2: 49–64.
26. Балухатый С.Д. *Чехов драматург*. Ленинград: Гослитиздат; 1936.
27. Гофман В. Язык Чехова-драматурга. *Звезда*. 1935; 2: 216–240.
28. *Карл Маркс и Фридрих Энгельс об искусстве*. Москва: Сов. литература; 1933.
29. *Ленин о культуре и искусстве. Сборник*. Москва: Изогиз; 1938.
30. Львов-Рогачевский В.Л. *Новейшая русская литература*. Москва: Мир; 1927.
31. *А.П. Чехов. Классики в марксистском освещении*. Москва: Никитинские субботники; 1928.
32. Чехов и наше время. *Литературная газета*. 1940; 30 января (№ 6): 1.
33. Гринберг И.Л. В. Ермилов. «Чехов». *Знамя*. 1947; 2: 166–171.
34. Александров Б.И. *Семинарий по Чехову*. Москва: Учпедгиз; 1957.
35. Ермилов В.В. *Чехов*. Москва; Молодая гвардия; 1946.
36. Ермилов В.В. *Драматургия Чехова*. Москва: Сов. писатель; 1948.
37. Сахарова Е.М. *А.П. Чехов. 1860–1904. Памятка читателю и материалы в помощь библиотекарю*. Москва: ГБЛ; 1954.
38. Полоцкая Э.А. *Антон Павлович Чехов. Рекомендательный указатель литературы*. Москва: ГБЛ; 1955.
39. Ермилов В.В. *Антон Павлович Чехов. 1860–1904*. Москва: Молодая гвардия; 1949.
40. Ермилов В.В. *Антон Павлович Чехов. 1860–1904*. Москва: Молодая гвардия; 1951.
41. Рейфилд Д. *Жизнь Антона Чехова*. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус; 2014.

References

1. Derman A.V. *The portrait of Chekhov's creativeness*. Moscow: Mir; 1929. (In Russ.)
2. Bulgakov S.N. Chekhov as a thinker. Kiev: Izdanie knizhnogo magazina S.I. Ivanova; 1905. (In Russ.)
3. Stepanov M.M. Chekhov's religion. Saratov: Electro-tipogr.gazety "Volga" 1913. (In Russ.)
4. Masanov I.F. *Chekhoviana. Vol 1. Systematic index of literature about Chekhov and his works*. Moscow: Gosudarstvennaya tsentralnaya knizhnaya palata RSFSR; 1929. (In Russ.)
5. Sobolev Yu.V. *Chekhov*. Moscow: Federatsiya; 1930. (In Russ.)
6. Sobolev Yu.V. Chekhovian studies of 1917–1922s. *Pechat' I revoliutsiia*. 1923; 7: 92–104. (In Russ.)
7. Leitnekker E.A. A.P. Chekhov. On 20th anniversary of death. *Krasnaya Kareliya*. 1924; July 19 (№ 164): 3. (In Russ.)
8. Ovsyaniko-Kulikovskii D.N. *Selected works. V. 5*. Moscow: Gosizdat; 1923. (In Russ.)
9. B.P. What can you read on A.P. Chekhov. (On 25th anniversary of his death). *Krasnaya gazeta*. 1929; July 13 (№ 158): 6. (In Russ.)
10. What can you read on Chekhov. (Anniversary 1904–1929). *Leningradskaya pravda*. 1929; July 14 (№ 159): 3. (In Russ.)
11. Izmailov A.A. *Chekhov. 1860–1904. A Biographical Study*. Moscow: Tipografia t-va I.D. Sytina; 1916. (In Russ.)

12. Lvov-Rogachevsky V.L. *A.P. Chekhov in the memoirs of his contemporaries and in his letters*. Moscow: Izdatelstvom «V.V. Dumnov, nasl. br. Salaevykh»; 1923.
13. Lunacharskii A.V. *The critical articles. (Russian Literature)*. Leningrad: Gubono, 1925. (In Russ.)
14. Balukhaty S.D. *Problems of analysis of dramaturgy. Chekhov*. Leningrad: Academia; 1927. (In Russ.)
15. Chekhov M.P. *Anton Chekhov and his plots*. Moscow: Tipografiya «9-ejanvaria»; 1923. (In Russ.)
16. Botsyanovsky V.F. The literature on A.P. Chekhov. *Krasnaya panorama*. 1929; 28: 20–21. (In Russ.)
17. Prushkhak P.F. *A.P. Chekhov. 1860–1904 Literature index*. Moscow: Gosudarstvennoe bibliotечно-bibliograficheskoe izdatelstvo; 1940. (In Russ.)
18. *A.P. Chekhov. Recommendatory index of literature and sources for libraries*. Moscow: GBL; 1945. (In Russ.)
19. Derman A.B. *Anton Pavlovich Chekhov. A Critical and Biographical Study*. Moscow: Goslitizdat; 1939. (In Russ.)
20. Sobolev Yu.V. *Chekhov*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye; 1934. (In Russ.)
21. I.Ch. A.P. Chekhov. *Literatura s shkole*. 1937; 5: 93–95. (In Russ.)
22. Roskin A.I. A Biographical Study. Chekhov A.P. Selected Works. M.: Detskaya literature; 1935. P. 3–54. (In Russ.)
23. Kogan P.S. *A.P. Chekhov. A Biographical Study*. Moscow, Leningrad: Moskovskiy rabochiy; 1929. (In Russ.)
24. Koltsov M.E. Chekhov without a makeup. *Pravda*. 1928; July 15 (№ 163): 6. (In Russ.)
25. Balukhaty S.D. Chekhov's notebooks. *Literaturnaya ucheba*. 1934; 2: 49–64. (In Russ.)
26. Balukhaty S.D. *Chekhov the dramatist*. Leningrad: Goslitizdat; 1936. (In Russ.)
27. Gofman V. The language of Chekhov the dramatist. *Zvezda*. 1935; 2: 216–240. (In Russ.)
28. *Karl Marx and Friedrich Engels on Art*. Moscow: Sov. literatura, 1933. (In Russ.)
29. *Lenin on Culture and Art. Сборник*. Moscow: Izogiz, 1938. (In Russ.)
30. Lvov-Rogachevsky V.L. *The latest Russian literature*. Moscow: Mir; 1927. (In Russ.)
31. *A.P. Chekhov. The Russian Classics in Marxist views*. Moscow: Nikitinskie subbotniki; 1928. (In Russ.)
32. Chekhov and our time. *Literaturnaya gazeta*. 1940; Jan. 30 (№ 6): 1. (In Russ.)
33. Grinberg I.L.V. Ermilov. «Chekhov». *Znamia*. 1947; 2: 166–171. (In Russ.)
34. Alexandrov B.I. *Seminar on Chekhov*. Moscow: Uchpedgiz; 1957.
35. Ermilov V.V. *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1946. (In Russ.)
36. Ermilov V.V. *Chekhov's dramaturgy*. Moscow: Sov. pisatel'; 1948. (In Russ.)
37. Sakharova E.M. *A.P. Chekhov. 1860–1904. Memo to the readers and materials to help the librarians*. Moscow: GBL; 1954. (In Russ.)
38. Polotskaya E.A. *Anton Pavlovich Chekhov. Recommended index of literature*. Moscow: GBL; 1955. (In Russ.)
39. Ermilov V.V. *Anton Pavlovich Chekhov. 1860–1904*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1949. (In Russ.)
40. Ermilov V.V. *Anton Pavlovich Chekhov. 1860–1904*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1951. (In Russ.)
41. Rayfield D. *Anton Chekhov: a life*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus; 2014. (In Russ.)

Автор публикации

Зайцев Виктор Сергеевич –
кандидат культурологии,
младший научный сотрудник
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: vik.zaytsev2014@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05.09.2022
Одобрена после рецензирования: 10.09.2022
Принята к публикации: 12.09.2022
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Zaitsev Viktor Sergeevich –
PhD in Culturology, Researcher
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
Email: vik.zaytsev2014@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 05.09.2022
Approved after peer reviewing: 10.09.2022
Accepted for publication: 12.09.2022
The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LITERARY STUDIES. LITERATURES OF THE PEOPLE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Научная статья
УДК 821.512.145

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324>

**К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ
ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ: ЖАНРОВЫЙ КАНОН И ДЕКАНОНИЗАЦИЯ**

Д.Ф. Загидуллина

ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», Казань, Россия
zagik63@mail.ru

Аннотация. Статья носит дискуссионный характер и посвящена одной из нерешенных проблем современного татарского литературоведения – жанровой типологии татарской поэзии. В ней рассматривается история формирования в татарской литературе канонических жанров, причины и особенности их существования. Прослеживается ситуация смены канонических жанров неканоническими: время, причины, трансформационные процессы. Часть статьи посвящена анализу жанровой ситуации в татарской поэзии Нового времени. Рассматриваются социально-культурные изменения в начале XX века и их влияние на формирование новых или изменение традиционных жанров. Следующим этапом, связанным с изменениями в жанровой парадигме, выделяется рубеж 1920–1930-х годов. Также жанровые изменения рассматриваются в связи с авангардом 1960–1980-х годов и социокультурной ситуацией рубежа XX–XXI веков. В статье также прослеживается позиция татарских литературоведов в вопросе классификации поэтических жанров. Исходя из анализа жанровой ситуации в татарской поэзии, выделяются жанровые образования и предлагаются некоторые жанровые обозначения. В частности, на материале анализа татарской поэзии XX–XXI веков отмечено, что переход на неканонические жанры позволил татарской поэзии усвоить некоторые русско-европейских жанры, среди которых самыми активными стали «элегия» и «сонет». Трансформации восточных поэтических традиций в структуре, в содержании «комического стихотворения» и «посвящения» мы склонны объяснить также влиянием соответствующих русско-европейских жанров. Вместе с тем, в татарской поэзии сохраняет свои позиции в XX веке и активизируется в начале XXI века в творчестве молодых поэтов традиционно-восточный, присущий татарскому искусству слова жанр – «длинное стихотворение». Если в 1920–1930-е годы «длинное стихотворение» способствовало развитию общественно-политической тематики, а в 1960–1980-е годы затрагивало этнические мотивы (родной земли, родины, матери, родного языка), то в начале XXI века оно позволяет татарским поэтам манифестировать практически все основные содержательные мотивы. Среди так называемых «коротких» стихотворений выделяются жанр «парча» – по тематике охватывающий и общественно-политические стихотворения, и любовную, и пейзажную лирику, продолжая некоторые формальные черты восточной поэзии. Образцы философской лирики в основном соответствуют восточному жанру «кытга», который сохранил свое место в современной татарской поэзии. В начале XXI века прослеживается активность стилизации под восточные канонические жанры: создаются касыды, газели, фахрии, мадхии, марсии и т.д. Возвращение религиозной литературы также способствует появлению стилизаций под молитвы, мунаджаты, насихаты и т.д.

Ключевые слова: татарская поэзия; жанр; канон; типология; деканонизация

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. К проблеме классификации современной татарской поэзии: жанровый канон и деканонизация. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 300–324. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324>

TO THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF MODERN TATAR POETRY: GENRE CANON AND DECANONIZATION

D.F. Zagidullina

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

zagik63@mail.ru

Abstract. The article is of a debatable nature and is devoted to one of the unresolved problems of modern Tatar literary criticism - the genre typology of Tatar poetry. It examines the history of the formation of canonical genres in Tatar literature, the reasons and features of their existence. The situation of changing canonical genres is traced - non-canonical: time, causes, transformational processes. The second half of the article is devoted to the analysis of the genre situation in Tatar poetry of the New Age. Socio-cultural changes at the beginning of the twentieth century and their influence on the formation of new or changing traditional genres are considered. The next stage associated with changes in the genre paradigm stands out the milestone of the 1920s and 1930s. Also, genre changes are considered in connection with the avant-garde of the 1960s–1980s and the socio-cultural situation of the turn of the 20th–21st centuries. The article also traces the position of Tatar literary scholars in the classification of poetic genres, existing views. Based on the analysis of the genre situation in Tatar poetry, genre formations are distinguished and some genre designations are proposed. In particular, based on the material of the analysis of Tatar poetry of the 20th–21st centuries, we noted that the transition to non-canonical genres allowed Tatar poetry to assimilate some Russian-European genres, among which "elegy" and "sonnet" became the most active. We also tend to explain the transformations of eastern poetic traditions in the structure, in the content of the "comic poem" and "initiation" by the influence of the corresponding Russian-European genres. At the same time, in Tatar poetry it retains its position in the twentieth century and is activated at the beginning of the 21st century in the work of young poets of the traditionally eastern, inherent in the Tatar art of the word genre - "long poem." If in the 1920s and 1930s the "long poem" contributed to the development of socio-political topics, and in the 1960s and 1980s it affected ethnic motives (native land, homeland, mother, native language), then at the beginning of the 21st century it allows Tatar poets to manifest almost all the main meaningful motives. Among the so-called "short" poems, the genre of "brocade" stands out - on the subject covering both socio-political poems, love and landscape lyrics, continuing some of the formal features of Eastern poetry. Examples of philosophical lyrics mostly correspond to the eastern genre of "kыtga," which retained its place in modern Tatar poetry. At the beginning of the XXI century, the activity of stylization for Eastern canonical genres is traced: kasyds, gazelles, fakhria, madhiya, marsia, etc. are created. The return of religious literature also contributes to the appearance of stylizations for prayers, munajats, nasikhats, etc.

Key words: Tatar poetry; genre; canon; typology; decanonization

For citation: Zagidullina D.F. To the problem of classification of modern Tatar poetry: genre canon and decanonization. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 300–324. (In Russ.)
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324>

Жанром принято называть исторически сложившуюся, устойчивую разновидность художественного произведения. Множество существующих определений указывают на то, что такая разновидность может быть соотнесена с реально существующими в истории национальной литературы или ряда литератур произведениями [1, с. 263]. Зачастую при изучении жанровой истории и

динамики в национальных литературах одной из главных проблем становится классификация жанров. Это прежде всего касается поэзии, так как жанровая типология по эпическому и драматическому родам национальных литератур народов России второй половины XX – начала XXI веков практически определена. Однако в области поэзии вопрос остается открытым. Например, в татарском литературоведении (и не только татарском) до сих пор не разработана классификация современных жанров поэзии.

Среди ряда причин сложности решения данной научной проблемы необходимо обратить внимание, на наш взгляд, на то, что поэзия в своем историческом развитии переживала большие изменения. Один из ведущих специалистов по жанрологии Н.Д. Тамарченко отмечает, что в такого рода исследованиях «характеристика структуры жанра в данный исторический момент, т.н. в аспекте синхронии, должна сочетаться с освещением его в диахронической перспективе» [1, с. 263]. Диахронические исследования поэзии указывают, что канонические и неканонические жанры малого объема сильно отличаются друг от друга.

«Канон – система устойчивых норм и правил создания художественных произведений определенного стиля, обусловленного мировоззрением и идеологией эпохи. Художественный канон является образцом и критерием положительной оценки всех произведений, созданных по его правилам. <...> В узко-профессиональном плане, в качестве «внешнего» выражения, канон может рассматриваться как ограниченный набор определенных приемов создания произведений» [2, с. 336].

Безусловно, основной признак канона – его идеальность, образцовость; это – то, чему необходимо следовать. Вместе с тем канон не требует прямого повторения, здесь речь идет скорее о воспроизведении с использованием достигнутого. Специалист по арабо-мусульманской литературе средневековья А.Б. Куделин по этому поводу пишет, что «цепь сменяющих друг друга «лучших» образцов отмечает эволюцию канона» [3, с. 197]. Но по сравнению с поэ-

зией Нового времени, канонические жанры переживали небольшие изменения, поэтому можно сделать вывод, что канон – это предписание, требование следовать образцу, выработанному с позиций определенного мировоззрения и менталитета.

Формирование и эволюция средневекового канона в татарской литературе были связаны с принятием ислама нашими предками в эпоху перехода от древности к средневековью.

Главная особенность исламской духовной традиции заключается в целостном восприятии бытия, принципиальной нераздельности в ней религиозного и светского, сакрального и земного, человека и Аллаха. Ислам исходит из существования абсолютной данности вне человека: Аллах есть создатель мира и человека; Он же наделил человека волей и разумом, предоставив возможность постоянного выбора между добром и злом. Кроме того, Аллах дал земному человеку идеал в лице пророка Мухаммеда, халифов, праведников, достижение которого позволит добиться счастья, жить в идеальном обществе (государстве).

В мировоззренческом плане средневековый восточный литературный канон опирается на эти постулаты: в нем сохраняется арабо-мусульманская основа, которая впоследствии развивается в национальных литературах, обогащается новыми идеями и образами.

На становление тюрко-татарского поэтического канона большое влияние оказал суфизм. «Это религиозно-философское учение, предусматривая усовершенствование моральных качеств человека, подразумевает его борьбу со своим эго путем исправления и воспитания, отказ от собственной плотской сущности и материального мира и воссоединение с Господом. В некоторых суфийских учениях тасаввуф описывается как постоянная борьба с мирским, как освобождение человека от своего эго, неподчинение дьяволу, отречение от чувственных влечений во имя Божественной воли, уход от внешнего к внутреннему, хранение жизненных трудностей в тайне, благородство, нежность и чистота» [4, с. 5].

Свое учение суфии излагали не только в специальных трактатах, но и в поэтической форме. В великолепной суфийской поэзии – поэзии созерцания и изощренной чувственности, особого символического и метафорического стиля – кроется глубокий мистический смысл. Благодаря суфизму художественная культура мусульманского Востока получила некое двойственное освещение: поэт мог создавать многоплановые символические композиции, где сочетались мотивы любовной лирики и философского трактата, а любое слово получало необычайную многозначность.

В целом, в содержательном плане поэтический канон включал в себя мотивы борьбы созидającego, животворящего и разрушительного, смертоносного начал (Добра и Зла, Света и Тьмы, Правды и Лжи); особую роль поэтического слова и поэта-пророка; идею Любви и Разума как главных движущих сил общественного развития, составивших основное ядро образца. В сочетании с отточенностью художественной формы оно обусловило непреходящее значение поэтических ценностей.

Эстетическая, формальная сторона художественной культуры арабо-мусульманского Востока ассоциируется, главным образом, с классической поэзией. Поэтический канон включал три основных раздела: метрику – «аруз», рифму – «кафийю», поэтические тропы и фигуры – «бади». Подобные жесткие рамки привели к усложнению поэтической техники. Необходимо было превзойти в мастерстве предшественников, разрабатывая традиционные темы и сюжеты, оставаясь при этом в рамках поэтического канона.

По мнению исследователей арабо-мусульманской поэзии, один из жанров поэзии бедуинов «касыда» послужил основой для формирования целой системы жанровых форм поэзии мусульманских стран. Касыды – поэтические произведения большого объема (до 200 бейтов), рифмующиеся по типу «аа ва са да...») и имеющие композицию из пяти частей: лирического вступления; описания чего-либо; путешествия поэта; восхваления и самовосхваления – со вре-

менем стали основой будущих лирических жанров (любовной, панегирической, дидактико-рефлексивной лирики).

Еще одним важным жанром средневековой арабской поэзии являлся панегирик. Также классическими жанрами стали: кытга – стихотворение из 8–12 строк, которое использовалось для восхваления, поношения или плача; рубай – короткие яркие изречения философского характера; газели – лирические любовные песни.

Суфизм способствовал расширению перечня канонических жанров. Скажем, если в целом одним из самых распространенных жанров, посвященных восхвалению какого-либо события или человека, являлась «мадхия», выделенная в качестве самостоятельного жанра из структуры касыды еще в доисламский период, то в суфийской поэзии активное развитие получили её разновидности: «Тәухид» – восхваление Аллаха; «Нәгыть» – восхваление пророка Мухаммеда; «Сиратен-нәби» – биография пророка; «Мәүлид» – написанные для чтения в день рождения пророка стихотворения о рождении Мухаммеда и т.д. [5].

Конкретный жанр был всегда каноном, внутри которого автор проявлял себя только в стиле и поэтической технике. И он состоял не только из определенных формальных, но и содержательных требований и правил. Жесткая традиция следования жанру породила стремление к внутреннему развитию формальной составляющей при сохранении содержательных законов.

В XXV вв. традиции и каноны арабо-мусульманской поэзии продолжает ирано-таджикская (фарси) поэзия. Арабо-мусульманская традиция здесь наложилась на уже имевшуюся ранее особую систему жанров, что привело к их расширению. Например, жанр месневи был заимствован и усвоен и арабской литературой. Возникнув на территории Средней Азии и Хорасана, персоязычная поэзия впоследствии активно распространилась в Среднем Поволжье, стала благотворным источником для татарской поэзии, в том числе ее жанрового развития. Созданные на фарси газели Хафиза и рубай Хайяма, «Гулистан» Саади и

«Шахнаме» Фирдоуси, «Вис и Рамин» Гургани и «Маснави» Руми стали поистине образцом для подражания тюркоязычных поэтов.

В татарском литературоведении типология канонических поэтических жанров разработана [6] и, по мнению А.М. Шарипова, функциональные особенности поэтических жанров позволяют выделить несколько групп жанров: 1) полифункциональные жанры: кысса, дастан, наме, произведения с «ящичной композицией»; 2) назидательно-дидактические жанры: насихат, хикмет, масал, муназаре; 3) жанры с преобладающей панегирической функцией: таухид, мадхия и марсия; 4) жанры, в которых на передний план выступают образно-познавательная и эстетико-художественная функции – это жанры газель, касыда, месневи, рубаи, туюг, кытга, фард [6, с. 312–313].

Кроме того, ученый, основываясь на типологии арабской классической литературы (XI–XII вв.) Б.Я. Шидфар [7, с.119], выстраивает своеобразную иерархию жанров: «1) жанры высокого ранга – это жанры в основном возвышенного и панегирического характера: таухид, мунаджат, обращенный к Аллаху; касыда-нагт, т.е. касыда, посвященная пророку Мухаммеду; произведения жанров мадхия, марсия и отчасти жанра газель; 2) жанры среднего ранга – это жанры в основном философского содержания, философского осмысления действительности, философского мотивирования основ ислама: кысса, хикмет, насихат, рубаи, кытга, фард, муназаре, месневи и др.; 3) жанры низкого ранга – это произведения для простонародья и для осмеяния: масал, наме (в смысле письма), хикайте манзума, сатира, пародия и т.д.» [6, с. 316–317], отметив, что деление поэтических жанров на три ранга существовало и в средневековой арабской, и персидско-таджикской литературах.

Эта жанровая система существовала в татарской поэзии вплоть до конца XIX века. Поэтические традиции средневековья продолжились и в период формирования светской литературы и глубокой трансформации жанровой системы. Об этом свидетельствует творчество классиков татарской поэзии – поэтов начала XX века: Г. Тукая, Дэрдменда, С. Рамиева, Н. Думави и др., в поэтиче-

ском багаже которых имеются замечательные образцы газелей, рубай, кытга, фарда, марсии и других жанров.

Таким образом, в диахронном изучении истории жанра принято разделять жанры художественного творчества на канонические и неканонические. «Важнейший поворотный момент истории литературы – смена жанров канонических, структуры которых восходят к определенным «вечным» образам, и неканонических, т.н. не строящихся как воспроизведение готовых, уже существующих типов художественного целого» [1, с. 263–264]. Таким образом, в диахронном изучении истории любого из трех литературных родов мы ориентируемся на две основные классификации жанров, которые могут не совпадать друг с другом.

Считается, что в русской поэзии время смены канонических жанров наступило в конце XVIII века. В татарской поэзии такая трансформация началась в конце XIX века, но жанровая смена произошла только в начале XX века, когда и возникла необходимость назвать неканонические жанры, дать им имена-названия.

В начале XX века не только татарская литература, но и литературоведение как наука прошла путь так называемого ускоренного развития. Теория национальной литературы сумела найти свой самостоятельный путь развития. Как в самой литературе, так и в литературоведении чувствуется рост интереса к жанровому развитию художественного творчества.

Первые учебники по теории литературы были написаны под влиянием теоретико-литературной мысли Востока, но с обращением к национальной художественной практике. Обусловлено это тем, что теоретико-литературное мышление этого времени живет одним стремлением: оценить сущность и своеобразие современной татарской литературы.

Автор первых учебников Габдрахман Сагди («Мохтасар кавагыйде эдэбия» («Краткие правила литературы», 1911), «Мохтасар кавагыйде эдэбиягэ гыйлавэ» («Дополнения к кратким правилам литературы», 1911) в вопросах

жанрологии опирается на теорию восточных канонических жанров. В то же время в качестве примеров приводятся произведения татарских поэтов начала XX века: Г. Тукая, Дэрдменда, С. Рамиева и др.

В рецензиях на них именно это несоответствие дало пищу для критики. Многие рецензенты связывали дальнейшее развитие литературоведения с теоретико-литературными концепциями Западной Европы (Н. Хальфин, Наразый и др.), русских авторов (Г. Ибрагимов). Звучали призывы создать оригинальную национальную теорию литературы (Джагфер). Дискуссия способствовала разработке отдельных направлений литературоведения на страницах периодической печати.

В 1912 г. Г. Сагди выпускает новую книгу – «Әдәбият ысуллары» («Методы литературы»), где центральным является учение о родах и видах литературы. Автор разделяет литературу на два вида: устное творчество и письменное творчество, а также на семь «родов»: роман, рассказ, сказка, дастан, басня, кыйсса, драма. Данная классификация объясняется тем, что автор при разделении на «роды» исходит из формы произведения; понятие «словесная литература» у него включает и научную, и публицистическую литературу.

После «Эстетики» Гегеля стало общепринятым делить литературу на три рода: эпический, лирический и драматический. Об этом пишется в книге «Татар әдәбиятының барышы» («Развитие татарской литературы», 1912) Дж. Валиди. Он разделяет литературу на три рода: «шигъре кыйссас» (эпос), «шигъре гыйнаи» (лирика) и «шигъре тәмсил» (драма) [8, с. 159]. Такой же классификации, ссылаясь на Гегеля, придерживается и Н. Хальфин. Похожие выступления были и у Г. Ибрагимова. После этого в татарской теоретико-литературной мысли окончательно утвердилось мнение о существовании трех родов художественной литературы.

Таким образом, если в первых учебниках Г. Сагди приспособлял турецкую и арабскую литературную теории к татарской литературе (без чего невозможно было формирование собственной национальной науки о литературе), то

в последующих трудах он осознает необходимость перехода к новой системе понятий, основанной на западноевропейской и русской теоретической мысли. Для этого было необходимо войти в ареал западноевропейской и русской художественной культуры. Татарская литература была готова к такому скачку: в ней происходит переход к системе жанров, имевших распространение в литературе европейских стран. Однако учебники не смогли справиться с поставленной задачей, так как в основном опирались на опыт восточных поэтик.

Отвечающей требованиям мировой литературно-теоретической мысли начала XX в. и национального литературного процесса стала «Нэзариате әдәбия» («Теория литературы», 1913) Габделбари Баттала, где автор придерживается взглядов Н. Ливанова, изложенных в книге «Учебный курс теории словесности». Г. Баттал выделяет три рода художественной литературы: эпос, лирику и драму, также семь жанров эпоса: дастан, идиллию, балладу, басню, роман, кыйсса (повесть) и рассказ. Г. Баттал также впервые создает учение о жанрах и жанровых формах драмы. При исследовании нового для татарской литературы рода автор старается максимально информировать читателя. Например, отсутствие трагедии не помешало автору выделить ее особенности: в качестве примера он использовал перевод «Бориса Годунова», сделанный С. Рахманколы.

Точные определения, четкие пояснения и примеры из татарской литературы не только способствовали закреплению новых понятий в сознании читателя, но и раскрывали все аспекты содержания этих понятий. Именно учение Г. Баттала о родах и жанрах помогло татарской теоретико-литературной мысли привести к единому знаменателю жанровые системы, выработанные в западной и восточной литературах.

Говоря о лирическом роде, Г. Баттал пишет: «Есть такие произведения, где поэт с помощью образной и стихотворной речи передает свои мысли, чувства, желания и объясняет их причину» [9, с. 79]. После чего поясняет: «мысли и чувства человека появляются в результате внешних причин», «но в лирике

самое главное не описание картин внешней жизни, а изображение мыслей и чувств, проснувшихся под воздействием этих картин» [9, с. 79]. Исходя из характера чувств, Г. Баттал выделяет три жанра лирики: «фэхрия» (ода) – где «с помощью приподнятых, торжественных слов передается возникшее в результате большого события в жизни народа или дел великих людей, знаменательных вещей, чувство радости, восторга», «элегия, где доминирует чувство горести, вызванное какими-либо печальными явлениями», и «сатира – выражающая чувства негодования, презрения и ненависти» [9, с. 85].

Вместе с тем, Г. Баттал пытается отделить друг от друга канонические и неканонические жанры [9, с. 67–69].

Написав цикл статей «Татар шагыйрьләре» («Татарские поэты», 1913), Дж.Валиди попытался дать жанровую характеристику существующих в татарской поэзии начала XX века стихотворений. Он разделяет поэтов на три группы: первая следует канонам восточной поэзии и видит ценность литературы в разукрашенной форме; вторая, особо превознося мысль, логику и назидательность, забывает о художественности; а третья, идеализируя творчество, ставит перед искусством задачу быть «возвышенным». По мнению Дж. Валиди, в татарской теоретико-литературной мысли преобладает увлечение концепцией последних. «На нашей поэтической арене, – пишет Дж. Валиди, – ведущие позиции занимают произведения, относящиеся к третьей группе, то есть у нас литература служит определенной идее, если можно так сказать, цели». Характеризуя сторонников третьей группы, автор приводит цитату из книги Г. Ибрагимова и подчеркивает, что литературу они воспринимают как «всё, что воздействует на наши души и фантазию, что пробуждает чувства и впечатления». С другой стороны, Дж. Валиди указывает на такую ее важную черту, как служение определенным убеждениям, национальной идее [8, с. 49].

Книга «Әдәбият дәресләре» («Уроки литературы», 1916) Г. Ибрагимова фактически завершает период формирования теории татарской литературы [10]. Она была переиздана под названием «Әдәбият кануннары» («Законы литерату-

ры», 1919), и дальнейшее развитие теоретических изысканий в татарском литературоведении практически определяется этим исследованием.

Три рода художественной литературы – эпос (ривая), лирика и драма – выделяются и в книге Г. Ибрагимова. Среди жанров эпоса автор указывает басню, балладу, поэму, рассказ, длинный рассказ и роман [10, с. 182]; драмы – комедия, драма, трагедия [10, с. 208]. Жанрами лирики автор называет оду (мәдхия), элегию, сатиру (һөжү). Определения жанров свидетельствуют о том, что Г. Ибрагимов исходит из содержательных характеристик произведений. Приведем примеры: «Произведения, представляющие радостное, задорное, возвышенное состояние души поэта в результате воздействия чего-то высокого, называются мәдхия» [10, с. 201]; «В литературоведении элегией называют произведения, рассказывающие о горестных, печальных, грустных чувствах поэта» [10, с. 201], «произведения, показывающие плохие, некрасивые, смешные вещи в жизни в комическом плане, называют һөжү» [10, с. 202].

Как и Г. Батгал, Ибрагимов пытается разделить фольклорные, классические («сахтә классик») и неканонические («яңа заман») жанры.

В советский период исследования в области жанровой типологии поэзии в целом сводятся к адаптации теоретических взглядов русских ученых. В своем учебнике «Әдәбият теориясе» («Теория литературы», 1939) Г. Джан Сагди повторяет мысли Г. Ибрагимова и активно обращается к системе понятий западноевропейской и русской теоретической мысли. Выделив три литературных рода: эпос, лирику и драму, он сделал попытку определить жанровые названия некоторых отдельно взятых произведений литературы.

Практически до конца XX века жанры поэзии классифицируются, исходя из типологии русской лирики. Например, в словаре «Әдәбият белеме сүзлегә» («Словарь литературоведческих терминов», 1990), составленном А.Г. Ахмадуллиным, при разъяснении термина «Жанр» указано, что лирика состоит из 4-х жанров: ода, элегия, газель, песня [11, с. 52]. В другом подразделе под названием «Литературный жанр и жанровые формы» читаем: «определение

жанров и жанровых форм лирики остается нерешенной проблемой: ее классифицируют в основном исходя из тематического принципа. Например, интимная лирика, гражданская лирика, философская лирика и т.д. Иногда обращая внимание на формальную сторону, принято выделять такие формы, как стихотворение-монолог, стихотворение-обращение, стихотворение-диалог и т.д.» [11, с. 228].

В учебнике «Әдәбият теориясе» («Теория литературы», 2000) Ф. Хатипова целый раздел посвящен жанрам лирики и как таковые выделены: ода, гимн, дифирамб, элегия, эпитафия (мәрсия), эпиграмма, песня, мунаджаты (мөнәжәт). Автор отмечает, что такая классификация, берущая начало «с древних времен, с античной поэзии, эпох Возрождения и классицизма», «в первую очередь, учитывает характер изображенных чувств и переживаний» [12, с. 199].

Кроме вышеназванных, Ф. Хатипов называет некоторые жанры, присущие поэзии Западной Европы: мадригал, послание, эпиталам, эклога; из башкирского фольклора – кобайыр; из восточной лирики – назирэ, кыйтга и т.д. [12, с. 204–205].

Тут же отмечается, что первая типология не совсем подходит для татарской поэзии, так как «не может охватить всю лирику, многие слои остаются вне жанровой типологии, не названными» [12, с. 205], поэтому автор считает возможным назвать отдельные жанры татарской поэзии гражданской лирикой, философской лирикой, интимной (любовной) лирикой, пейзажной лирикой, указывая, что такая типология выполнена по другому принципу. Тем не менее, и здесь на первое место выходит содержательная сторона поэтических произведений.

Безусловно, для использования в образовательной деятельности (общеобразовательные, средне-специальные и высшие учебные заведения) должна была быть найдена жанровая классификация татарской поэзии. Она впервые была представлена в учебном пособии «Татар әдәбияты: Теория. Тарих» («Татарская литература: Теория. История», 2004). В нем в качестве

жанров татарской поэзии были указаны: пейзажная лирика, гражданская лирика, политическая лирика, душевная лирика (күңел лирикасы) и философская лирика. И тут же как названия традиционных жанров упомянуты касыда, мадхия, марсия, газель, кытга и назира [13, с. 47–50]. В школьных и вузовских учебниках стал использоваться такой подход.

Наш обзор показывает, что типология лирических жанров в татарском литературоведении не установлена. До сих пор не найдено решение этой научной проблемы. Причина кроется в том, что принятые в русской литературе неканонические жанровые классификации не совпадают с реальной исторической и даже современной ситуацией в татарской поэзии.

Теперь попробуем взглянуть на татарскую поэзию XX века с точки зрения формирования новых неканонических жанров. Еще раз подчеркнем, что в татарской литературе смена канонических и неканонических жанровых систем произошла в результате секуляризации и активного становления просветительской парадигмы. Татарская каноническая поэзия развивалась в рамках религиозной картины мира, единственной оппозицией в ней выступала оппозиция «человек – Аллах», развиваемая в разных модификациях «человеческое / божественное; земная жизнь / небесная жизнь; ложь / истина; временность / вечность; убожество / красота; зло / добро и др.» [14]. Татарские поэтические канонические жанры были связаны с ней, и ее полная смена светской картиной мира сопровождалась также сменой ориентиров в художественном творчестве: с Востока – на Запад. В результате произошла трансформация во всех трех разделах поэтического канона: в стихосложении – наряду с арузом все активнее начала использоваться силлабика (уже к концу 1920-х гг. в татарской поэзии основной формой стихосложения стала силлабика), это привело к изменениям в той области формы, которая называлась «кафийей», и «бади» – поэтические тропы и фигуры – тоже стали «европеизироваться». Ускоренное прохождение этапа смены моделей мира и художественных парадигм не оставляла времени для формирования эстетических и концептуальных основ новых

поэтических жанров.

С одной стороны, не так активно, но продолжали применяться поэтические формы касыды, газели, мадхьи и марсии и др. Этому способствовало частичное сохранение гаруза как одной из форм стихосложения. По мнению Х. Курбатова, после формирования неканонических жанров гаруз использовали не только Г. Тукай, Дэрдменд и С. Рамиев, но и поэты Х. Такташ и М. Джалиль. В частности, на множестве примеров он доказывает, что Х. Такташ после 1925 года часто обращается к гарузу, множество его известных стихотворений написано разными метрами гаруза, «Жир уллары трагедиясе» («Трагедия сынов земли» «с начала до конца выдержана (с необходимыми драматургическими отступлениями) в метре рамал-и мусамман-и махзуф» [15, с. 61]. Проанализировав множество стихотворений, написанных в 1920-е годы гарузом, ученый констатирует, что М. Джалиль окончательно переходит к силлабике только после 1926 года [15, с.63–70].

Таким образом, переходный для татарской поэзии период затянулся до середины 1920-х годов, обеспечив существование на поэтическом пространстве канонических жанровых форм стиха, изменивших содержание. Поэтому исследователи татарской поэзии начала XX века, 1920–1930-х годов в отношении отдельных произведений используют такие жанровые названия, как газель, рубаи, касыда, кытга.

Что же происходило в первой трети XX века в области заимствования русско-европейских жанров? Несмотря на ориентировку на Запад и стремление татарских поэтов усвоить русско-европейские поэтические жанры, они оставались единичными явлениями. Например, А.З. Хабибуллина пишет о формировании жанра элегии в русской и татарской литературах: «В отношении татарской поэзии справедливым является и другой факт: элегия как самостоятельный жанр не была значительным явлением ее истории по сравнению с русской литературой первой половины XIX века, она не имела своего места в ней» [16, с. 101–102], поэтому исследователь обращается, наряду с жанровым названием, к

терминам «элегическое» и «элегический модус (элегизм), оговаривая их использование «как абстрактных категорий, приложимых к разноязычным художественным произведениям в аспекте их диалога с русской поэзией» [16, с. 101–102].

Нам кажется, что эта точка зрения в целом объясняет ситуацию с новыми неканоническими жанрами в татарской поэзии в этот период. С одной стороны, смена ориентира на Запад активизирует в татарском художественном сознании такие модусы художественности, как героическое, драматическое, комическое, элегическое, идиллическое. С другой, они не могут полностью коррелировать с русско-европейскими жанрами, так как не совпадают системы стихосложения и художественных приемов и средств.

Это явственно видно и на примере татарской поэзии второй половины XX века. Судя по исследованиям А.З. Хабибуллиной, элегический дискурс впервые появился в переводных стихотворениях Г. Тукая (нач. XX века), но первые образцы жанра элегия появились только в 1960-е годы, в творчестве Х. Туфана [16, с. 236–237]. Дальнейшее освоение жанра происходило в 1980-е гг.

1. Наши собственные исследования поэзии начала XX века [17] позволяют сделать некоторые обобщения относительно жанровых трансформаций. Безусловно, новым явлением было появление на канонических структурах многочисленных образцов чисто-светской пейзажной лирики. В какой-то мере они коррелировали с идиллией; множество было написано в структуре канонической касыды (например, стихотворение Г. Тукая «Валлаһи» («Утверждаю», 1912)), но больше всего, на наш взгляд, соответствовали жанровому обозначению «парча».

2. Как жанровое название «парча» восходит к персидской поэзии (с персид. – отрывок)? Парча – литературный жанр, небольшое по объёму поэтическое или прозаическое произведение, созданное на основе небольшой художественной детали и характеризующееся композиционной и тематической це-

лостностью [11, с. 131]. Тематически парча может относиться к любовной, пейзажной лирике, носить философский или назидательный характер. Кроме объема, как формальные признаки жанра можно назвать простоту и ясность чувств-переживаний, созвучие по напевности, образной системе с народной песней, склонность к афористичности.

Безусловно, причина чрезвычайной активности в начале XX века гражданской и политической лирики кроется в том, что в татарской литературе, в том числе в поэзии, на первый план выходит тема судьбы нации, ее будущего. Если без конкретных подсчетов попробовать определить место гражданской и политической лирики в общей массе татарской поэзии, то оно составит две третьих или даже больше. Тот факт, что татарская новая светская поэзия начала XX века в большинстве своем состояла из произведений, посвященных судьбе татарского народа, привело в конечном счете к разрушению одного из основных принципов жанрообразования: корреляции содержательных и формальных принципов. За сравнительно короткое время в татарской поэзии было написано столько разнообразных по форме стихотворений гражданского (политического) содержания, что при всем желании самих поэтов или литературоведов и критиков, их невозможно было бы как-то соотнести с едиными формальными требованиями.

Во многих стихотворениях такого содержания использовались канонические формы. К примеру, можно упомянуть стихотворение Г. Тукая «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда», 1910), в тексте которого форма газели (любовная лирика) обогащается социально-политическими и общечеловеческими мотивами.

Вместе с тем, в начале XX века среди стихотворений, посвященных гражданской и политической теме, ярко выделяется жанр «багышлау», который видоизменяется от «послания» – в сторону «посвящения». «Багышлау – <...> посвященное памяти отдельно взятого человека, важным событиям, стихотворение», по мнению авторов словаря, может иметь социально-политический, ин-

тимный, юмористический, сатирический и др. характеры [11, с. 24]. Например, у Г. Тукая среди множества багышлау – назидания татарским девушкам, молодежи, редакторам газет, татарским юношам, политикам, шакирдам и т.д. В жанре багышлау основным формальным признаком может быть названо риторическое обращение (восклицание, вопрос, констатация и т.д.), которое сохраняется при любом тематико-проблематическом оформлении.

Безусловно, в этот период сатирические стихотворения также были связаны с социально-культурной ситуацией и с представлениями татарских поэтов о будущем татарского общества. Часто сами поэты называли свои стихотворения «һөжү шигыре» («комическое стихотворение»).

Жанр «кытга» все больше напоминал жанр философской лирики в русской или европейской литературах, так как светская картина мира расширила «возможности творческого познания, выводила литературу из рамок мусульманской философии» [17, с. 29].

3. Кытга (с арабск. «поэтический фрагмент», «кусок»), по мнению А. Шарипова, «является одной из самых древних жанровых форм лирической поэзии восточных литератур»; уже в средневековой тюрко-татарской поэзии она используется в качестве жанрового понятия: «умышленное, целенаправленное создание небольшого стихотворения для выражения одной или нескольких мыслей, довольно часто философского или дидактического содержания, для высказывания мнения по тому или иному поводу» [6, с. 298–299].

4. В начале XX века в творчестве Г. Тукая, Ш. Бабича, «кытга» используется для обозначения небольших философских или дидактических стихотворений; «некоторые свои тексты они сами же и обозначают этим названием [18, с. 92]. К примеру, можно упомянуть стихотворения Г. Тукая «Кыйтга “Хэзрәте Пушкин вә Лермонтов”» («Кытга “Его величество Пушкин и Лермонтов”», 1913), «Мөхәрриргә» («Издателю», 1913), «Кыйтга “Көчләремне мин...”» («Кытга “Силы свои...”», 1913) и т.д. Таким образом, мы можем констатировать,

что данный термин был усвоен татарской неканонической литературой, но позже забыт.

5. В начале XX века многие стихотворения, по тематике относящиеся к гражданской, любовной лирике, имели форму «озын шигырь» (букв. «длинное стихотворение»; в фольклоре тюркских народов традиционно использовалась форма «озын жыр» – «протяжная песня»). Таким образом, озын шигырь – это лирическое произведение большого объема, сочетающее в себе эмоционально-лирический сюжет с эпическими деталями и картинками, с проработанными характерами ролевых героев и эмоциональными высказываниями лирического героя, возможности которого позволяет обращаться к историческим, философским, политическим ретроспекциям и «вставкам». Зачастую применяется свободная форма стихосложения.

Наши исследования показывают [19, с. 130–184], что начиная с середины 1920-х годов, наблюдается процесс оформления стихотворений, написанных на гражданские (политические) темы, преимущественно в форму «озын шигырь». На этом поприще выделяются творчество Х. Туфана, Х. Такташа, А. Кутуя, К. Наджми и др. Этот процесс сопровождался модернистскими (футуризм, имажинизм, гисьянизм) экспериментами татарских поэтов прежде всего в области образотворчества. Отказ от модернизма и романтизма под нажимом советской идеологии обернулся и отказом от дальнейших опытов в данной сфере. Но очень скоро – сначала на волне авангарда 1960–1980-х гг., а затем, с новой силой, на рубеже веков – уже можно было наблюдать чрезвычайную динамику жанра «озын шигырь».

Если попытаться реконструировать жанровую ситуацию в татарской поэзии второй половины XX века на основе собственных наблюдений [20], то заметно, что вследствие активного взаимодействия с русской литературой наблюдается динамика таких жанров, как элегия, идиллия, сонет. Однако на литературной арене они занимают небольшое место. Например, пик активности жанра сонета приходится на начало XXI века.

6. В 1960–1980-е годы в поэзии основное место занимают произведения, прославляющие окружающий мир, красоту простых человеческих отношений. Зачинателем этого направления является Сибгат Хаким: в его стихотворениях («Башка берни дә кирәкми» («Больше ничего не надо», 1959), «Әй язмыш, язмыш» («Эх судьба, судьба», 1975), «Туган як – мәңгелек моңым» («Родная сторона – моя вечная грусть», 1980), «Үрләреңне менгәч» («Поднявшись на твои холмы») и др.) основное содержание составляют любовь к родной земле, восхищение ею, утверждение о том, что человек и родная земля живут на одной волне.

7. Вместе с тем, в некоторых стихотворениях этот мотив позволяет делать философские обобщения. К примеру, можно упомянуть стихотворения С. Хакима «Арышның саргылт серкәсе» («Желтоватая ржаная пыльца», 1977), «Минем таныш өянкеләр» («Знакомые мне ивы», 1970) и т.д.

8. В 1960–1980-е гг. любовная лирика в татарской поэзии в целом включает в себя стихотворения о родной земле, матерях и любимых женщинах и т.д., по напевности, звучанию, образной системе она все более напоминает народные песни, привлекая своей простотой, богатством чувств и некоторой наивностью. Эта тенденция проявляется в стихотворениях Х. Туфана, ярко видится и в творчестве молодых в ту пору поэтов: Раш. Ахметзянова, Р. Файзуллина, Р. Гаташа, Роб. Ахметзянова, С. Сулеймановой и мн.др.

9. По нашему мнению, использование многих форм и приемов народных песен в любовной (в том числе пейзажной) лирике указывает на то, что в этом случае может быть применено жанровое название «парча».

10. Еще один объемный пласт поэзии – это, безусловно, т.н. гражданская (политическая) лирика с мотивами героизма, отваги, готовности отдать жизнь за родину, верности ей. До 1980-х гг. в творчестве каждого поэта они занимали определенное место. Большинство таких стихотворений – это крупные по объему тексты, формально подходящие по характеристикам под жанр «озын

шигырь». Постепенно темы войны, героизма, перемен в жизни начинают пропитываться этническими или общечеловеческими красками.

11. В 1960–1980-е гг. в татарской литературе наблюдается развитие сатиры и юмора: в рамках юмористических и сатирических стихотворений формируется критика по отношению к действительности, ирония – к идеалу «советский человек». В татарской литературе активизируются разновидности «юмористическое стихотворение», «сатирическое стихотворение», «шарж». Творчество зачинателя концепции смеха, основанной на «эзоповом языке», Гамиля Афзала позволяет нам высказать предположение, что жанровым названием для юмористических, сатирических, иронических и т.д. стихотворений было бы целесообразно выбрать «көлү шигьре» («комическое стихотворение»), так как в сатирических или юмористических стихотворениях проявляется общий скрытый смысл – высмеивание или критика советской идеологии. Скажем, подтекст юмористического стихотворения оборачивается сатирой или иронией. Например, это наблюдается в стихотворениях «Елмаям уйчан гына...» («Задумчиво улыбаюсь...», 1968), «Тун астында кыюлык» («Смелость из-под шубы» 1969), «Гомер китабы» («Книга жизни», 1969), «..Бигрэк юаш басып йөрдем жиргә» («... Слишком кротко ступал по земле...»), «Чабаклар йөзгән Иделдә» («Волга, в которой водится плотва») и др. Прием «эзопова языка» становится главным комическим приемом татарских поэтов.

12. Философичность является еще одной характерной особенностью татарской поэзии 1960–1980-х годов. Философская лирика развивалась в творчестве Х. Туфана, Р. Файзуллина, Зульфата, М. Агямова, Р. Хариса и многих других. Эти многочисленные стихотворения можно было бы объединить под общим жанровым названием «кыйтга» («кытга»).

13. В этот период в творчестве отдельных поэтов, прежде всего, Р. Гаташа, наблюдаются попытки стилизации под восточные канонические жанры: пишутся касыды, газели, фарды, кытга и т.д., с сохранением формальных требований канона.

В дальнейшем – на рубеже XX–XXI веков [21] – идет стабильное развитие вышеназванных жанровых образований. В количественном отношении на первое место выходит т.н. гражданская (политическая) лирика, в основном сохранив форму «озын шигырь». В данном направлении объяснимо усиление публицистичности: многие стихотворения пишутся как отклик на актуальные общественно-политические события, или поэты обращаются к запретным в советское время проблемам: культ личности, исчезновения родного языка, нивелирования культуры и национального самосознания.

В целом, форма «озын шигырь» динамично используется в стихотворениях, посвященных истории и судьбе татарского народа, родному краю, в модернистских и постмодернистских текстах молодых поэтов Л. Янсуар, Р. Аймета, Л. Гибадуллиной, Р. Мухаметшина и др.

Новым явлением на рубеже веков стала активизация жанров и жанровых форм, стилизованных под суфийскую литературу (молитвы, зухд, насихат, мунаджат, марсии, касыйдэ, кыйтга и др.), в творчестве Г. Салима, Ф. Сафина, Р. Гаташа, М. Мирзы и др.

Попробуем сделать некоторые выводы.

Наш материал носит характер постановки проблемы и касается одного из самых сложных вопросов современной жанрологии в татарском литературоведении – типологии поэтических жанров. Проблема жанровой классификации эпоса и драмы были решены еще на рубеже XIX–XX веков, однако исследователями татарской поэзии, несмотря на определенные попытки, до сих пор не представлена версия, которая бы охватывала все разнообразие представленных форм.

Это связано, с одной стороны, с особенностями восточного канона, который был напрямую связан с формой стихосложения гаруз. Некоторые канонические жанры продолжали существовать в татарской поэзии и после отказа от канона в трансформированном виде. Ориентация татарской литературы на рубеже XIX–XX веков на Запад, формирование светской картины мира привели к

масштабным изменениям в самой поэзии, но жанровые названия не были определены.

Исходя из своих исследований по татарской поэзии XX–XXI веков, мы попытались обрисовать жанровую ситуацию. С момента перехода на неканонические жанры в татарской поэзии наблюдается усвоение русско-европейских жанров «элегия» и «сонет». Несколько трансформированными жанрами общелитературного плана стали «көлү шигыре» («комическое стихотворение») и «багышлау» (совместивший в себе «послание» и «посвящение»).

Основной массив татарской поэзии всего XX и начала XXI веков составляют стихотворения, написанные на гражданские и общественно-политические темы. Здесь мы наблюдаем формирование жанра «озын шигырь» («длинное стихотворение»). Короткие стихотворения, по тематике охватывающие и общественно-политические стихотворения, и любовную, и пейзажную лирику, могут быть названы – возрождая традиционное каноническое жанровое обозначение – «парча». Что касается философской лирики, то столь же традиционное название «кыйтга» («кытга») частично уже присутствовало в литературном пространстве вплоть до сегодняшнего дня.

Вместе с тем, в отношении определенных произведений могут использоваться и названия канонических жанров: касыда, газель, фахрия, мадхия, марсия, мунаджат, насихат и т.д. Если до конца 1930-х гг. образцы восточных жанров появлялись как анахронизмы, то с середины XX века наблюдается динамика стилизации под восточные канонические жанры, которая продолжается по сей день.

Список литературы

1. Тамарченко Н.Д. Жанр. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак»; 2001. С. 263-265.
2. Пак Н.И. Канон. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак»; 2001. С. 336.
3. Куделин А.Б. *Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII – XI век)*. М.: Наука; 1983. 262 с.
4. Алиева А.Т. Роль суфизма в распространении исламских ценностей. Казань: *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2020;(10):5-14.

5. Сибгатуллина А.Т. *Жанровое многообразие татарской духовной культуры. Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты.* М.: ИМЛИ РАН; 2014. С. 140-157.
6. Шарипов А.М. *Зарождение системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII-XIV вв.).* Казань: Изд-во Казан. ун-та; 2001. 364 с.
7. Шидфар Б.Я. *Образная система арабской классической литературы (VI-XII вв.).* М.: Наука; 1974. 253 с.
8. Вәлиди Жамал: *Әдәби һәм тарихи-документаль җыентык / Төз. Д. Абдуллина, Ж. Миңнуллин.* Казан: Жыен; 2010. 624 б. (На татар.яз.)
9. Батгал Г. *Нәзарияте әдәбия.* Казан: Өмет; 1913. 114 б. (На татар.яз.)
10. Ибраһимов Г. *Әдәбият дәресләре. Әсәрләр. Т.7.* Казан: Татар. кит. нәшр.; 2019. С. 122-240. (На татар.яз.)
11. *Әдәбият белеме сүзлеге / Төз.-ред. А.Г. Әхмәдуллин.* Казан: Татар. кит. нәшр.; 1990. 237 б.
12. Хатипов Ф. М. *Әдәбият теориясе.* Казан: Мәгариф; 2000. 352 б. (На татар.яз.)
13. *Татар әдәбияты: Теория. Тарих / Д.Ф. Заһидуллина, Ә.М. Закирҗанов, Т.Ш. Гыйләжев.* Казан: Мәгариф; 2004. 247 б. (На татар.яз.)
14. Загидуллина Д.Ф. Смена моделей мира в татарской литературе 1906–1908 годов. *Уч. записки Казан. гос. ун-та. Гуманитарные науки.* 2005; (147, 2): 66–72.
15. Курбатов Х. *Ритмика татарского стиха.* Казань; 2005. 92 с.
16. Хабибуллина А.З. *Элегия, элегическое, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования: Монография.* Казань, РИЦ «Школа»; 2021. 259 с.
17. Заһидуллина Д.Ф. *Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр.* Казан: Мәгариф; 2006. 191 б. (На татар.яз.)
18. Юсупова Н.М. Кыйтга. *Әдәбият белеме: терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге.* Казан: Мәгариф; 2007. Б. 92. (На татар.яз.)
19. Загидуллина Д.Ф. *Модернизм в татарской литературе первой трети XX века.* Казань: Татар. кн. изд-во; 2013. 207 с.
20. Заһидуллина Д.Ф. *1960-1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш майданнары һәм авангард эзләнүләр: монография.* Казан: Татар. кит. нәшр.; 2015. 383 б. (На татар.яз.)
21. Загидуллина Д.Ф. *Татарская поэзия рубежа XX-XXI веков (1986-2015): эстетические ориентиры и художественные поиски.* Казань: Изд-во Академии наук РТ; 2017. 268 с.

References

1. Tamarchenko N.D. Genre *Literary Encyclopedia of terms and concepts.* ch. ed. and comp. A.N. Nikolyukin. М.: NPK «Intelvak»; 2001. P.263-265. (In Russ.)
2. Pak N.I. Canon. *Literary Encyclopedia of terms and concepts.* ch. ed. and comp. A.N. Nikolyukin. М.: NPK «Intelvak»; 2001. P.336. (In Russ.)
3. Kudelin A. B. *Middle-age Arabic poet (second half of VIII - XI centuries).* М.: Nauka; 1983. 262 p. (In Russ.)
4. Aliyeva A.T. The role of Sufism in the spread of Islamic values. Kazan: *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region.* 2020; (10):5-14. (In Russ.)
5. Sibgatullina A.T. Genre variety of Tatar spiritual culture. *Issues of studying the history of national literatures. Theory. Methodology. Modern aspects.* М.: IMLI RAN; 2014. S. 140-157. (In Russ.)
6. Sharipov A.M. *The birth of a system of poetic genres in ancient Turkic and Turkic-Tatar literature (VIII-XIV centuries).* Kazan: Izd.Kazan. un-ta; 2001. 364 p. (In Russ.)
7. Shidfar B.Ya. *Arabic classical literature system (VI-XII centuries).* М.: Nauka; 1974. 253 p. (In Russ.)
8. Validi Gamal: *Literary and historical-documentary collection / D. Abdullina, G. Minnullin.* Kazan: Dgien; 2010. 624 p. (In Tatar.)
9. Battal G. *Theory literature.* Kazan Umet; 1913. 114 p. (In Tatar.)

10. Ibragimov G. Literature lessons. *Works*. Volume 7. Kazan: Tatars.kn. izd.; 2019. S.122-240. (In Tatar.)
11. *Literary dictionary / orig.red.* Akhmadullin A.G. Kazan: Tatars.kn. izd.; 1990. 237 p. (In Tatar.)
12. Khatipov F. M. *Theory of literature*. Kazan: Magarif; 2000. 352 p. (In Tatar.)
13. *Tatar literature: Theory. History /* D.F. Zagidullina, A.M. Zakirzyanov, T.Sh. Gylyazev. Kazan: Magarif; 2004. 247 p. (In Tatar.)
14. Zagidullina D.F. Change of world models in Tatar literature of 1906-1908. Kazan: *Academic notes of KSU*. 2005; (147, 2): 66–72. (In Russ.)
15. Kurbatov H. *Rhythmic Tatar verse*. Kazan; 2005. 92 p. (In Russ.)
16. Khabibullina A.Z. *Elegy, elegiac, elegism in Russian and Tatar poetry: criteria for comparative research*: Monograph. Kazan, RIC «Schkola»; 2021. 259 p. (In Russ.)
17. Zagidullina D.F. *Changing models of the world: philosophical works of the early twentieth century*. Kazan: Magarif; 2006. 191 p. (In Tatar.)
18. Yusupova N.M. Kyitga. *Literary criticism: a dictionary of terms and concepts*. Kazan: Magarif; 2007. S. 92. (In Tatar.)
19. Zagidullina D.F. *Modernism in Tatar Literature of the first third of the twentieth century*. Kazan: Tatars.kn. izd.; 2013. 207 p. (In Russ.)
20. Zagidullina D.F. *Tatar literature 1960-1980: avant-garde searches and experiments*. Kazan: Tatars.kn. izd.; 2015. 383 p. (In Tatar.)
21. Zagidullina D.F. *In Tatar poetry of the turn of the 20th-21st centuries (1986-2015): aesthetic landmarks and artistic searches*. Kazan: Izd.Academia nauk RT; 2017. 268 p. (In Russ.)

Автор публикации

Загидуллина Дания Фатиховна –
 доктор филологических наук, профессор
 ГНБУ “Академия наук Республики
 Татарстан”
 Казань, Россия
 E-mail: zagik63@mail.ru

Author of the publication

Daniya F. Zagidullina –
 Doctor of Philology, Professor
 Academy of Sciences of the Republic of
 Tatarstan
 Kazan, Russia
 E-mail: zagik63@mail.ru

**Раскрытие информации
 о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии
 конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.08.2022
 Одобрена после рецензирования: 25.08.2022
 Принята к публикации: 01.09.2022
 Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 17.08.2022
 Approved after peer reviewing: 25.08.2022
 Accepted for publication: 01.09.2022
 The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА LINGUISTICS. LANGUAGE THEORY

Научная статья
УДК 81.13, 159.9.072

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.325-337>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.М. Алексеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
ealekseeva@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

Аннотация. Статья посвящена изучению репрезентации психологических концептов «внимание», «память», «восприятие», «фантазия» «речь», «мышление», «способности», «знание», «ум/разум/понимание», «душа» во фразеологизмах русского языка и их эквивалентов (соответствий) в немецком языке. Материалом исследования стали 88 фразеологических единиц русского языка, 31 выражение из которых вербализует концепт «речь», 11 – «внимание», по 10 – «ум/разум/понимание» и «душа», 6 – «мышление», по 5 – «память», «восприятие», «способности», 4 – «знание», 1 – «фантазия». Результаты проведенного исследования показали, что большинство (около 60%) всех изученных фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих психологические концепты, имеют эквиваленты в немецком языке, остальные фразеологизмы и идиомы могут быть переданы на немецкий язык путем объяснения и описания их значения. Заслуживает внимания тот факт, что для 45% фразеологических единиц русского языка, вербализующих концепт «речь», не существует эквивалентов в немецком языке: их значение передается объяснением смысла. Однозначные эквиваленты в немецком языке имеет большинство приведенных фразеологизмов русского языка, репрезентирующих концепты «мышление» и «память». Проведенный анализ подтвердил достаточное разнообразие фразеологической репрезентации психологических концептов в русском и немецком языках и их значимость в обеих культурах. В перспективе проведенные исследования можно дополнить сопоставительным изучением эквивалентности фразеологических единиц, репрезентирующих психологические концепты в русском и английском языках.

Ключевые слова: психологические концепты; фразеологизмы русского языка; репрезентация; фразеологизмы немецкого языка

Для цитирования: Алексеева Е.М. Психологические концепты во фразеологизмах русского языка и их эквиваленты в немецком языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 325–337. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.325-337>

Original article
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.325-337>

Philology studies

PSYCHOLOGICAL CONCEPTS IN PHRASEOLOGISMS OF RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR EQUIVALENTS IN GERMAN LANGUAGE

Е.М. Alekseeva

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
ealekseeva@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

Abstract. The article is devoted to the study of the representation of psychological concepts “attention”, “memory”, “perception”, “fantasy”, “speech”, “thinking”, “ability”, “knowledge”, “mind/mind/understanding”, “soul” in the phraseologisms of the Russian language and their equivalents (correspondences) in German. The material of the study was 88 phraseological units of the Russian language, 31 of which expressed the concept of “speech”, 11 – “attention”, 10 –

“mind/mind/understanding” and “soul”, 6 – “thinking”, 5 – “memory”, “perception”, “ability”, 4 – “knowledge”, 1 – “fantasy”. The results of the study showed that the majority (about 60%) of all the phraseological units of the Russian language studied, representing psychological concepts, have equivalents in German, the remaining phraseologisms and idioms can be expressed in German by explaining and describing their meaning. It is noteworthy that for 45% of the phraseological units of the Russian language that verbalize the concept of “speech”, there are no equivalents in German, their meaning is conveyed by explaining the meaning. Unambiguous equivalents in German have most of the phraseologisms of the Russian language, representing the concepts of “thinking” and “memory”. The analysis confirmed the sufficient variety of phraseological representation of psychological concepts in Russian and German and its importance in both cultures. In the future, the studies carried out can be supplemented with a comparative study of the equivalence of phraseological units representing psychological concepts in Russian and English.

Keywords: psychological concepts; phraseologisms of the Russian language; representation; phraseologisms of the German language

For citation: Alekseeva E.M. Psychological Concepts in Phraseologisms of Russian Language and their Equivalents in German Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 325–337. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.325-337> (In Russ.)

Фразеология представляет собой культурный код, который определяет самосознание целых народов. Во фразеологии также находит свое отражение культурная самобытность конкретного языкового сообщества [1].

Фразеологические единицы являются средством накопления и передачи эталонов и стереотипов национальной культуры [2]. Они переходят из лингвистической категории в лингвокультурологическую, отражая в семантической составляющей процесс становления самобытности своего народа [3].

В последние годы интерес к фразеологическому богатству в разных языках не ослабевает. Различным аспектам классификации и функционирования фразеологических единиц посвящены многочисленные работы лингвистов [4, 5, 6, 7, 8].

С помощью фразеологем вербально отражаются не только объекты внешнего мира, но и внутренние состояния, чувства людей. Арсенал языка располагает огромными средствами для передачи эмоциональных состояний и душевных переживаний человека [9]. Современная фразеология представляет собой достаточно ценный материал для изучения способов вербализации феноменов психической, внутренней жизни.

В настоящем исследовании было проанализировано 88 фразеологизмов, идиом и устойчивых оборотов¹ русского языка, репрезентирующих психологические концепты «внимание», «память», «восприятие», «фантазия», «речь», «мышление», «способности», «знание», «ум/разум/понимание», «душа». Материалом послужило справочное издание «Русские фразеологизмы в картинках» [10]. В таблице 1 представлены статистические данные по фразеологизмам и соответствующим им концептам.

Таблица 1.

Количественного распределение фразеологических единиц русского языка по репрезентируемым ими концептам

Концепт	Количество фразеологических единиц русского языка
«внимание»	11
«память»	5
«восприятие»	5
«фантазия»	1
«речь»	31
«мышление»	6
«способности»	5
«знание»	4
«ум/разум/понимание»	10
«душа»	10
ИТОГО	88

Таким образом, более трети (35%) изученных фразеологических единиц составили те, что репрезентируют концепт «речь», в то время как на концепт «фантазия» пришелся лишь один фразеологизм.

Рассмотрим фразеологическую репрезентацию в русском и немецком языках каждого из представленных выше концептов по отдельности.

В ходе изучения репрезентации когнитивно-психологического концепта «внимание» были выделены 11 фразеологизмов русского языка и их эквивалентов в немецком языке (таблица 2).

¹ В данном исследовании не проводилось принципиального терминологического разграничения между фразеологизмами, фразеологическими оборотами, устойчивыми выражениями, идиомами.

Репрезентация концепта «внимание» в русских фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Глаза разбегаются	Die Augen laufen auseinander	J-d kann sich nicht mehr konzentrieren; j-d wird durch vielfältige Eindrücke abgelenkt	---
Закрывать глаза	Einer Sache gegenüber die Augen verschließen	Absichtlich einer Sache keine Aufmerksamkeit widmen	Die Augen vor etw. verschließen
И ухом не ведет	Er bewegt nicht einmal das Ohr	Er schenkt der Sache keinerlei Beachtung; er macht sich nichts daraus.	Er zuckt nicht mit der Wimper
Навострить уши	Die Ohre spitzen	Mit gespannter Aufmerksamkeit zuhören, lauschen	Die Ohren spitzen
Пропускать мимо ушей	An den Ohren vorbeilassen	Etw. nicht beachten; nicht reagieren auf etw.; etw. überhören, nicht hören wollen	---
Развесить уши	Die Ohren ausbreiten	Aufmerksam, vertrauensvoll lausche; Faseleien glauben	Ganz Ohr sein
Смотреть в оба	Mit beiden (Augen) sehen	Etw. aufmerksam betrachten, achtgeben; wachsam sein	Auf der Hut sein
Смотреть кому-либо в рот	J-n in den Mund sehen	J-m aufmerksam oder unterwürfig zuhören	An j-s Lippen hängen
Смотреть сквозь пальцы	Durch die Finger sehen	Etw. absichtlich nicht beachten; bewusst nichts Anstößiges an etw. bemerken	Durch die Finger sehen
Говорить под руку	Unter die Hand sprechen	Etw. zur unpassenden Zeit sagen; durch Reden j-n daran hindern, sich zu konzentrieren	---
Заговаривать зубы	Zahnweh besprechen	Ablenkende Gespräche führen; j-n beschwatzen	---

Для большинства приведенных в таблице фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих концепт «внимание», имеются эквиваленты в немецком языке. В отношении четырех фразеологических оборотов приходится давать не эквивалент, а объяснять их значение.

Заслуживают внимания фразеологические обороты *говорить под руку* и *заговаривать зубы*, в которых вербализуется не только концепт «внимание», но и «речь». Для данных фразеологизмов в немецком языке эквивалентов нет, их значение можно передать лишь объяснением содержания.

В ходе изучения репрезентации когнитивно-психологического концепта «память» было выделено 5 фразеологизмов русского языка (таблица 3).

Таблица 3.

Репрезентация концепта «память» в русских фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Вбивать в голову	In den Kopf schlagen	Sich durch häufiges Wiederholen etw. einprägen	---
Выбросить из головы	Aus dem Kopf hinauswerfen	Sich bemühen, j-n oder etw. zu vergessen; eine Absicht aufgeben	Sich etw. aus dem Kopf schlagen
Дырявая голова	Ein durchlöcherter Kopf	J-d mit sehr schlechtem Gedächtnis; ein sehr vergesslicher, sehr zerstreuter Mensch.	Ein Gedächtnis wie ein Sieb
Мотать на ус	Sich etw. in den Schnurrbart wickeln.	Sich etw. gut merken	Sich etw. hinter die Ohren schreiben
Зарубить на носу	In die Nase einkerben; eine Kerbe in die Nase machen	Sich etw. gut merken; sich etw. fest einprägen	Sich etw. hinter die Ohren schreiben

Для большинства фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих концепт «память», имеются эквиваленты в немецком языке. Лишь для одного фразеологического оборота (*вбивать в голову*) приходится давать не эквивалент, а объяснять значение.

В ходе изучения вербализации когнитивно-психологического концепта «восприятие» было выделено 5 фразеологизмов русского языка (таблица 4).

Таблица 4.

Репрезентация концепта «восприятие» в русских фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Измерить взглядом	J-n mit Blick messen	J-n hochmütig, verächtlich betrachten	---
Не видеть дальше своего носа	Nicht weiter als die eigene Nase sehen	Beschränkt sein; nicht über den eigenen, engen Horizont hinaussehen können	Nicht über die eigene Nasenspitze hinaussehen
Не видеть леса за деревьями	Den Wald hinter den Bäumen nicht sehen	Bei der Fülle von Einzelheiten das Ganze nicht sehen	Den Wald vor lauter Bäumen

			nicht sehen
Ухо режет	Es schneidet das Ohr	Es macht auf das Gehör einen unangenehmen Eindruck	---
Уши вянут	Die Ohren verwelken	Man kann es nicht mehr anhören; da es zu dumm, zu unsinnig, derb ist.	---

Для трех из пяти фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих концепт «восприятие» (а именно восприятие на слух) не имеется эквивалентов в немецком языке. Для двух фразеологизмов, вербализующих зрительное восприятие (*не видеть дальше своего носа и не видеть леса за деревьями*), имеются эквиваленты в немецком языке, проявляющие большое сходство содержания и лексического состава с русским языком (*nicht über die eigene Nasenspitze hinaussehen* и *den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen* соответственно).

В ходе изучения вербализации когнитивно-психологического концепта «фантазия» был выделен лишь один фразеологизм русского языка *витать в облаках* с дословным переводом ‘*sich in den Wolken aufhalten*’ (*sich Träumereien hingeben; sich fruchtlosen Phantasien hingeben; nicht auf dem Boden der Tatsachen stehen*), с немецким эквивалентом *in den Wolken schweben*.

Больше всего фразеологизмов русского языка – 31 – было выявлено при изучении репрезентации когнитивно-психологического концепта «речь» (таблица 5).

Таблица 5.

Репрезентация концепта «речь» в русских фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Бросаться словами	Mit Worten werfen	Unverantwortlich (daher)reden und Versprechungen machen	---
Вертится на языке	Es dreht sich bei j-m auf der Zunge	Etw. sagen wollen, was einem im Moment nicht einfällt	Es liegt j-m auf der Zunge
Взвешивать свои слова	Seine Worte abwägen	Sorgfältig überlegen und einschätzen, was man sagen will	Seine Worte wägen
Взять слово	Das Wort nehmen	Aus eigenem Antrieb auf einer Versammlung sprechen	Das Wort ergreifen
Висеть на телефоне	Am Telefon hängen	Ein langes Telefongespräch führen	An der Strippe hängen
Говорить под	Unter die Hand spre-	Etw. zur unpassenden Zeit sa-	---

руку	chen	gen; durch Reden j-n daran hindern, sich zu konzentrieren	
Заговаривать зубы	Zahnweh besprechen	Ablenkende Gespräche führen; j-n beschwatzen	---
Держать язык за зубами	Die Zunge hinter den Zähnen halten	Schweigen; nichts Unbedachtes äußern; vorsichtig mit seinen Äußerungen sein	Seine Zunge im Zaum halten; den Mund halten
Кричать на всех перекрестках	Etw. an allen Kreuzungen ausschreien	Etw. überall und jedem erzählen, etw. ausposaunen	Etw. in alle Welt posaunen
Длинный язык	Eine lange Zunge	Redselig sein; sehr geschwätzig sein	---
Ловить на слове	J-n beim Wort ertappen	Von j-m erwarten, dass er das tut, was er versprochen hat	J-n beim Wort nehmen
Называть вещи своими именами	Die Dinge mit ihren Namen nennen	Ohne Beschönigung und ohne Nachsicht von j-m oder etw. reden	Die Dinge beim rechten Namen nennen
Не лезть за словом в карман	Nicht nach dem Wort in die Tasche greifen	Immer eine Antwort wissen	Um eine Antwort nicht verlegen sein
Нем как рыба	Stumm wie ein Fisch	J-d bewahrt Schweigen, verrät kein Geheimnis	Stumm wie ein Fisch
Не уметь двух слов связать	Nicht zwei Wörter verknüpfen können	Nicht zusammenhängend sprechen können; seine Gedanken nicht vortragen können	---
Набрать в рот воды	Wasser in den Mund nehmen	Stillschweigen bewahren	Stumm wie ein Fisch sein; ein Schloss vor dem Mund haben
Переливать из пустого в порожнее	Aus einem leeren Gefäß in ein anderes gießen	Etw. Nutzloses tun, die Zeit nutzlos vergeuden; mit leeren Geschwätz die Zeit verbringen	Leeres Stroh dreschen
Перемывать косточки	J-s Knochen waschen	J-n durchhecheln; über j-n klatschen	---
Попадаться кому-либо на язык	J-m auf die Zunge geraten	Gesprächsthema werden; ins Gerede kommen	---
Попасть кому-либо на зубок	J-m aufs Zähnchen geraten	Zum Gegenstand der Spöttelei, des Geredes, gehässiger Kritik werden	---
Проглотить язык	Die Zunge verschlucken	Schweigen, nicht sprechen, nicht antworten	---
Прожужжать все уши	J-m die Ohren vollsummen	J-n beständiges Reden über ein und dasselbe langweilen	J-m die Ohren vollreden
Развязать язык	Die Zunge lösen	Schwanzhaft werden	---
Садиться на любимого конька	Sich auf sein Lieblingspferd setzen	Sich über sein Lieblingsthema verbreiten	Sein Steckenpferd reiten
Склонять во	J-n in allen Fällen beu-	J-n häufig meist missbilligend	---

всех падежах	gen	erwähnen; j-n durchhecheln	
Толочь воду в ступе	Wasser im Mörser zerstoßen	Mit nutzloser Tätigkeit die Zeit verbringen; in ein nutzloses Gespräch gezogen werden	Leeres Stroh dreschen
Тянуть за язык	J-n an der Zunge ziehen	J-n zu antworten, auszusagen zwingen	---
Чесать язык	Seine Zunge reiben	Dummes Zeug reden; klatschen	---
Шутки в сторону	Späße beiseite	Wir gehen zu ernstesten Gesprächen, zur Sache über	Spaß beiseite
Язык сломаешь	Du wirst dir die Zunge aussprechen	Etw. ist sehr schwer auszusprechen	An dem Wort kann man sich die Zunge abbrechen
Язык хорошо подвешен	Die Zunge ist gut aufgehängt	J-d kann fließend sprechen; j-d versteht es, die Worte zu setzen	---

Примечательно, что для 14 (45%) фразеологических единиц русского языка, вербализующих концепт «речь», не существует эквивалентов в немецком языке, их значение передается объяснением смысла. Такой результат свидетельствует о значимости концепта «речь» для русской лингвокультуры.

При детальном изучении репрезентации когнитивно-психологического концепта «мышление» было выделено 6 фразеологизмов русского языка (таблица 6).

Таблица 6.

Репрезентация концепта «мышление» в русском фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Голова идет кругом	Der Kopf geht ringsum	J-d kann keinen klaren Gedanken fassen (wegen der Vielzahl der Eindrücke)	j-m schwirrt der Kopf
Делать с закрытыми глазами	Etw. mit geschlossenen Augen tun	Ohne nachzudenken, unbeachtet etw. tun	---
Зайти в тупик	In die Sackgasse gehen	In eine schwierige, ausweglose Lage geraten	In eine Sackgasse geraten
Ломать голову	Den Kopf über etw. zerbrechen	Angestrengt nachdenken; etw. Kompliziertes verstehen wollen	Sich den Kopf über etw. zerbrechen
Не выходит из головы	Es geht nicht aus j-s Kopf	Immer an etw. Bestimmtes denken müssen	Etw. geht j-m nicht aus dem Kopf
Смотреть как	Schauen wie der Ham-	Unverständlich blicken, absolut	Wie die Kuh

баран на новые ворота	mel auf das neue Tor	nichts verstehen	vorm neuen Tor stehen
-----------------------	----------------------	------------------	-----------------------

Таким образом, подавляющее большинство приведенных фразеологизмов русского языка, репрезентирующих концепт «мышление», имеют однозначные эквиваленты в немецком языке.

В процессе рассмотрения фразеологических средств вербализации психологического концепта «способности» было выделено 5 фразеологизмов русского языка (таблица 7).

Таблица 7.

Репрезентация концепта «способности» в русском фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Звезд с неба не хватает	Er greift die Sterne nicht vom Himmel	Er zeichnet sich durch nichts Besonderes aus; er hat mittelmäßige Fähigkeiten	J-d ist kein großes Licht
Золотые руки	Goldene Hände	Ein Meister seines Fachs; ein sehr geschickter Mensch, unter dessen Händen alles gelingt, was er beginnt	---
Играть первую скрипку	Die erste Geige spielen	Eine führende Rolle in einem Kreis oder bei einer Sache spielen	Die erste Geige spielen
Медведь на ухо наступил	Der Bär ist j-m aufs Ohr getreten	J-d hat absolut kein musikalisches Gehör	---
Хватать звезды с неба	Die Sterne vom Himmel greifen	Herausragende Fähigkeiten besitzen; sehr begabt sein	---

Как следует из таблицы, для трех из пяти фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих концепт «способности» не имеется эквивалентов в немецком языке.

Психологический концепт «знание» вербализуется в 4 фразеологизмах русского языка (таблица 8).

Таблица 8.

Репрезентация концепта «знание» в русских фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Знать вдоль и поперек	Etw. kreuz und quer kennen	Etw. bis in die Feinheiten genau kennen	Etw. auswendig kennen; etw. aus dem Effeff kennen

			nen
Знать все ходы и выходы	Alle Ein- und Ausgänge kennen	Sich sehr genau in einer Sache auskennen; genau wissen, was in einer bestimmten Situation zu tun ist.	Alle Schliche kennen
Знать как свои пять пальцев	Wie seine fünf Finger kennen	Etw. ausgezeichnet, gründlich kennen.	Etw. wie seine Westentasche kennen
Хромать на обе ноги	Auf beiden Beinen hinken	Große Wissenslücken haben	---

Таким образом, лишь один из представленных фразеологизмов, репрезентирующих концепт «знание», не имеет эквивалента в немецком языке.

Детальное изучение вербализации когнитивно-психологических концептов «ум/разум/понимание» позволило выделить 10 фразеологизмов русского языка (таблица 9).

Таблица 9.

Репрезентация концепта «ум/разум/понимание» в русских фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Братся за ум	Nach dem Verstand greifen	Verständig werden	Zur Vernunft kommen
Быть на голову выше	Um einen Kopf größer sein	Klüger, erfahrener, beschlagener sein als j-d ; i-m geistig überlegen sein	---
Иметь голову на плечах	Den Kopf auf den Schultern haben	Ein heller Kopf sein, Verstand haben	Köpfchen haben
Как в воду глядел	Als hätte er ins Wasser gesehen	Als hätte er es vorher gewusst.	---
Светлая голова	Ein heller Kopf	Ein sehr kluger, logisch denkender Mensch	Ein heller Kopf
Ловить на лету	Im Flug auffangen	Begierig lauschen, schnell erfassen; schnell begreifen	---
Читать между строк	Zwischen den Zeilen lesen	Den verborgenen Sinn von etw. Geschriebenem oder Gesprochenem erraten	Zwischen den Zeilen lesen
Ясно как день	Hell wie der Tag	Vollkommen klar	Sonnenklar; das ist mit Händen zu greifen
Терять голову	Den Kopf verlieren	In eine schwierige Lage geraten, vor Aufregung nicht wissen, was man tun soll	Den Kopf verlieren
Упасть с неба на землю	Vom Himmel auf die Erde fallen	Sich von Illusionen lösen; die Dinge nüchtern zu betrachten beginnen; aus Träumen zur Wirklichkeit zurückkehren	---

Как следует из таблицы, для четырех их десяти проанализированных русских фразеологизмов не имеется прямого эквивалента в немецком языке.

В ходе изучения репрезентации психологического концепта «душа» было обнаружено 10 фразеологизмов русского языка (таблица 10).

Таблица 10.

Репрезентация концепта «душа» в русских фразеологизмах и их эквиваленты в немецком языке

Русский фразеологизм	Дословный перевод на немецкий язык	Объяснение значения	Немецкий эквивалент
Душа нараспашку	Die Seele aufgeknöpft	Ein aufrichtiger, gerader, offener Mensch	Er trägt sein Herz auf der Zunge
Жить душа в душу	Seele in Seele leben	In bestem Einvernehmen leben	Ein Herz und eine Seele sein
Заглядывать в душу	Einen Blick in die Seele werfen	J-s geheime Gedanken und Gefühle zu erfahren suchen	J-m ins Herz sehen
Закрадываться в душу	Sich in die Seele einschleichen	Unbemerkt, allmählich entstehen (Gefühle, Gedanken)	---
Излить душу	Die Seele ausgießen	J-m offen erzählen, was einen bewegt	j-m sein Herz ausschütten
Лезть в душу	In die Seele kriechen	Die Gedanken und Gefühle eines anderen aufdringlich zu erkennen versuchen	---
Открывать кому-либо душу/сердце	J-m gegenüber seine Seele/sein Herz öffnen	Über seine geheimsten Gedanken und Gefühle offen reden; sich j-m anvertrauen	J-m sein Herz ausschütten
Сердце / душа не лежит	Das Herz / die Seele liegt nicht zu j-m / etw.	J-d hat kein Interesse für j-n / etw., kein Zutrauen zu j-m	Kein Gefallen an j-m / etw. finden
С открытой душой / с открытым сердцем	Mit offener Seele / mit offenem Herz	Ohne Vorurteil, aufrichtig gegen j-n	---
Стоять над душой	Über der Seele stehen	J-n beobachten, der beschäftigt ist, und dadurch stören	---

Из таблицы следует, что для шести из десяти фразеологизмов русского языка, в которых находит отражение концепт «душа», имеется эквивалентный фразеологизм в немецком языке, а для четырех отсутствует.

По результатам предпринятого анализа 88 фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих психологические концепты «внимание», «память», «восприятие», «фантазия», «речь», «мышление», «способности», «зна-

ние», «ум/разум/понимание», «душа», можно сформулировать вывод, что большинство из них (60%) имеют эквиваленты в немецком языке (в количестве 53), остальные фразеологизмы (в количестве 35) могут быть переданы на немецкий язык путем объяснения и описания их значения.

В целом, проведенное исследование подтвердило достаточное разнообразие и богатство фразеологической репрезентации психологических концептов в русском и немецком языках и ее значимость в обеих культурах.

В перспективе проведенные исследования можно дополнить сопоставительным изучением эквивалентности фразеологических единиц, репрезентирующих психологические концепты, в русском и английском языках. Кроме того, безусловно заслуживающими исследовательского внимания являются фразеологизмы русского языка, репрезентирующие различные психические состояния (не только эмоции) человека, и их эквиваленты в других языках.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак; 2008.
2. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии. *Вопросы языкознания*. 1997;(6):37–48.
3. Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке. *Сущность, развитие и функции языка*. Москва: Наука; 1987.
4. Исмагилова Л.И. Репрезентация эмоционального состояния «страх» в татарской фразеологии. *Современные исследования социальных проблем*. 2020;12(5):169–177.
5. Фаткуллина Ф.Г., Канафина А.Р. Фразеологическая репрезентация категории пространства в разноструктурных языках. *Вестник Башкирского университета*. 2020;25(1):130–136.
6. Юсупова Л.Г., Кузьмина О.Д., Кузнецова И.И. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом в английском, немецком и русском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;(6):242–245.
7. Юсупова Л.Г., Кузьмина О.Д., Кузнецова И.И. Субстантивные фразеологические единицы в английском и немецком языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;(3):173–177.
8. Yusupova L.G., Kuzmina O.D., Guseva M.I. Phraseological units with names of clothes in English, German and Russian. *Revista entrelinguas*. 2021;7(3). Art. № e021054. DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iesp.3.15715>
9. Вежбицкая А. *Толкование эмоциональных концептов. Язык. Культура. Познание*. Москва: Русская словесность; 1996.
10. Дубровин М.И., Шенк В. *Русские фразеологизмы в картинках*. Изд. 2. Москва: Русский язык; 1982.

References

1. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Aspects of phraseology theory. Moscow: Znak; 2008. (in Russ.)
2. Dobrovolsky D.O. National-cultural specificity in phraseology. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1997;(6):37–48. (in Russ.)

3. Telia V.N. On the specifics of displaying the world of psyche and knowledge in language. The essence, development and functions of the language. Moscow: Nauka; 1987. (in Russ.)
4. Ismagilova L.I. Representation of the emotional state of "fear" in Tatar phraseology. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2020; 12 (5):169–177.
5. Fatkullina F.G., Kanafina A.R. Phraseological representation of the category of space in difference-structured languages. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2020; 25(1):130–136. (in Russ.)
6. Yusupova L.G., Kuz'mina O.D., Kuznetsova I.I. (2019). Semantic features of phraseological units with an ornithonym component in English, German and Russian. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019;(6):242–245. (in Russ.)
7. Yusupova L.G., Kuz'mina O.D., Kuznetsova I.I. Substantive phraseological units in English and German. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019;(3):173–177. (in Russ.)
8. Yusupova L.G., Kuz'mina O.D., Guseva M.I. Phraseological units with names of clothes in English, German and Russian. *Revista entrelinguas*. 2021;7(3). Art. № e021054. DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iesp.3.15715> (in Engl.)
9. Vezhbitskaya A. (1996). Interpretation of emotional concepts. Language. Culture. Cognition. Moscow: Russkaya slovesnost'; 1996. (in Russ.)
10. Dubrovin M.I., Shenk V. (1982). Russian phraseologisms in pictures. Moscow: Russkii yazyk; 1982. (in Russ.)

Авторы публикации

Алексеева Екатерина Михайловна –
кандидат психологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: ealekseeva@list.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6.07.2022
Одобрена после рецензирования: 15.08.2022
Принята к публикации: 3.09.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Alekseeva Ekaterina Mikhailovna –
PhD in Psychology, Associate professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: ealekseeva@list.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 6.07.2022
Approved after peer reviewing: 15.08.2022
Accepted for publication: 3.09.2022

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА LINGUISTICS. LANGUAGE THEORY

Научная статья
УДК 413.0

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.338-345>

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА *КАП В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.М. Вагапова

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
mariav05@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3709-0065>

Аннотация. Целью данной статьи является построение семантического поля «голова» посредством заимствованных лексем, содержащих корневой корень *kap, как следствие – доказательство посредством этимологического и словообразовательного анализов принадлежности к одному корневому гнезду слов, которые зачастую утратили изначальную мотивированность. В качестве материала исследования выступают лексемы русского языка, зафиксированные в толковых, словообразовательных, этимологических словарях, полученные методом сплошной выборки. Кроме того, устанавливается генетическое происхождение латинского корня *cap от индоевропейского звукосимволического корня *kap, претерпевшего изменения в плане выражения семантики и структуры. В результате этимологического и словообразовательного анализов удалось выделить ядерный концепт «голова», который является дословным переводом латинского слова «*caput*», которое в свою очередь в русском языке имеет разветвленную семную структуру, состоящую из 9 семем. Несмотря на широкий семантический диапазон слова в русском языке, как показал контент-анализ, в рамках центральной части семантического поля корня *kap можно выделить лексемы, входящие только в 3 лексико-семантические группы: «предмет округлой формы», «передняя, верхняя часть чего-либо», «человек, находящийся во главе чего/кого-либо». На периферии остались слова *каприз*, *капрон* и *капун*, утратившие природную мотивацию с производящим корнем.

Ключевые слова: индоевропейские языки; этимология; словообразование; корневое гнездо, семантическое поле; лексико-семантическая группа; демотивация языкового знака

Для цитирования: Вагапова М.М. Семантическое поле словообразовательного гнезда *кап в русском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 338–345. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.338-345>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.338-345>

SEMANTIC FIELD OF THE DERIVATIVE NEST *CAP IN THE RUSSIAN LANGUAGE

M.M. Vagapova

Kazan Federal University, Kazan, Russia
mariav05@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3709-0065>

Abstract. The purpose of this article is to build a semantic field "head" by means of borrowed lexemes containing the root *cap, as a result proof through etymological and derivational analysis of belonging to the same root nest of words that often have lost their original motivation. The material of the study is the lexemes of the Russian language, recorded in explanatory, derivational, etymological dictionaries, obtained by continuous sampling. In addition, the genetic origin of the Latin root *cap from the Indo-European sound-symbolic root *kap, which has undergone changes in terms of semantics and structure, is established. As a result of etymological

and word-formation analyzes, it was possible to identify the nuclear concept “head”, which is a literal translation of the Latin word “caput”, which in turn in Russian has a branched seme structure consisting of 9 sememes. Despite the wide semantic range of the word in Russian, as shown by content analysis, within the central part of the semantic field of the root *cap, it is possible to distinguish lexemes that are included in only 3 lexico-semantic groups: “round object”, “front, upper part of something”, “a person who is at the head of something / someone.” The words *caprice* (*kapriz*), *kapron* (*kapron*) and *capon* (*kaplun*) remained on the periphery, having lost their natural motivation with a producing root.

Keywords: Indo-European languages; etymology; word formation; root nest; semantic field; lexical-semantic group; language sign demotivation

For citation: Vagapova M.M. Semantic Mole of the Word-formation Nest *cap in the Russian Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 338–345. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.338-345> (In Russ.)

Вопрос интеграции мирового сообщества в настоящее время стоит особенно остро. Стремление разобщить государства распространяется также на попытки изоляции мировых языков, к нивелированию всеобщего культурного и исторического наследий, что препятствует процессу развития межкультурной коммуникации, столь ценному для развития полноценной образованной личности. Вопросом доказательства общности языков в лингвистике занимается этимология, исследования при этом базируются преимущественно на грамматических и словообразовательных структурах, так как именно эти уровни языка являются относительно устойчивыми и мало подвержены преобразованиям. На наш взгляд, наиболее интересным способом проследить историческое сходство лексических единиц индоевропейских языков является анализ корневых гнезд.

Нужно отметить, что синхронический подход, по словам Е.В. Петуховой, в случае анализа словообразовательных цепочек в аспекте фоносемантики не всегда позволяет установить исходную иконическую структуру лексемы. В этой связи диахронический анализ помогает установить большее количество генетически родственных лексем в словарях разных языковых систем [1, с. 181].

Интерес к историческому прошлому языков был связан со становлением сравнительно-исторического языкознания в начале 20 века, чей арсенал методов значительно пополнился за счет методов лингвистического структурализма. Началась активная фаза изучения истории индоевропейских языков, появились доказанные факты исторической и генетической связи языков, были составлены

первые этимологические словари древних языков, сузились многие области лингвистических исследований, например, до ономастики индоевропейских языков, их гидронимике и т.д. [2, с. 254]. В настоящее время интерес исследователей к установлению общности звукосимволических элементов в индоевропейских языках подтверждается работами А.Г. Муллагалиевой (корень *gi) [3], Ю.Г. Захаровой (корень *mhr) [4], Е.Ю. Балалаевой (корень *bha*ba) [5] и другими исследователями.

Комплексные работы обуславливают появление частных исследований в области словообразования отдельных языков. Так, наиболее значимыми в аспекте русской деривации являются фундаментальные труды В.В. Виноградова [6], И.А. Бодуэна де Куртенэ [7], Ф.Ф. Фортунатова [8], Г.О. Винокура [9], Н.М. Шанского [10], Е.С. Кубряковой [11], Н.В. Габдреевой [12], С.С. Сафоновой и О.А. Чупряковой [13] и других. Актуальность данной работы обусловлена недостаточным исследованием структурно-семантических трансформаций и парадигматических связей лексем с латинским корнем *кап в русском языке.

Вытесненная одиннадцатая буква алфавита “к” третьей буквой алфавита “с”, ещё в эпоху древнелатинского языка превратила праиндоевропейский корень *kap в уже известный нам латинский cap*, который и был заимствован русским языком. Как указывает М.А. Флакман, со временем исконные звукоизображения утрачивают иконичность, уподобляясь словам «с конвенциональной связью между планом выражения и планом содержания» [14, с. 20]. Изначально данный корень передавал значение «голова», однако со временем семантический диапазон производных слов значительно расширился.

Рассматриваемый нами корень *cap является центром корневого словообразовательного гнезда, под которым принято понимать «совокупность слов, характеризующаяся общностью корня и упорядоченная отношениями производности» [15, с. 36], в свою очередь образующиеся посредством производные вступают в парадигматические и синтагматические отношения внутри гнезда. Так, наиболее наглядным процесс трансформации значений данного корня

можно рассмотреть посредством построения в русском языке лексико-семантического поля, который будет ведущим средством вербализации корневого гнезда. При этом стоит отметить, что границы данного поля будут подвижны: слова могут как пополнять парадигму, так и выпадать из гнезда, теряя мотивированное значение и образуя новые автономные гнезда.

В центре анализируемого нами лексико-семантического поля располагается корневой концепт «голова», поскольку это дословный перевод латинского заимствования. В русском языке голова имеет разветвленную семантическую структуру, в которой выделяется 9 семем: 1. *Часть тела, находящаяся сверху, у основания туловища.* 2. *Череп.* 3. *Ум, рассудок.* 4. *Человек как носитель идей, важной информации.* 5. *В царской России название некоторых руководящих должностей.* 6. *Начальник.* 7. *Передняя часть чего-либо вытянутого.* 8. *Пищевой продукт округлой формы.* 9. *Единица счета скота* [16, с. 131].

Безусловно, не все компоненты значения вербализуются посредством исходного корня *cap, однако в русском языке можно выделить некоторые заимствованные слова гнезда, фиксируемые словарем и входящие в искомое семантическое поле.

К центральной части поля стоит отнести лексико-грамматическую группу слов со значением «округлая форма, связь с головой»: сюда включаются слова: *cap* (нарост на стволе дерева в виде шишки), *капты* (накладки на зубы для защиты или исправления), *капля* (округлая частица жидкости), *капельница* (прибор для подачи жидкости), *капельный* (маленький), *капище* (языческое сооружение, где статуи богов располагались в форме круга), *капкан* (ловушка для ловли диких животных), *каперс* (растение, круглые почки которого употребляют в пищу в маринованном виде), *капор* (шапка, покрывающая голову), *капюшон* (откидной головной убор), *капсула* (вместилище, оболочка), *капуста* (овощ в форме шара), *капуцин* (род обезьян, у которых шерсть на голове растет в виде капюшона). В данную группу можно также отнести фонетически тождественное корневому слову «капут», которое означает «конец». Вероятно, эти-

монологически речь идет о популярных в средневековой Европе казнях путем отсечения головы, которая означала конец жизни человека. Таким образом, на данном примере можно проследить семантическую декорреляцию, мотивированную экстралингвистическими факторами. В то же время всем известный *капитал* связан со значением «головной» и в европейских языках приобрел корреляцию с деньгами через итальянское «основная, отличная сумма». Впоследствии лексема приобрела положительную коннотацию, всегда апеллируя к значительным денежным накоплениям.

К центральной части поля также стоит отнести слова со значением «передняя, верхняя часть чего-либо»: *капелла* (католическая церковь, изначально так обозначалась только верхняя часть здания, то есть *купол*), *капот* (откидная верхняя крышка автомобиля), *капсюль* (колпачок в снаряде), *капитель* (венчающая часть колонны).

Достаточно многочисленной является группа, обозначающая «человека как главу чего-либо, начальников»: *капеллан* (священник в церкви, ее глава), *капельдинер* (работник театра, проверяющий входные билеты), *капельмейстер* (дирижер военного театра), *капиталист* (собственник капитала), *капитан* (морской офицерский чин), *капитулянт* (тот, кто прекратил боевые действия, сдался), *капрал* (в царской России младшее командное звание), *каптернамус*, *каптер* (завхоз в воинской части).

К периферии семантического поля слов корневого гнезда *кап можно отнести утратившие мотивировку слова: *каприз* и все производные, *каплун*, *капрон*.

Изначально слово *каприз* было заимствовано из латинского языка через итальянский и дословно обозначало «козлиные повадки». Стоит отметить, что метафорический перенос «поведение животного – поведение человека» достаточно активно проявляется во всех языках мира, особенно на этапе наблюдения как ведущего научного метода. Неудивительно, что корень *кап связан с наименованием животных, поскольку слово «голова», как уже было упомяну-

то ранее, используется также для подсчета поголовья скота. Возможно, на этапе возникновения индоевропейского корня преимущество отдавалось разведению коз.

Такая же символизация поведения человека вербализуется в слове *каплун*, то есть «кастрированный петух», что также пришло из латинского языка, что, вероятно, в сознании его носителей ассоциировалось с потерей самца, главы курятника. Статистический анализ употребления данной лексемы в Национальном корпусе русского языка показал, что чаще Каплун встречается в качестве фамилии члена Комиссариата внутренних дел (114 употреблений), лишь 11 раз слово употребляется в своем непосредственном значении [17].

Казалось бы, совершенно далекое от всех упомянутых семантических групп слово «капрон», искусственно созданное в 20 веке, происхождением своим также обязан латинскому *capra*, то есть «коза», поскольку козье молоко в достаточном количестве содержит капролакт, из которого и был синтезирован материал.

Стоит отметить, что в семантическое поле включались только ключевые слова-номинативы, заимствованных лексем с искомым корнем, однако за счет дериватов поле может расширяться в дальнейшем.

Таким образом, семантическая эволюция корня *kap в рамках семантического поля сопровождается гипер-гипономической (*capit: *капитулировать*, *капитулянт*, *капитуляция* и т.д.), тропеической (лексико-семантическая группа слов-обозначений главы кого/чего-либо) и девиационным отклонениями, например, в словах *каприз* или *каплун*. Ведущим при конструировании семантического поля стал системный подход, рассматривающий не только формальные признаки развития слова, преобразования его структуры, но и условия их функционирования на разных этапах общества и в разных языках. Перспективой исследования станет сравнительно-сопоставительный анализ искомых полей в близкородственных языках.

Список литературы

1. Петухова Е.В. Индоевропейский звуко-символический корень *kap-/ghabh в современном английском и русском языках. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.* 2016; 2: 180-185.
2. Сусов И.П. *История языкознания.* М.: АСТ: Восток-Запад; 2006.
3. Муллагалиева А.Г. Функционально-семантические особенности этимологического гнезда *gi в русском языке: *автореферат дис. ... кандидата филологических наук.* Казан. гос. ун-т. Казань; 2006. 23 с.
4. Захарова Ю.Г., Мельниченко Е.В. Этимологическое гнездо с корнем *mxr в русском языке. *Studia Humanitatis.* 2018; 8: 34-39.
5. Балалаева Е.Ю. Глаголы звукоподражательного происхождения, восходящие к индоевропейским корням *bha*ba. *Studia Humanitatis.* 2019; 3: 45-52.
6. Виноградов В.В. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике.* М.: Наука; 1975.
7. Бодуэн де Куртэне И.А. *Избранные труды по общему языкознанию.* Москва; 1963.
8. Фортунатов Ф.Ф. *Избранные труды.* М.: Учпедгиз; 1957.
9. Винокур Г.О. *Заметки по русскому словообразованию. Избранные работы.* М.: Учпедгиз; 1959.
10. Шанский Н.М. *Очерки по русскому словообразованию.* 2-е изд. М.: МЦСКВА; 2005.
11. Кубрякова Е.С. *Что такое словообразование?* Москва; 1980.
12. Габдреева Н.В. Французская лексика в русском языке: историко-функциональное исследование: *автореферат дис. ... доктора филологических наук.* Казан. гос. ун-т. Казань; 2001.
13. Чупрякова О.А., Сафонова С.С. *Глагольная лексика русских говоров Волго-Камья: семантика и словопроизводство.* Казань: Отечество; 2015.
14. Флакман М.А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: *автореф. дис. ... канд. филол. наук.* СПб.; 2015.
15. Тихонов А.Н. *Словообразовательный словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина: В 2 т. М.: Русский язык, 1985; 1: 856.*
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 120000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. Дополненное.* М.: ООО «А ТЕМП», 2017. 896 с.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <https://processing.ruscorpora.ru> [дата обращения: 22.07.2022].

References

1. Petukhova E.V. Indo-European sound symbolic root *kap-/ghabh in modern English and Russian. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta.* 2016; 2: 180-185. (In Russ.)
2. Susov I.P. *History of Linguistics.* Moscow: AST: Vostok-Zapad; 2006. (In Russ.)
3. Mullagalieva A.G. Functional and semantic features of the etymological nest *gi in the Russian language: *abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences.* Kazan State University. Kazan; 2006. 23 p. (In Russ.)
4. Zakharova Yu.G., Melnichenko E.V. Etymological nest with root *mxr in Russian. *Studia Humanitatis.* 2018; 8:34-39. (In Russ.)
5. Balalaeva E.Y. Verbs of onomatopoeic origin, going back to the Indo-European roots *bha*ba. *Studia Humanitatis.* 2019; 3: 45-52. (In Russ.)
6. Vinogradov V.V. *Selected works. Russian Grammar studies.* Moscow: Nauka; 1975. (In Russ.)

7. Baudouin de Courtenay I.A. *Selected works on general Linguistics*. Moscow; 1963. (In Russ.)
8. Fortunatov F.F. *Selected works*. Moscow: Uchpedgiz; 1957. (In Russ.)
9. Vinokur G.O. *Notes on Russian word formation. Selected works*. M.: Uchpedgiz; 1959. (In Russ.)
10. Shansky N.M. *Essays on Russian word formation*. 2nd ed. Moscow; 2005. (In Russ.)
11. Kubryakova E.S. *What is word formation?* Moscow 1980. (In Russ.)
12. Gabdreeva N.V. French vocabulary in the Russian language: historical and functional research: *abstract of the dissertation*. ... Doctor of Philological Sciences. Kazan State University. Kazan, 2001. (In Russ.)
13. Chupryakova O.A., Safonova S.S. *Verbal vocabulary of Russian dialects of the Volga-Kamya: semantics and word production*. Kazan: Otechestvo; 2015. (In Russ.)
14. Flaxman M.A. Diachronic development of the sound-imaginative vocabulary of the English language: *abstract. dis.* ... Candidate of Philological Sciences. SPb.; 2015. (In Russ.)
15. Tikhonov A.N. Word-Formation Dictionary of Russian / Edition of B.A. Larin: In 2 Vol. M.: Russian, 1985; 1: 856. (In Russ.)
16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 120,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed. Supplemented. M.: LLC "A TEMP", 2017. 896 p. (In Russ.)
17. National Corpus of the Russian language. Available from: <https://processing.ruscorpora.ru> [accessed 22.07.2022]. (In Russ.)

Авторпубликации**Author of the publication**

Вагапова Мария Маратовна –
 ассистент
 Казанский федеральный университет
 Казань, Россия
 E-mail: mariav05@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-3709-0065>

Vagapova Mariya Maratovna –
 Assistant
 Kazan Federal University
 Kazan, Russia
 E-mail: mariav05@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3709-0065>

Раскрытие информации о конфликте интересов**Conflicts of Interest Disclosure**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье**Article info**

Поступила в редакцию: 17.08.2022
 Одобрена после рецензирования: 6.09.2022
 Принята к публикации: 10.09.2022

Submitted: 17.08.2022
 Approved after peer reviewing: 6.09.2022
 Accepted for publication: 10.09.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании**Peer review info**

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

LINGUISTICS. LANGUAGE THEORY

Научная статья
УДК 81'42:7.01

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.346-359>

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ

Н.Н. Оломская¹, А.С. Бажан²

¹Кубанский Государственный Университет, Краснодар, Россия

²Школа №1 ст. Новотитаровская, Краснодарский кр., Россия

¹olomnat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1644-6774>

²I9anna12@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3128-5286>

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению специфики искусствоведческого дискурса. В статье подчеркивается и обосновывается идея о том, что интерпретационная природа данного вида дискурса и его дуалистический характер являются основными характеристиками искусствоведческого дискурса. Обращается внимание на растущий интерес к изучению данного вида дискурса, подчёркивается его актуальность как междотраслевого направления и анализируются его (искусствоведческого дискурса) особенности, классификация и языковые функции. В ходе исследования проведён анализ теоретического материала ведущих российских учёных-лингвистов в изучаемой дискурсионной области. Основное направление исследования заключается в структурировании имеющихся данных об особенностях и классификации данного вида дискурса и понимание его природы. Эмпирической базой исследования послужили фрагменты искусствоведческого дискурса в его стилевом многообразии. В данном исследовании поднимается тема актуальности интереса к сфере искусства и, как следствие, к искусствоведческому дискурсу.

Ключевые слова: язык; функции языка; интерпретация; дуализм; институциональный тип; искусствоведческий дискурс

Для цитирования: Оломская Н.Н., Бажан А.С. Искусствоведческий дискурс: специфика и классификация. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 346–359. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.346-359>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.346-359>

ART CRITICISM DISCOURSE: SPECIFICITY AND CLASSIFICATION

N.N. Olomskaya¹, A.S. Bazhan²

¹Kuban State University, Krasnodar, Russia

²School №1 st. Novotitarovskaya, Krasnodar region, Russia

¹olomnat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1644-6774>

²I9anna12@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3128-5286>

Abstract. This article is devoted to the specifics of art historical discourse. The article emphasizes and substantiates the idea that the interpretive nature of this discourse and its dualistic nature are the main characteristics of art historical discourse. Attention is drawn to the growing interest in the study of this type of discourse, its relevance as an intersectoral direction is emphasized and its (art historical discourse) features, classification and linguistic functions are analyzed. In the course of the study, an analysis of the theoretical material of leading Russian scientists - linguists in the studied discursion field was carried out. The main direction of research is structuring the available data on the features and classification of this discourse and understanding its nature. The empir-

ical basis of the study consists of various fragments of art history discourse in all its stylistic diversity. This study raises the topic of the relevance of interest in the field of art and, as a result, in art history discourse.

Keywords: language; functions of language; interpretation; dualism; institutional type; art criticism discourse

For citation: Olomskaya N.N., Bazhan A.S. Art Criticism Discourse Specificity and Classification. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 346–359. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.346–359>

В последнее время все более пристальное внимание ученых обращено к искусствоведческому дискурсу, поскольку, как отметил профессор В.Г. Арсланов, современный мир искусства «мозаичен по своему существу, ибо в искусствоведении конца XX века нет школ, нет отчетливо выраженных направлений – именно потому, что направлений слишком много: каждый из теоретиков мыслит как бы сам по себе, образуя свою собственную школу» [1]. Это особенно важно в сложный для человечества момент – пандемии коронавируса, так как люди стали обращаться к искусству все чаще, особенно в период локдауна.

Многие исследователи сходятся в том, что в современном мире искусство многогранно в своих проявлениях и неоднозначно в трактовке. Современные художники оперируют огромным количеством выразительных средств, среди которых не только цвет, размер, композиция, фактура и объём, что проявляется в произведениях, которым сотни лет. Однако инструменты, которые используются сегодня – это прежде всего сюжетно-ассоциативный ряд, различные мультимедийные средства выразительности, поскольку любой бытовой предмет сам по себе может быть своеобразным источником, так как помогает выразить мысли и эмоциональное состояние индивида. Безусловно, в современном мире все чаще происходит переплетение, своего рода эклектичность способов донесения мысли до реципиента и направлений в искусстве, что касается последних, то их количество увеличивается с головокружительной скоростью. Многие явления “modern art” спорны и неоднозначны, так как однозначность никогда не была чертой искусства, поскольку там, где нет простора воображению и интерпретации, уже и само пространство искусства ставится под сомнение.

Увеличивающийся объем разнообразных языковых средств и специфическое воздействие на реципиента заставляет исследователей всё чаще обращаться к гуманитарным проблемам, к искусству, к способам его вербализации в современном мире технологий, несмотря на четкое математическое структурирование всех аспектов человеческой жизни. Искусство даёт ответы на основополагающие жизненные вопросы, заставляет задуматься о главных эстетических ценностях в жизни как отдельного индивида, так и социума в целом, поскольку именно искусство формирует в людях нравственность, духовное развитие и культуру. Вербализация искусства в свою очередь помогает более привычными языковыми средствами донести мысль автора, закодированную в меседже информации, так как язык, как самостоятельная сущность, оставляет меньше вариативности и места для воображения, чем символы и образы искусства, не имеющие форму конкретных слов. Именно благодаря огромному количеству вариантов представления различных образов, мыслей, чувств можно говорить об интерпретации, которая определяет суть искусствоведческого дискурса. Согласно многочисленным исследованиям, как в сфере искусствоведения, так и в сфере лингвистики, учёные в большинстве своём сходятся во мнении об интерпретационной природе рассматриваемого вида дискурса. «Любое письменное представление изображенного объекта уже его интерпретация», – пишет Е.А. Елина [2]. Любой человек, не обязательно искусствовед, критик, но и простой любитель, понимающий и ценящий искусство, наблюдая и анализируя то или иное произведение: от впечатляющей архитектуры до требующего специфического «прищуря» (особого рода концентрации) ювелирного искусства, представляет своё впечатление другим людям, облекает свои ментальные ассоциации, свои чувства и своё восприятие в языковой код. Дешифровка этого кода позволяет раскрыть глубинный смысл произведения искусства, заложенный автором, то, что М. Риффатер называл “minimal decoding” [3], обнаружить скрытые метафоры, символический ряд, который поможет реципиенту, несмот-

ря на время и расстояние, разделяющее адресата и адресанта, информации добраться до сути.

Ученые, которые занимались исследованием субъективной интерпретации (А.П. Булатова, Е.В. Милетова, Г.М. Фадеева и др.), акцентировали свое внимание на номинативной функции языка. Таким образом, аспект интерпретации, представляющий собой субъективный пересказ основной авторской идеи, есть неотъемлемая характеристика искусствоведческого дискурса, его природа.

Вместе с тем искусствоведческий дискурс выполняет и другие важные функции.

Одной из функций искусствоведческого дискурса, обладающей когнитивной составляющей, выступает когнитивно-интерпретирующая, целью которой является накопление, сохранение и передача информации [4]. Данная точка зрения опирается на исследования Н.Н. Болдырева об интерпретирующей функции языка. «Интерпретация в узком ее понимании – это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [5].

Когнитивная функция представляет собой сложную совокупность мыслительных субфункций, которые охватывают весь круг проблем, традиционно обозначаемых формулой «язык и мышление». Формирование языкового значения так или иначе сопряжено с концептуальным содержанием слова, а также с тем, с какой категорией оно соотносено, классифицировано. Интерпретация в свою очередь опирается на определённые типы знаний, на клише, на когнитивные модели, что указывает на тесную связь интерпретации с познанием. Поскольку интерпретация является процессом вторичной когниции, она опирается на коллективные репрезентации, закреплённые в социуме [5]. Достаточно ярко можно проследить вышесказанное на примере искусствоведческого дискурса русской иконописи. Безусловно, существуют очень строгие каноны изображения того или иного события на иконах, таким образом, абсолютно predeterminedены и упорядочены все сюжетные линии и малейшие детали. Это касается и

вербальной характеристики, так как описание икон также регламентировано. При этом реципиенту, который пытается постичь древнерусское искусство, сложно в данном случае составить собственное мнение о предмете искусства как таковом, поскольку данное произведение также является и предметом религиозного культа. В результате реципиент вынужден использовать понятную ему форму – языковую, посредством которой у реципиента возникает возможность ознакомиться с описанием иконографии или с художественным описанием религиозного изображения (каждое из которых – это своего рода интерпретация). Приведем пример такого описания: «Her eyes, it seems, convey the full measure of mankind's age-long suffering. The unknown painter of the Virgin of Vladimir created an image of great moral fortitude, of tempered inner nobility, and this makes this old masterpiece a vehicle of true humanism...»[6]. Подобное описание помогает реципиенту ощутить «deep grief», «gentle sorrow» и «profound anguish», поскольку именно такие определения представлены в книге «The Tretyakov Gallery» при описании «The Virgin of Vladimir», что является своего рода проекцией мира, или знаний о мире, «погруженных» в индивидуальное сознание человека. Происходит процесс субъективного восприятия объективного мира, прошедшее через призму коллективного знания. О глубоком страдании и боли Богоматери за судьбу сына знает каждый человек, так как это коллективное знание человечества, но проходя через субъективное восприятие отдельного индивида, согласно его проекции мира, возникают личные сомнения в привычной коллективной интерпретации: «her eyes, IT SEEMS...», «she SEEMS unresponsive», таким образом, проявляется присутствие индивидуального в интерпретации коллективного.

Мы полагаем, что когнитивно-интерпретирующая функция искусствоведческого дискурса представляет собой мыслительный процесс познания через интерпретацию коллективного знания в вербально выраженную субъективную картину мира индивида.

Мы разделяем точку зрения Н. Roose, W. Roose и S.Daenekindt об интерпретационной природе искусствоведческого дискурса: “Specialist discourse is essential to contemporary art, as it describes and helps to interpret art if acts that would otherwise remain enigmatic or devoid of meaning to uninitiated audiences. Artists, art critics, and art scholars produce texts that serve as a mode d’emploi, mediating meaning between artwork and spectator” [7], поскольку данное высказывание подчеркивает идею о том, что интерпретация может быть «навязана» реципиенту.

Наряду с вышеупомянутой языковой функцией (когнитивно-интерпретирующей), необходимо выделить коммуникативную и аккумулятивную функции языка, которые, несомненно, прослеживаются в искусствоведческом дискурсе.

Бесспорно, искусствоведческий дискурс в полной мере обладает коммуникативной функцией, поскольку коммуникация есть обмен информацией, передача её от одного индивида другому, коммуникация позволяет выражать мысли одного человека, а другому воспринимать эти мысли. В самом узком смысле коммуникация есть общение. В рассматриваемом нами типе дискурса коммуникация представляет собой односторонний процесс, зависящий как правило от желания критика или некоего специалиста в сфере искусствоведения донести информацию до воспринимающей стороны (обывателя, нуждающегося в профессиональной интерпретации того или иного предмета искусства). Сама цель искусствоведческого дискурса – осуществить коммуникацию между автором произведения и реципиентом, выступая своего рода посредником в таком общении через время и расстояние. Именно передача информации, закодированной в изображаемых символах и образах, является одной из наиболее важных задач искусствоведческого дискурса.

В искусствоведческом дискурсе сосредоточены знания, в которых искусство тесно переплетено со знаниями о концепции мира каждого индивидуальщика, так как представляется невозможным понять адресата информации в

отрыве от понимания картины мира творца. В данном случае искусствоведческий дискурс предоставляет знания по истории, культуре, традициях, политическом устройстве того или иного времени, поэтому целостность дискурса непосредственно связана с его информативностью. В случае отсутствия ожидаемой информации информативным становится само поведение участника речевой коммуникации. Речевое взаимодействие всегда ориентировано на передачу или получение информации, другое дело, что информация, поступающая подобным образом, периодически не опознается как таковая. Следует констатировать, что критерии информативности в искусствоведческом дискурсе недостаточно четко обозначены в настоящее время, что связано с вопросами дефиниции данного понятия, измерения уровня информативности, определения типичных форм представления информации в дискурсе, разграничения «старого» и «нового», степени восприятия информации.

Другая важная функция искусствоведческого дискурса – это аккумулятивная функция. Сущность аккумулятивной функции (от лат. *assimulatio* – «собрание, накопление») заключается в том, что язык, закрепляя в лексике и грамматике знания о мире, способствует их накоплению (аккумуляции), сохранению и передаче от поколения к поколению [8], поскольку данная языковая функция позволяет проникнуть в картину мира того или иного времени, прочувствовать менталитет определённого человека или общества, целой нации.

Таким образом, искусствоведческий дискурс накапливает знания о культуре, о быте, верованиях и традициях. В качестве примера рассмотрим небольшие отрывки из медиа источника, в котором современные художники сами говорят о смысле своих произведений. «Фиксирую свое состояние в определенный момент», «Не заморачивайся сильно, а просто работай. Раскочегарь себя, и что-то придет», «изображения выглядят, будто вырезанные из фильма кадры, скриншоты», «Я использую слово «стартап», которое, очевидно, пришло из английского языка, и также неизвестно», «работа из цикла «Нейробестиарий» [9]. Данные примеры принадлежат к определенному времени, к современной эпохе,

исходя из специфики употребленных лексем, в которых прослеживаются заимствования из другого языка, современный слэнг, переносное значение глаголов, являющихся вторичным семантическим рядом. Все вышеупомянутые фразы представляют собой высказывания современных художников о своём искусстве. Употребление слэнга указывает на социальную принадлежность и представляют собой некое современное art community. Кроме того, данные утверждения являются также примерами искусствоведческого дискурсивного поля. Возвращаясь к рассматриваемой аккумулятивной функции искусствоведческого дискурса, на основе этого небольшого материала можно говорить о времени, к которому принадлежат адресаты и об их социальной принадлежности.

Искусствоведческий дискурс несомненно относится к институциональному виду, так как по В.И. Карасику [10], дискурс бывает как персональным, так и институциональным, представляющим собой «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума». Ядром институционального дискурса является общение базовой пары неравных по статусу участников коммуникации: учителя и ученика, следователя и подследственного, врача и пациента, в нашем случае – чаще всего критика и зрителя.

В процессе реализации коммуникации хорошо прослеживается информативная функция, поскольку, бесспорно, в ходе вербализации устного или письменного характера сохраняется отражение произведений искусства в реальности и для будущих поколений [11]. Наряду с информативной функцией, нельзя не сказать об эмотивной функции рассматриваемого типа дискурса.

Л.А. Пиотровская определяет эмотивность как функцию языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной действительности [12]. То есть эмотивность – это эмоциональность, выраженная языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека.

Лингвистический аспект эмоциональности-эмотивности заключается в актуализации данной категории на различных уровнях языка [13].

Эмотивная функция, другими словами, функция передачи эмоций, чувств и настроений посредством языковых средств очень ярко прослеживается в искусствоведческом дискурсе. Искусство само по себе неотделимо от эмоциональной стороны, не существует такого предмета искусства, который не вызывал бы совершенно никаких эмоций у реципиента, поскольку это связано с самой человеческой природой. Человек неотделим от эмоциональной составляющей, так как в течение всей жизни индивид испытывает огромное количество эмоций. Искусствоведческий дискурс является неким связующим звеном между самим искусством и воспринимающей его стороной, содержит большое количество лексики, призванной реализовать эмотивную функцию, что проявляется с помощью лексем, которые называют эмоции, описывают эмоции и эмоциональные состояния, а также опирается на употребление экспрессивной лексики. Например, «Негодованием, злобой, ненавистью к врагу и восхищением перед мужеством и патриотизмом народа, защищающего честь нации и славу её оружия, пронизаны рисунки Терebeneва». Л.Р. Варшавский представляет подобное экспрессивное и эмоционально-окрашенное описание работы художника. Следующий пример: «Фигуры он кинул сильно, такую рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия...» [14]. В данных примерах употребляются конкретные лексеммы, которые называют саму эмоцию, после ознакомления с таким описанием спектр эмоций, который будет испытывать адресат, несомненно станет ярче и насыщеннее. Таким образом, эмоциональная оценка произведения искусства будет зависеть от языковых средств, используемых интерпретатором (критиком, учёным, исследователем, ценителем или просто музейным сотрудником).

Согласно Л.В. Кузнецовой [15], эмотивная функция предопределяет возникновение эмоционального восприятия произведения искусства. С этим сложно не согласиться, так как цель данной функции – выражение прямого отноше-

ния говорящего к тому, о чем он говорит. По Р.О. Якобсону, «она связана со стремлением произвести впечатление определенных эмоций у реципиента» [16].

Говоря о функциях рассматриваемого вида дискурса, нельзя не сказать о воспитательной функции, которая всегда была неотделима от понятия искусства в целом. В искусствоведческом дискурсе данная функция просматривается благодаря созданию такого образа, который позволит реципиенту сделать определенные выводы и умозаключения. Некоторые исследователи пишут о создании эстетического идеала, путем которого осуществляется воспитательная функция, но эстетическая составляющая, которая, несомненно, всегда ассоциируется с искусством, в современном мире ставится под большое сомнение, поскольку эстетика и искусство в наши дни далеко не всегда являются коррелирующими понятиями. Многие из того, что сейчас называют искусством, с точки зрения эстетики ставится под сомнение.

А. Ерохина [17] раскрывает дуалистический характер искусствоведческого дискурса, так как по сути рассматриваемый дискурс представляет собой слияние двух типов дискурса: невербального и вербального. Невербальный тип – это отношения «художник-критик», где информация передаётся при помощи закодированного путём разнообразных средств выразительности сообщения. Канал восприятия в данном случае – зрительный или слуховой (если мы говорим о музыкальном искусстве). Что касается вербального типа, то он представлен отношением «критик-зритель, слушатель, читатель»: здесь передача информации осуществляется через систему языковых знаков и задействует психический канал восприятия. Таким образом, как пишет А. Ерохина, искусствоведческий дискурс является «продуктом “вторичной” коммуникативной деятельности».

Проследить всю последовательность данного процесса не представляет особой сложности. Находясь, например, в художественном музее, большинство людей сначала рассматривают произведение искусства глазами, идёт общение типа «художник-критик», критик (в данном случае это тот же реципиент) пыта-

ется осмыслить суть произведения, опираясь только на то, что предоставил ему художник. Далее зритель подходит к большой табличке (которыми изобилуют в наше время многие музеи) и получает информацию, закодированную в данном случае в привычные нам языковые знаки, таким образом, представлен тип отношений «критик-зритель». Такого рода коммуникация возможна не только при посещении художественных выставок и музеев, но и при чтении статей в разных источниках, когда автор помещает изображение описываемого предмета и представляет само описание этого предмета. Автор предоставляет возможность реципиенту пройти оба уровня коммуникации, при этом второй, вербальный уровень на сегодняшний день играет огромную роль для всех, кто стремится познать мир искусства, так как зачастую начальная последовательность нарушается, и реципиент сначала знакомится с мнением критика и только потом пытается установить контакт с произведением искусства. При такой последовательности реципиенту сложно составить своё собственное мнение, поскольку он пытается рассмотреть и почувствовать именно то, о чем прочёл ранее. Известный американский искусствовед, философ и писатель Гарольд Розенберг в своём труде *The De-Definition of Art* (Де-определение искусства) пишет: «Едва ли будет преувеличением сказать, что живопись сегодня познается ушами... Нынешняя художественная критика перевернула былую последовательность: вместо того чтобы выводить принципы из того, что она видит, она учит глаз «видеть» принципы» [18]. Искусствоведческий дискурс, как и любой другой вид дискурса, не имеет однородную структуру, это скорее смешение художественного, публицистического, гуманитарного, научного и рекламного дискурсов. Каждый из них, так или иначе, представлен в искусствоведческом дискурсе и отражает черты всех вышеперечисленных типов.

Можно выделить несколько особенностей рассматриваемого типа дискурса: эмоциональная окрашенность лексики, специализированная лексика сферы искусства, гипертекстуальность, наличие особой концептосферы [19]. Кроме того, искусствоведческий дискурс характеризуется наличием заимство-

ваний, преобладанием определённых частей речи (именных форм), метафоричностью, определёнными типами высказываний, интерференцией разновидностей данного вида дискурса: живописной, архитектурной, дискурсприкладного искусства [20], что еще раз подчеркивает дуалистический характер искусствоведческого дискурса.

Таким образом, основополагающими чертами искусствоведческого дискурса являются его интерпретационная природа и дуалистический характер. Интерес учёного мира к искусствоведческому дискурсу активно развивается в силу того, что искусствоведческий дискурс мало изучен и, бесспорно, перспективы для дальнейшей работы исследователей в данном направлении, огромны.

Список литературы

1. Арсланов В.Г. *Теория и история искусствознания. XX век. Формальная школа*. М.: Академический проект; 2015. 380 с.
2. Елина Е.А. *Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства*: автореферат дис. ... доктора филологических наук. В.: Волгогр. гос. пед. ун-т; 2003. 8с.
3. Riffaterre M. *Essais de stylistique structurale*. Translated with an Introduction by Daniel Delas. Paris: Flammarion; 1971. p. 364.
4. Тхорик В.И. *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021700 – «Филология», специализации «Зарубежная филология». М.: ГИС; 2006. 258с.
5. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка. *Вестник Челябинского государственного университета*. Вып. 60. Филология. Искусствоведение: Ч. 2011;(33): 11.
6. Introduced by V. Volodarsky. *The Tretyakov Gallery Painting*. L.: Aurora Art Publishers; 1979. 544p.
7. Roose H., Roose W., Daenekindt S. Trends in contemporary art discourse. *Cultural Sociology*. 2018;12(3). URL: <http://www.researchgate.net>.
8. Аккумулятивная (кумулятивная) функция языка. URL: https://studme.org/243534/literature/akkumulyativnaya_kumulyativnaya_funktsiya_yazuka [дата обращения 15.01.2022].
9. Савина А., Трабун Д. Вы так не сможете: 10 произведений современного искусства и инструкции к ним. URL: <https://www.lookatme.ru> [дата обращения 19.01.2021].
10. Карасик В.И. О типах дискурса. *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена. 2000; с. 5-20.
11. Сахно А.А. Когнитивно-прагматические (семиотические) особенности вербализованных невербальных компонентов коммуникации в художественном тексте: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Майкоп: Адыг. гос. ун-т; 2013. 22с.
12. Пиотровская Л.А. *Эмотивность и дейксис*: сб. докладов СПб: Рос. гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена; 1993. 5с.
13. Череди́на А.Ю. Языковая актуализация эмотивности в современном искусствоведческом дискурсе. Выпускная квал. работа. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т; 2017. 19с.
14. Под редакцией А.И. Леонова *Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина XIX века*. М.: Государственное издательство Искусство; 1954. 305 с., 565с.

15. Кузнецова Л.В. Лингвокультурные маркеры мира детства в англоязычном искусствоведческом дискурсе: дис. ... кандидата филологических наук. Самара: Самарский национ. исследов. ун-т имени акад. С.П. Королёва; 2018. 26 с.
16. Якобсон Р.О. Функции языка по Р.О. Якобсону. URL: <http://www.studbooks.net> [дата обращения 03.12.2021].
17. Ерохина А.Б. Прагмалингвистические аспекты современного искусствоведческого дискурса: (на материале англоязычных текстов, посвященных изобразительному искусству): дис...кандидата филологических наук. Москва: Мос. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова; 2018. 13с.
18. Rosenberg H. *The De-definition of Art*. N-Y.: Collier Books; 1972. 268p.
19. Бельмесова М.О. Ключевые особенности искусствоведческого дискурса в рамках текстовой актуализации английского лингвокультурного концепта “*PAINTING*” (на материале монографии Г. Рейнолдса “*TURNER. WORLD OF ART*”). *Южно-Урал. гос. ун-т. Серия Лингвистика*. 2016; (13):62.
20. Даниленко А.П. Лингвокультурологические особенности искусствоведческого дискурса: магистерская дис. Белгород: Белг. гос. национально - исследовательский ун-т.; 2019. 21с.

References

1. Arslanov V.G. *Theory and history of art history*. XX century. Formal school. M.: Akademicheskij proekt; 2015. 380 p. (In Russ.)
2. Elina E.A. Verbal interpretations of works of fine art: authorship thesis of Doctor of Philology. V.: Volgograd State Pedagogical University; 2003. P.8. (In Russ.)
3. Riffaterre M. *Essais de stylistique structurale*. Translated with an Introduction by Daniel Delas. Paris: Flammarion; 1971. 364 p. (In Fren.)
4. Thoric V.I. Linguoculturology and intercultural communication: a textbook for university students, studying in the specialty 021700 – “Philology”, specialization “Foreign Philology”. M.: GIS; 2006. P. 258. (In Russ.)
5. Boldirev N.N. Interpretive language function. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Vipusk 60 Philologiya. Isskustvovedenie = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Rel. 60. Philology. Art criticism: Ch. 2011;(33):11. (In Russ.)
6. Introduced by V. Volodarsky. *The Tretyakov Gallery Painting*. L.: Aurora Art Publishers; 1979. 544p.
7. Roose H., Roose W., Daenekindt S. Trends in contemporary art discourse. *Cultural Sociology*. 2018. 12 (3). Available from: <http://www.researchgate.net> [accessed 30.01.2022].
8. Accumulative (cumulative) language function. Available from: https://studme.org/243534/literature/akkumulyativnaya_kumulyativnaya_funktsiya_yazuka [accessed 15.01.2022]. (In Russ.)
9. Savina A., Trabun D. You can't do it: 10 Modern Art Works and Instructions. Available from: <https://www.lookatme.ru> [accessed 19.01.2021]. (In Russ.)
10. Karasik V.I. About types of discourse. *Language personality: institutional and personal discourse: Collection of scientific papers*. Volgograd: Peremena; 2000. P.5-20. (In Russ.)
11. Sahnо А.А. Cognitive-pragmatic (semiotic) features of verbalized non-verbal components of communication in a literary text: authorship thesis of candidate of Philological Sciences. Maykop: Adyghe State University; 2013. P. 22. (In Russ.)
12. Piotrovskaya L.A. Emotiveness and deixis: sb. Dokladov. SPb Ros. gosudarstvennyi pedagogicheskii un-t im. A. I. Herzen; 1993. P.5. (In Russ.)
13. Cheredina A.U. Linguistic actualization of emotivity in contemporary art criticism discourse. Final qualifying work SPb: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi un-t; 2017. P.19. (In Russ.)
14. Edited by A.I. Leonova. *Russian Art*. Essays on the life and work of artists. The first half of the XIX century. M.: State publishing house Art; 1954. 305p., 565p. (In Russ.)

15. Kuznetsova L.V. Linguocultural Markers of the World of Childhood in English-Language Art History Discourse: Thesis. ... candidate Philology Sciences. Samara: Samars. Nation. Studies. un-t imeni akad. S.P. Koroleva; 2018. P.26. (In Russ.)
16. Yakobson R.O. Functions of the language according to R.O. Yakobson. Available from: <http://www.studbooks.net> [accessed 03.12.2021]. (In Russ.)
17. Erohina A.B. Pragmalinguistic aspects of contemporary art criticism discourse:(on the material of English-language texts devoted to fine arts): Thesis of candidate of philological sciences. Moscow: Moscow Lomonosov State University; 2018. P.13. (In Russ.)
18. Rosenberg H. The De-definition of Art. N-Y.: Collier Books; 1972. 268 p.
19. Belmesova M.O. Key features of art criticism discourse within the framework of the textual actualization of the English linguistic and cultural concept “*PAINTING*” (based on the monograph by G. Reynolds “TURNER. WORLD OF ART”). *Yuzhno-Ural State University. Linguistics series.* 2016;(13):62. (In Russ.)
20. Danilenko A.P. Linguoculturological features of art criticism discourse: Master’s Thesis Belgorod: Belgorod State National research University; 2019. P.21. (In Russ.)

Авторы публикации

Оломская Наталья Николаевна –
 Доктор филологических наук, профессор
 Кубанский Государственный Университет
 Краснодар, Россия.
 E-mail: olomnat@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1644-6774>

Бажан Анна Сергеевна–
 Учитель английского языка, аспирант
 Кубанский государственный университет
 Краснодар, Россия
 Email: 19anna12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3128-5286>

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8.06.2022
 Одобрена после рецензирования: 22.07.2022
 Принята к публикации: 28.08.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Olomskaya Natalia Nikolaevna –
 Doctor of Philology, Professor
 Kuban State University
 Krasnodar, Russia
 E-mail: olomnat@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1644-6774>

Bazhan Anna Sergeevna –
 English teacher, 1st year postgraduate student
 Kuban State University
 Krasnodar, Russia
 E-mail: 19anna12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3128-5286>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 8.06.2022
 Approved after peer reviewing: 22.07.2022
 Accepted for publication: 28.08.2022

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ,
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS. COMPARATIVE HISTORICAL, TYPOLOGICAL
AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81-22

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>

**ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ
СФЕРЫ «МЕДИЦИНА»**

В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Л.Р. Сакаева¹, С.С. Тахтарова², Л.В. Базарова³, М.А. Яхин⁴

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹*liliasakaeva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>*

²*SSTahtarova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>*

³*bazarova_lv@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>*

⁴*yakhinmarat94@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-4383-5086>*

Аннотация. Специфика терминологических единиц заключается в своеобразии их внутренней семантической организации в отличие от общелитературных слов. Статья посвящена установлению логико-понятийных характеристик терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках. Цель семантического анализа состоит в выявлении понятийной структуры, характерной для текстов определенной предметной области. В связи с этим предполагалась дифференциация терминов по понятийным классам и моделирование терминосистемы по подклассам. В качестве анализа взяты медицинские статьи с данными клинических исследований, из которых методом сплошной выборки были выделены термины сферы «медицина» в представленных языках. Анализ терминосферы «медицина» показал, что в семантическом освещении преобладают термины, относящиеся к категории предметов (112 единиц, что составляет 40 % от всех терминологических единиц), термины, относящиеся к категориям состояний и процессов, встречаются примерно в два раза реже.

Ключевые слова: медицинская лексика; термин; терминология; терминосистема; классификация; семантика

Для цитирования: Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 360–368. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>

LOGICAL AND CONCEPTUAL CLASSIFICATION OF ENGLISH, RUSSIAN AND TURKISH MEDICAL TERMINOLOGY

L.R. Sakaeva¹, S.S. Takhtarova², L.V. Bazarova³, M.A. Yahin⁴

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹*liliasakaeva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>*

²*SSTahtarova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>*

³*bazarova_lv@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>*

⁴*yakhinmarat94@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-4383-5086>*

Abstract. The original part of terminological units in comparison with the words of the national language lies in their internal semantic organization. In the case of terms, information about

the logical generalizations of certain aspects and features inherent in classes of objects that are homogeneous in terms of these features comes to the fore. The article is devoted to revealing the semantics, in particular the logical and conceptual characteristics of the medical terminology in the English, Russian and Turkish languages. The purpose of the semantic analysis is to identify the conceptual structure characteristics of texts in a particular subject area. There was assumed the differentiation of terms by conceptual classes and the modeling of the term system by subclasses. As the analysis, medical articles with data from clinical trials were taken, terms of the “medicine” sphere in the presented languages were selected by the continuous sampling method. The analysis of the given terminological sphere showed that terms related to the category of objects predominate in semantic coverage (112, which is 40% of all terminological units), terms related to the categories of states and processes are rare.

Keywords: medical vocabulary; term; terminology; term system; classification; semantics

For citation Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yahin M.A. Logical and Conceptual Classification of English, Russian and Turkish Medical Terminology. *Kazan linguistic journal*. 2022;5(3): 360–368. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.360-368>

В задачу данного исследования входит освещение проблемы классификации специальной лексики, поскольку она представляет собой неоднородное явление.

Изучение терминологии является одной из самых важных задач в современной лингвистике. В настоящее время большое количество исследований направлено на данную группу лексики. Лингвисты изучают понятие «термин», раскрывают его значение, выявляют основные языковые и семантические особенности. Многочисленные исследования, выполненные в 80-х гг., рассматривают термины в составе терминосистем. Под терминосистемой, согласно Б.Н. Головину, понимается соотнесенная с профессиональной сферой деятельности совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях [1]. Системный характер лексики наиболее последовательно выражен в терминологии.

Говоря о терминосистеме, обычно подразумевают синхронный срез состояния терминологических единиц на современном этапе развития науки, однако в последнее время стали популярны диахронические исследования развития терминосистем, относимые к историческому терминоведению. Терминосистема представляет собой упорядоченную терминологию и формируется, во-первых, по мере развития конкретной предметной области и, во-вторых, по мере расширения теоретической базы данной предметной области [2]. Таким об-

разом, организация любых терминосистем является результатом продолжительного развития и зависит как от лингвистических, так и внелингвистических факторов.

Необходимо отметить, что в некоторых работах наряду со словом «терминология» в значении «совокупность или система терминов определенной отрасли» используется слово «терминосистема» [3].

Убедительным представляется определение В.М. Лейчика, который определяет терминологию как языковое образование парадигматического типа терминов, обладающих семантической общностью и сходством (близостью) формальной структуры [2].

Следовательно, анализируя терминологию различных областей знания, лингвисты вправе ожидать не только общих закономерностей, но и специфических, уникальных особенностей, присущих исключительно конкретной специальной сфере.

При исследовании терминосистем следует принимать во внимание, что любое научное знание делится на две основные части: знание общенаучное и знание профессиональное, связанное с данной предметно-понятийной областью. Общенаучная терминология (например, объект, метод, система, структура, анализ, иерархия) является междисциплинарной вне зависимости от научной специализации. Следовательно, при изучении терминологических единиц, особенно в сфере функционирования (текстах), необходимо учитывать наличие общенаучной и узкоспециальной лексики, используя семантические критерии. Собственный интерес терминоведческого исследования, как правило, представляют единицы узкоспециальной конкретно-научной терминологии, которые «служат отличительной чертой каждой конкретной отраслевой терминосистемы – корпусом специальных терминов, именуемых специфические для каждой конкретной области знания реалии, понятия, категории» [4, с. 26].

Значение термина представляет собой комплексное явление. Для систем научных терминов характерны различные семантические модели, которые

строятся на основе выделения определенных дифференциальных семантических признаков, характерных для каждого термина [5].

Наиболее распространенная классификация – это логико-понятийная, или семантическая классификация. Логико-понятийная классификация опирается на научное знание, которое по своей природе системно, что находит отражение в системе понятий. Методологической основой здесь является структурно-системный анализ, применение которого к изучению терминологии обосновано в трудах Д.С. Лотте. Выявление же терминологической системности, по Д.С. Лотте, возможно при условиях, если она основывается на классификации понятий, дифференцируется на признаки и понятия, т.е. классификационные схемы и отражает специфичность [6]. Прежде чем классифицировать понятия, их необходимо систематизировать и определить. В нашей работе мы опираемся на классификацию, созданную профессором Т.Л. Канделаки, которая включает девять категорий: категорию предметов; процессов; состояний; режимов; свойств; величин; единиц измерения; наук и отраслей; профессий и занятий [7].

Однако каждая наука имеет свою систему категорий, которые вытекают из логических отношений между понятиями и терминами, где главными являются родовидовые отношения. Объем большинства научно-технических понятий внутри каждой категории может делиться на подгруппы по предметно-логическому, т.е. тематическому признаку.

Используя логико-понятийную классификацию все термины сферы «Медицина» в английском языке можно систематизировать и распределить по следующим тематическим группам:

1. Самой обширной категорией терминов является категория предметов, к которой относится 112 терминов, что составило 40 % от общего числа терминов. К данной категории относятся в основном те, что описывают медицинскую действительность: *sinus venosus defect, tricuspid valve, heart block*.

Категория процессов (явлений) также является распространённой в сфере «Медицина» и отражает нормальные и патологические процессы, связанные с работой органов человека, а также диагностические процедуры и процессы, например, *echo, complete repair, residual leak*. К данной группе относится 63 термина (22%).

2. Необходимо отметить, что примерно настолько же часто встречаются и термины, относящиеся к категории состояний, а именно это 66 терминов, 23 % от общего числа терминов. *Heart failure, hypoplasia, low cardiac output* – те состояния, которые можно встретить в медицине.

3. Термины категории режимов в терминосфере «Медицина» не были обнаружены.

4. Категория свойств представлена небольшим количеством терминов, 36 терминов составили 13% от общего числа терминов.

5. Категории величин, единиц измерения, лиц, профессий и занятий, наук и отраслей среди терминов «Медицина» не представлены.

Представим результаты анализа в виде диаграммы.

Диаграмма 1. Результаты логико-понятийного анализа терминосферы «Медицина» в английском языке

Используя логико-понятийную классификацию терминов сферы «Медицина» в русском языке можно систематизировать и распределить по следующим тематическим группам:

1. Самой распространённой категорией терминов является категория предметов, к которой относится 94 термина, то есть 35,3% от общего числа. К данной категории терминов относятся в основном термины, описывающие предметы изучения и исправления заболеваний и физиологических состояний человека: *системный желудочек, аневризма аорты, пульс*.

2. Настолько же распространены и термины, относящиеся к категории состояний: к этой категории относится 90 терминов, 33,8% от общего числа. *Одышка, синдром Эйзенменгера, недостаточность клапана* – примеры терминов-состояний.

3. Категория процессов (явлений) также является распространённой в сфере медицины: к этой категории можно отнести нормальные и патологические процессы, связанные с работой внутренних органов, а также диагностические процедуры и процессы, относящиеся к коррекции заболеваний, например, *ушить дефект, медикаментозная терапия, баллонная ангиопластика*. К данной группе относится 68 терминов, что составляет 25,6% от общего числа.

4. Термины категории режимов в данной терминосфере нам не встретились.

5. Выявлены 14 терминов, относящихся к категории свойств, то есть 5,3% от общего числа терминов, описывающих характеристики процессов и предметов, например: *гемодинамически стабильный, рестриктивный, подаортальный*.

6. Такие категории, как категории величин, единиц измерения, лиц, профессий и занятий, и наук и отраслей среди терминов сферы «Медицина» не представлены.

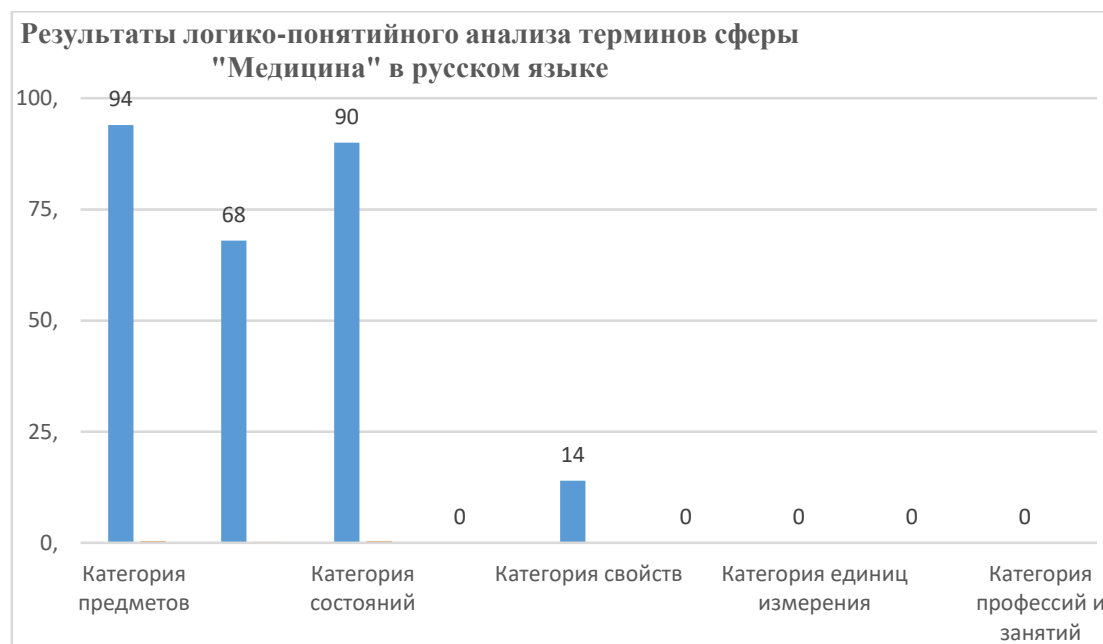

Диаграмма 2. Результаты логико-понятийного анализа терминов сферы «Медицина» в русском языке

В турецком языке преобладают термины, относящиеся к категории предметов, а именно *adale romatizmi* – мышечный ревматизм, *boğaz yangısı* – воспаление горла, *mide fesadı* – расстройство желудка, *diş fistülü* – свищ в зубе, которые можно отнести к патологическим процессам, связанным с работой внутренних органов, что составляет 47% от общего числа 316 терминов. Также частотна категория процессов: *kompres yapmak* – делать (ставить) компресс, *kira çekmek* – ставить банки, *ur almak* – удалить опухоль, что составляет 30% от общего количества терминов.

Таким образом, анализ терминосферы «Медицина» в разноструктурных языках показал, что в семантическом освещении в английском языке преобладают термины, относящиеся к категории предметов (112 единиц, что составляет 40 % от всех терминологических единиц), термины, относящиеся к категориям состояний и процессов, встречаются примерно в 2 раза реже.

Самыми распространёнными русскими терминами сферы «Медицина» являются термины, относящиеся к категории предметов (94 единицы, что составляет 35 % от всех терминологических единиц и состояний, которых встре-

тилось 90 единиц (25 %). В турецком языке – категории предметов (47%) и процессов (30%).

Список литературы

1. Головин Б.Н. *Введение в языкознание*. Москва; 2012.
2. Лейчик В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. Москва; 2011.
3. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология: Вопросы теории*. Москва: Либроком; 2016.
4. Татаринов В.А. *История отечественного терминоведения*. Москва: Московский лицей; 2019.
5. Yakhin M.A., Sakaeva L.R., Bazarova L.V., Gilyazeva E.N. Structural features of nosological terms in the English and Russian languages. *Modern journal of language teaching methods*. 2017;(7):227–233.
6. Лотте Д.С. *Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики*. М.: Изд-во АН СССР; 2011.
7. Канделаки Т.Л. *Семантика и мотивированность терминов*. Москва; 2017.
8. Butler H. *Chickenpox*. URL: <http://www.whale.to/m/butler11.html/> [дата обращения 28.07.2022].
9. Миллер Н. *Вакцина от полиомиелита: критическая оценка ее тайной истории, эффективности и долговременных последствий для здоровья*. URL: <http://www.1796kotok.com/vaccines/malady/nmiller.htm/> [дата обращения 28.07.2022].
10. Баскаков А.Н. *Большой турецко-русский словарь*. Москва; 2018.

References

1. Golovin B.N. *Introduction to linguistics*. Moscow; 2012. (In Russian)
2. Leichik V.M. *Terminology: subject, methods, structure*. Moscow; 2011. (In Russian)
3. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasil'eva N.V. *General terminology: Questions of theory*. Moscow: Librokom; 2016. (In Russian)
4. Tatarinov V.A. *History of domestic terminology*. Moscow: Moscow Lyceum; 2019. (In Russian)
5. Yakhin M.A., Sakaeva L.R., Bazarova L.V., Gilyazeva E.N. Structural features of nosological terms in the English and Russian languages. *Modern journal of language teaching methods*. 2017; (7): 227–233. (In English)
6. Lotte D.S. *Fundamentals of construction of scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology*. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 2011. (In Russian)
7. Kandelaki T.L. *Semantics and motivation of terms*. Moscow; 2017. (In Russian)
8. Butler H. *Chickenpox*. Available from: <http://www.whale.to/m/butler11.html/> [accessed 07/28/2022].
9. Miller N. *The Polio Vaccine: A Critical Appraisal of Its Secret History, Effectiveness, and Long-Term Health Consequences*. Available from: <http://www.1796kotok.com/vaccines/malady/nmiller.htm/> [Accessed 07/28/2022].
10. Baskakov A.N. *Big Turkish-Russian Dictionary*. Moscow; 2018. (In Russian)

Авторы публикации

Сакаева Лилия Радиковна –
доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: liliasakaeva@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>

Authors of the publication

Sakaeva Liliya Radikovna –
Doctor of Philology, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: liliasakaeva@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>

Тахтарова Светлана Салаватовна –
доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: SSTahtarova@kpfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Takhtarova Svetlana Salavatovna–
Doctor of Philology, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: SSTahtarova@kpfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Базарова Лилия Вязировна –
кандидат филологических наук, доцент
Набережночелнинский институт
Казанский федеральный университет
Набережные Челны, Россия
Email: bazaazarova_lv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>

Bazarova Liliya Vyazirovna –
PhD, Associate Professor
Kazan Federal University
Naberezhnye Chelny, Russia
Email: bazarova_lv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>

Яхин Марат Айдарович –
старший преподаватель,
кандидат филологических наук
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: Yakhinmarat94@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-4383-5086>

Yakhin Marat Aidarovich –
Senior lecturer,
Candidate of philological sciences
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: Yakhinmarat94@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-4383-5086>

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5.09.2022
Одобрена после рецензирования: 15.09.2022
Принята к публикации: 4.09.2022

Article info

Submitted: 5.09.2022
Approved after peer reviewing: 15.09.2022
Accepted for publication: 4.09.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

The author has read and approved the final
manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благо-
дарит анонимного рецензента (рецензентов)
за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anony-
mous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ,
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS. COMPARATIVE HISTORICAL, TYPOLOGICAL
AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81.42

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.369-378>

**МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ НАРРАТИВ В РУССКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ
МЕДИАДИСКУРСАХ**

О.В. Хасанова¹, А.А. Каримова², Г.Ф. Загидуллина³

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ *khasanova_oxana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4979-3238>*

² *an.carimova2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0908-8243>*

³ *gulnaz_1997_1997@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9640-9406>*

Аннотация. В статье рассматривается сопоставительный аспект обобщенных характеристик нарратива в русскоязычном и англоязычном медиадискурсах. Актуальность данной работы обуславливается недостаточной освещенностью в российских исследованиях специфики мультимедийного повествования, следовательно, вопрос о схожести и различиях русского и англоязычного мультимедийных нарративов остается открытым. Целью работы является выявление интегральных и дифференциальных нарративных признаков в русском и английском медиaprостранствах. Исследование выполнено на стыке смежных наук: лингвистики, теории коммуникации, медийной журналистики. Материалом послужили русскоязычный и англоязычный варианты популярного журнала Marie Claire, представленные в свободном доступе в сети Интернет. В общей сложности было проанализировано около 200 статей разной тематики. Критериями сравнительно-сопоставительного анализа стали семь консолидированных нарративных категорий: позиция автора по отношению к рассказываемому, тема нарратива, типы характеристики персонажей в повествовании, тип сюжета, тип конфликта, время нарратива, а также организация нарративного пространства. Качественно-количественный нарративный анализ публикуемых мультимедийных материалов позволил сделать вывод о сходстве русского и англоязычного повествований в тематике, способе организации сюжета, времени повествования. Различия в большей степени проявляются в использовании разного количества мультимедийных элементов, работающих на привлечение внимания к социальным конфликтам и медийным личностям преимущественно в английском издании. В русском нарративе отмечена текстоцентричность и доминирование материалов, актуализирующих фреймовое пространство языка, апеллирование к фоновым знаниям и рефлексии, что сближает русский медийный нарратив с художественным.

Ключевые слова: медиадискурс; цифровые массовые коммуникации; нарратив; повествование; нарративный анализ; русский язык; английский язык

Для цитирования: Хасанова О.В., Каримова А.А., Загидуллина Г.Ф. Нарратив в медиадискурсе (на материале русского и английского языков). *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 369–378. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.369-378>

MULTIMEDIA NARRATIVE IN RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE MEDIA COURSES

O.V. Khasanova¹, A.A. Karimova², G.F. Zagidullina³

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹ khasanova_oxana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4979-3238>

² an.carimova2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0908-8243>

³ gulnaz_1997_1997@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9640-9406>

Abstract. The article considers actively developing multimedia media in Russian and English. The relevance of this work is due to the insufficient coverage of the specifics of multimedia narrative in Russian studies, therefore, the question of the similarities and differences between Russian and English-language multimedia narratives remains open. The aim of the work is to identify integral and differential narrative categories in the Russian and English media spaces. The research was carried out at the junction of related sciences: linguistics, communication theory, media journalism. The material was the Russian-language and English-language versions of the popular magazine *Marie Claire*, freely available on the Internet. In total, about 200 articles on various topics were analyzed. The criteria of the comparative analysis were seven consolidated narrative categories: the author's position in relation to the narrated, the theme of the narrative, the way of characterization of the characters, the type of plot, the type of conflict, the time of the narrative, as well as the organization of space. Qualitative and quantitative analysis of the published multimedia materials allowed us to conclude that the similarity of the Russian and English-language narratives in the subject, the way of organizing the plot, the time of narration. The differences are more evident in the use of a different number of multimedia elements working to attract attention to social conflicts and media personalities in the English edition. Russian narrative is marked by the text-centricity and dominance of materials that actualize the frame space of the language, appealing to background knowledge and reflection, which brings the Russian media narrative closer to the artistic one.

Keywords: media discourse; digital mass communications; narrative; narration; narrative analysis; Russian; English

For citation: Khasanova O.V., Karimova A.A., Zagidullina G.F. Narrative in Media Discourse (on the Material of Russian and English). *Kazan linguistic journal*. 2022;5(3): 369–378. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.369–378>

Можно с уверенностью отметить, что современный медийный дискурс вне зависимости от языка-транслятора фокусирует внимание не на форме подачи материала (то есть на специфике грамматических конструкций), а на способе преподнесения информации, на особенностях семантических средств вербализации семиотического кода. Нарратив в этой связи приобретает первостепенное значение, поскольку обуславливает формирование у реципиентов нарративной компетенции, которая представляет собой способность не только строить собственные высказывания с учетом социокультурных особенностей иной языко-

вой среды при соблюдении консолидированных социокультурных норм, но также и интерпретировать высказывания собеседника [1, с.171].

Нарратив, или «повествование» в последнее время активно исследуется в социо-гуманитарных отраслях знаний. Нарратология давно вышла за пределы анализа художественных произведений как изначально задумывали ее основоположники. Стоит отметить, что в России интерес к ней появился в 60-70-е годы прошлого века и ознаменован появлением трудов Ю.М. Лотмана [2; 3]. Признанными нарратологами позже стали немецкие лингвисты Вольф Шмид и Моника Флудереник [4; 5], а также голландец Мике Бал [6]. Стоит отметить, что традиция изучения нарративов сводилась к их классификации на выдуманные и реальные, что для современного медиадискурса не теряет своей актуальности, поскольку ирреальные нарративы приобрели наименование *fake*, то есть «дезинформация».

Развитие повествовательных теорий пришло к выводу, что нарратив представляет собой семиотическую систему, которая в рамках медиапространства может обретать не только вербальную, но и аудиальную, и визуальную формы. Технологической основой медианарративов стало бурное развитие сети интернет, следовательно, цифровых средств массовой информации. Свободный доступ к ресурсам обусловил и специфику самих медиатекстов: принципиальную открытость на всех семиотических уровнях [7]. Кроме того, сочетание вербальных и иконических элементов в разы усиливают коммуникативный эффект любого текста [8]. Таким образом, в медиапространстве нарратив приобретает функционал коммуникативной техники и обретает особые характерные черты: гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность [9], которые глубже погружают реципиента в историю.

Чтобы сопоставить нарративы в отечественных и зарубежных цифровых информационных ресурсах, следует подробнее рассмотреть параметры их сопоставления. Американские журналисты Ричард Кочи Эрнандес и Джереми Ру [10] предлагают рассматривать мультимедийный нарратив в виде треугольника,

где вершинами являются непрерывные (continuous) истории, комплексные (comprehensive) и иммерсивные (immersive). Отличия между ними сводятся к линейному и сегментному способу повествования, однако, как правило, данные виды пересекаются и создают разной степени интерактивности истории. К. Картвейт [11] выделяет в качестве значимой еще и авторский вклад в повествование. В общих словах это можно описать как способ организации сюжета: являются ли истории линейными или же сегментарными с собственными нарративными структурами в рамках кумулятивных сюжетов.

Нора Бернинг в своей работе “Narrative Means to Journalistic Ends: A Narratological Analysis of Selected Journalistic Reportages” [12] в методике нарративного анализа выделяет пять категорий: голос, характеристику, хронологию, нарративное пространство и настроение. Объектом нашего внимания стали в первую очередь мультимедийные лонгриды, поскольку они сочетают в своей структуре большое количество письменного текста, разбитого иконическими элементами (фото, видео, графика и т.д.). Учитывая все перечисленные классификации, мы сосредоточили фокус внимания на пересекающихся характеристиках, выделенных преимущественно западными исследователями.

В качестве материала для сравнения были выбраны русский и британский варианты популярного интернет-журнала *Marie Claire* [13; 14], который только на русскоязычной платформе имеет около двухсот тысяч подписчиков, в то время как аутентичная версия просматривается полумиллионом читателей. Диапазон тем достаточно разнообразный: от психологических советов до новостей о Британской королевской чете, что позволяет рассмотреть нарративы в широком диапазоне дискурсов – от медийного до бытового и частично политического.

Было установлено, что любой мультимедийный информационный источник можно проанализировать с точки зрения 7 нарративных категорий, мы выбрали их в качестве критериев сопоставления русского и англоязычного информационного материала. Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. Позиция рассказчика/повествователя: она может быть выражена посредством внешнего акцента, внутреннего или нулевого фокусов. Стоит отметить, что общая тенденция проанализированных нами статей на английском языке заключается в преимущественной оценке внешней стороны, то есть рассказчик находится над миром повествования, выполняет роль наблюдателя: “*Caroline Hiron has taken the next step to help people with their skincare routines – she’s launched an app*” [14]. Русскоязычный источник в большей степени репрезентирует нулевую оценку или подчеркивает вовлеченность рассказчика в описываемое событие: «*Сегодня до офиса мы чаще всего добираемся на автомобиле, а домашние дела нам помогают выполнять роботы-пылесосы, стиральные и посудомоечные машины ....*» [13]. Если в британском варианте ставку делают на авторитетное мнение, то внимание русских читателей завоевывают путем собственного авторского опыта.

2. Предмет/тема повествования: поскольку преимущественная аудитория рассматриваемого журнала является женской, то и тематика обоих изданий схожа: из 20 случайно выбранных статей в русском издании 12 приходится на решение проблемных ситуаций (лишний вес, одиночество, воспитание детей); 4 посвящены событию; 3 личности и 1 месту. В англоязычном варианте журнала статистика выглядит похожим образом: 9 статей о ситуациях, 5 о личностях, 3 о событии и 3 посвящены описанию места.

3. Тип сюжета: доминирующая тема нарратива обуславливает и преобладание в двух версиях медиа-издания концентрирующего сюжета, поскольку именно данный тип в процессе семиозиса помогает максимально подробно интерпретировать суть проблемы и наметить однозначные пути ее решения («*Как худели в СССР: 5 самых популярных (и безумных) диет советского времени*» [13]); хроникальные сюжеты используются при освещении личности и какого-либо связанного с ней события (“*William and Kate’s Caribbean tour flights cost UK taxpayers £226k and it’s causing controversy*” [14]); кумулятивные сюжеты можно рассматривать в рамках тематических разделов, например, связанных с

астрологией или со здоровым питанием. Именно данный тип сюжета характерен для всех сетевых изданий формата веб-документари.

4. Время нарратива: все события могут располагаться либо в хронологической последовательности, либо ахронологично. Если учитывать факт преобладания статей несобытийной направленности, то можно отметить, что таймлайн теряет актуальность для рассматриваемого медиапространства, поскольку такого рода информационные источники преимущественно составляют контент, который может существовать аскетично по отношению к социально-политическим и иного рода изменениям в обществе.

5. Пространство: здесь можно наблюдать различия в англоязычном и русскоязычном нарративах по степени доминирования тематической и фреймовой организации. Если в западном издании тематическое пространство становится доминирующим в том числе за счет максимального использования фотографий и видео, например, в публикациях типа *“The best summer sandals to add to your basket now”* [14], то в русском медийном нарративе делается упор на фреймовое пространство, где фрейм инициируется посредством лингвопрагматических средств, например, *«20 ироничных и остроумных цитат Фаины Раневской, которые помогут вам понять жизнь...»* [13]. Визуальные чаще средства, иллюстрации или фотографии, в большей степени в русском нарративе переводят документальное в художественное, сохраняя при этом логическую связь с материалом изложения.

6. Характеристика персонажей в статьях: данный аспект активнее всего проявляется при повествовании событий, связанных со знаменитостями, а также при характеристике знаков зодиака в астрорубрике. В нарратологии выделяют три вида характеристики персонажей: авторские (присваиваются непосредственно самим автором или рассказчиком), опосредованные (проявляются как результаты поступков героев и поведения их в конкретных ситуациях, отобранных автором повествования) и фигуральные (даются другими персонажами или героями повествования).

В нашей мультимедийной выборке чаще всего присутствуют авторские характеристики, особенно это характерно для англоязычного нарратива (15 рандомно выбранных статей из 20); в русском нарративе в большей степени преобладают фигуральные и опосредованные характеристики, которые позволяют читателю сформировать собственное представление о герое, в большей степени это достигается использованием невербальных средств.

7. Характер конфликта: в русском нарративе нами зафиксировано преобладание внутреннего конфликта и типа «герой-обстоятельства». Это связано с тем, что большая часть информационного контента содержит рекомендации по самосовершенствованию как в физическом, так и в духовном плане; не по налаживанию отношений с другими людьми, а по адаптации к постоянно меняющимся условиям. Англоязычный нарратив фокусирует внимание на конфликте «герой-герой» и «герой-общество», поскольку английский нарратив в большей степени отвечает социальному заказу и концентрирует внимание на социальных ценностях, а не на личных.

Подводя итог, стоит отметить, что русский медийных нарратив в большей степени текстоцентричен, то есть вербальные средства даже в мультимедийном формате играют роль фоновых надстроечных элементов. В англоязычном нарративе функциональный диапазон иконических элементов гораздо шире и разнообразнее, это дает весомое преимущество в плане привлекательного дизайна, удобной навигации и степени интерактивности по сравнению с русскими цифровыми медиа-платформами. В любом случае, мультимедийные элементы выводят нарратив на качественно новый уровень: англоязычный вариант практически не содержит признаки художественного нарратива в формате веб-докьюментари, в то время как в русском нарративе чаще встречаются отголоски художественного повествования.

В качестве очевидных отличительных признаков русского и английского нарративов стоит отметить разный оценочный потенциал рассказчика, способ организации нарративного пространства, различный способ характеристики

персонажей и тип репрезентируемого конфликта. В то же время для обоих нарративов свойственно несобытийное повествование со схожей тематикой и способами организации сюжета, поскольку интегрирующим элементом в обоих изданиях является преимущественно женская аудитория. При формулировке выводов мы учитываем гендерную направленность издания, однако не считаем ее доминирующим фактором при конструировании нарратива.

Оба издания стремятся к типу повествования, находящемуся вне политико-экономической ситуации, следовательно, не теряющему актуальность и доступность всем слоям населения. Правомерно говорить о том, что и русский, и англоязычный мультимедийный нарративы представляют собой схожую форму при разном содержании, то есть в рамках единого цифрового пространства различия иницируются лишь при использовании разного объема знаков нескольких семиотических систем, что позволяет сохранять нарративность даже при ограниченном количестве текстовой информации.

Список литературы

1. Шукин А.Н. *Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц*. Москва: АСТ [и др.]; 2006.
2. Лотман Ю. М. *Структура художественного текста*. Москва; 1970.
3. Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва; 1999.
4. Шмид В. *Нарратология*. Москва; 2003.
5. Fludernik M. *An Introduction to Narratology*. London, New York; 2009.
6. Bal M. *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*. Toronto, Buffalo; 1997.
7. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста. *Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. моногр.* Москва: Флинта: Наука, 2012; 320–334.
8. Валгина Н. С. *Теория текста: учебник для вузов*. М.: Логос; 2003.
9. Berning N. *Narrative Journalism in the Age of the Internet: New Ways to Create Authenticity in Online Literary Reportages*. URL: <http://www.uni-muenster.de/textpraxis/nora-berning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet> [дата обращения: 22.06.2022].
10. Hernandez R., Rue J. *The Principles of Multimedia Journalism: Packaging Digital News*. New York; London: Routledge; 2015. P. 8–30.
11. Kartveit K. *Multimedia Journalism and Narrative Flow*. PhD dis. ... serien for Det Humanistiske Fakultet, Aalborg Universitet; 2016.
12. Berning N. *Narrative means to journalistic ends: A narratological analysis of selected journalistic reportages*; 2011.
13. Marie Claire. Россия. URL: <https://www.marieclaire.ru/> [дата обращения: 24.06.2022].

14. Marie Claire. Co. UK. URL:<https://www.marieclaire.co.uk/fashion/shopping/summer-sandals-the-marie-claire-edit-216663> [дата обращения: 24.06.2022].

References

1. Shchukin A.N. *Linguodidactic encyclopedic dictionary: more than 2000 units*. Moscow: AST [et al.]; 2006. (In Russ.)
2. Lotman Yu. M. *The structure of a literary text*. Moscow; 1970. (In Russ.)
3. Lotman Yu. M. *Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history*. Moscow; 1999. (In Russ.)
4. Schmid V. *Narratology*. Moscow; 2003. (In Eng.)
5. Fludernik M. *Introduction to narratology*. London, New York; 2009. (In Eng.)
6. Bal M. *Narratology: An Introduction to the theory of narration*. Toronto, Buffalo; 1997. (In Eng.)
7. Kazak M.Yu. The specifics of the modern media text. Linguistics of speech. Media journalism: call. monogr. Moscow: Flint: Nauka, 2012; 320-334. (In Russ.)
8. Valgina N.S. *Text theory: textbook for universities*. M.: Logos; 2003. (In Russ.)
9. Berning N. Narrative journalism in the Internet era: new ways of creating authenticity in online literary reports. Available from: <http://www.uni-muenster.de/textpraxis/nora-berning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet> [accessed 06.22.2022]. (In Eng.)
10. Hernandez R., Ru J. (2015). *Principles of multimedia journalism: Packaging of digital news*. New York; London: Routledge; 2015. P. 8-30. (In Eng.)
11. Kartveit K. *Multimedia journalism and narrative flow*. PhD thesis. ... series for Det Humanistiske Fakultet, Aalborg University; 2016. (In Eng.)
12. Berning N. Narrative means of achieving journalistic goals: A Narratological analysis of selected journalistic reports; 2011. (In Eng.)
13. Marie Claire. Russia. Available from: <https://www.marieclaire.ru> [accessed 06.24.2022]. (In Russ.)
14. Marie Claire. Co. UK. Available from: <https://www.marieclaire.co.uk/fashion/shopping/summer-sandals-the-marie-claire-edit-216663> [accessed 06.24.2022]. (In Eng.)

Авторы публикации

Хасанова Оксана Владимировна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: khasanova_oxana@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4979-3238>

Каримова Анна Анатольевна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: an.carimova2012@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0908-8243>

Загидуллина Гульназ Фоатовна –
магистр педагогики, ассистент
Казанский федеральный университет

Authors of the publication

Khasanova Oxana Vladimirovna –
Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor
Kazan federal university
Kazan, Russia
E-mail: khasanova_oxana@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4979-3238>

Karimova Anna Anatoljevna –
Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor
Kazan federal university
Kazan, Russia
E-mail: an.carimova2012@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0908-8243>

Zagidullina Gulnaz Foatovna –
Master of Pedagogy, Assistant
Kazan federal university

Казань, Россия

E-mail: gulnaz.1997.1997@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9640-9406>

***Раскрытие информации
о конфликте интересов***

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.07.2022

Одобрена после рецензирования: 25.08.2022

Принята к публикации: 4.09.2022

*Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.*

Информация о рецензировании

*«Казанский лингвистический журнал» благо-
дарит анонимного рецензента (рецензентов)
за их вклад в рецензирование этой работы.*

Kazan, Russia

E-mail: gulnaz.1997.1997@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9640-9406>

Conflicts of Interest Disclosure

*The author declares that there is no conflict of
interest.*

Article info

Submitted: 20.07.2022

Approved after peer reviewing: 25.08.2022

Accepted for publication: 4.09.2022

*The author has read and approved the final
manuscript.*

Peer review info

*Kazan Linguistic Journal thanks the anony-
mous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.*

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ,
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS. COMPARATIVE HISTORICAL, TYPOLOGICAL
AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 372.881.111.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.379-388>

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Ф.Ф. Шигапова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
faridash.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6647-0545>*

Аннотация. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что вопрос манифестации российской этнокультурной идентичности в заимствованиях из английского языка в сопоставлении с их английскими аналогами до настоящего времени рассматривался лишь в той его части, которая касается только расширения/ сужения или модификации структуры значения заимствуемого слова. Однако, представляется важным рассмотреть не только каким образом изменяется семантическая структура слова при заимствовании, но и каким образом в структуре значения слова в языке-рецепторе фиксируется этнокультурная идентичность социума. Процесс заимствования слов из английского языка в русский язык не замедляется, а усиливается. Многие слова настолько активно адаптируются в языке, что не воспринимаются как инокультурные элементы. Именно к таким относится и слово *бойкот*, которое прочно вошло в систему русского языка и активно функционирует с конца XIX века. Автор рассматривает семантический потенциал английского слова **boycott** и заимствованного в русский из английского **бойкот** в 3 этапа. На первом этапе были изучены этимология и деривативная способность каждого из изучаемых слов. Эта статья посвящена второму этапу, который включал семное описание единиц обоих языков на уровне денотативного, функционального и коннотативного макрокомпонентов, определение частотности и функционально-семантического потенциала каждого из дериватов изучаемых слов. Третий этап предполагает сопоставление национально-специфических компонентов в контрастируемых парах слов. Практическая ценность материалов статьи заключается в возможности использования материалов исследования в курсах современного русского и английского языков, теории языка, стилистики, культуры речи, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам социолингвистики, лингвокультурологии, лингвокультурной концептологии, лингвострановедения, прагмалингвистики и др. Результаты исследования могут найти практическое применение при составлении различного типа словарей и справочников.

Ключевые слова: лингвокультурная идентичность; заимствования; семантический потенциал; семный состав

Для цитирования: Шигапова Ф.Ф. Семантический потенциал заимствований. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 379–388. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.379-388>

Original article
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.379-388>

Philology studies

THE SEMANTIC POTENTIAL OF BORROWINGS

F.F. Shigapova

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
faridash.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6647-0545>*

Abstract. The relevance of the chosen research topic is determined by the fact that the issue of the manifestation of Russian ethnocultural identity in borrowings from the English language in comparison with their English counterparts has so far been considered only in that part of it that concerns only the expansion / narrowing or modification of the structure of the meaning of the borrowed word. However, it seems important to consider not only the semantic structure changes but also the way the ethnocultural identity of the society is fixed in the structure of the meaning of the word in the receptor language. The process of borrowing words from English into Russian is intensifying. Many words are so actively adapted in the Russian language that they are not seen as foreign cultural elements. This is also true for the word boycott, which has entered the Russian language and has been actively functioning since the end of the 19th century. The author examines the semantic potential of the English word boycott and its borrowed counterpart in Russian within 3 stages. At the first stage, the etymology and derivative ability of each of the studied words were under the examination. This work covers the second stage, which included a semantic description of the units of both languages at the level of denotative, functional and connotative levels and the frequency and functional-semantic potential of each of the derivatives of the studied words. The third stage involves the comparison of national specific components in contrasted pairs of words. The practical value of the materials of the article lies in the possibility of using the research materials in the courses of modern Russian and English languages, the theory of language, stylistics, and while developing special courses and special seminars on the problems of sociolinguistics, linguocultural-conceptology, linguocultural studies and pragmalinguistics. The results of the study can be applied when compiling various types of dictionaries and reference books.

Keywords: linguistic and cultural identity; borrowings; semantic potential; seme composition

For citation: Shigapova F.F. The Semantic Potential of Borrowings. *Kazan linguistic journal*. 2022;5(3): 379–388. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.379-388>

Введение

Семный состав изучаемых слов конструировался на основе данных словарных дефиниций и при помощи метода наведения сем в контексте изучаемых слов в дискурсе. Сема толкуется в работе как основная единица компонентного анализа, используемая при анализе лексического значения слова [1]. В значении слова как единицы языка выделяем макрокомпоненты, а также семы и семные конкретизаторы [1]. Денотативный, коннотативный и функциональный макрокомпоненты, отражающие различные типы информации, содержащиеся в семантике слова (единицы языка). Денотативный макрокомпонент содержит информацию относительно внеязыковой действительности, содержащуюся в слове, в то время как коннотативный макрокомпонент включает семы, демонстрирующие отношение субъекта к объекту номинации «в форме эмоции и оценки денотата». Функциональный макрокомпонент лексической единицы содержит информацию о сфере (-ах)

функционирования данной языковой единицы и включает ряд компонентов: функционально-стилистический (разг., межстилевое, книжн., фам., прост., и т.д.); функционально-территориальный (рег., диал., обл., и т.д.); функционально-темпоральный (окказионализм, ист., арх., устар., неологизм и др.); функционально-социальный (терм., спец., научн., полит., молод., и др.); функционально-частотный (редк., малоупотр., употр., высокочаст.). Считается, что семные конкретизаторы служат для разграничения значений лексических единиц друг от друга внутри одной семантической группы и наполняют семантику языковой единицы конкретным контекстом.

Семантическим потенциалом вслед за Г.И. Кустовой именуем «те возможности, которые предоставляет говорящим (и пишущим – *вставка наша – Ф.Ш.*) исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и, с другой стороны, сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно “распространить”» [2].

Семный анализ слова *boycott*

Анализ лексикографических источников выявил различия в толковании изучаемого слова в английском языке: ядерными в структуре значений, фиксируемых различными словарями, являются различные семы: *ban* (букв. англ. «запрет») [3], *a situation* (букв. англ. «ситуация») [4], *process, fact, pressure* (букв. англ. «процесс», «факт», «давление») [5], *an act* (букв. англ. «акт») (MD), *refusal* (букв. англ. «отказ») [6]. Наиболее значимым семантическим различием толкования слова в различных словарях является присутствие/отсутствие семы каузатора: в толковании OED “*a punitive ban that forbids ...*, букв. «карательный запрет», указанная сема является яркой и детерминирует отсутствие указания на волеизъявление агенса. В трактовке WND – “*agroup’s refusal*, букв. «групповой отказ от», наоборот, присутствует яркая агентивная сема, указывающая на активность деятеля. Таким образом, мы фактически наблюдаем метонимическое развитие семантики слова в направлении «действие → результат». Что касается сферы отношений, на которые распространяется бойкот, то здесь

наблюдаются незначительные расхождения, фиксируемые лексикографическими источниками: commercial dealings (букв. англ. «сфера коммерции») [6], or social intercourse with a tradesman, employer, etc. (социальные отношения); social and business interdiction for the purpose of coercion (социальные и бизнес отношения) [5]. Мы также наблюдаем присутствие в структуре значения семы «борьба» и семного конкретизатора «организованная». Например, man “Ultimately, despite notable reluctance, the Egyptian government enforced the boycott through national legislation in April 1967”, букв. англ. «В конечном итоге, несмотря на заметное сопротивление, египетское правительство в апреле 1967 года **ввело бойкот** в соответствии с национальным законодательством» [7]. Показательна и фиксация семы цели: «чтобы выразить неодобрение или заставить принять определенные условия» [5].

Фактически англоязычные толковые словари фиксируют два лексико-семантических варианта: **boycott**: 1) CED исключение агенсом (лицом(-ами) /организацией/государством) контрагенса (лица/организации/государства) из партнеров своей деятельности (экономической/ общественной/ государственной) (коагенса) при помощи прерывания сотрудничества (орудие/способ) с целью наказания (экономически или порицанием) (результатив), способ совершения действия – без огласки/с оглаской; 2) OED запрет, налагаемый агенсом на действия коагенса 1 с коагенсом 2 с целью наказания (экономически или порицанием) (первичный результатив) и превращения коагенса 2 в контрагенса, способ совершения действия с оглаской. Таким образом, толкование, зафиксированное в OED, есть результат метонимического развития значения, зафиксированного в CED, при котором результатив становится орудием (запрет) (см. Табл.1).

Таблица 1.

Компонентный анализ лексико-семантических вариантов слова boycott в современном английском языке

семь		Boycott ЛСВ 1 (CED)	Boycott ЛСВ 2 (OED)
Денотативный макрокомпонент	ядерная сема	Прекращение действий	запрет
	Модификатор1	Финансовых, политических общественных,	
	Модификатор2	совершаемое по своей воле или каузируемые к-л., ч-л.	
	Модификатор3	С оглаской/без огласки	
	агенс	Лица/группы лиц	Лица/группы лиц
	контрагенс	Другое лицо, учреждение, идея, артефакт, государство	Другое лицо, учреждение
	коагенс		Другое лицо, учреждение
	объект		Совершать действия (экономические, правовые, общественные, проч.)
	способ	Игнорирование действия контрагенса	Закон/распоряжение/угрозы
	цель первичная	Финансовые/экономические потери, потеря имиджа контрагенса	
	Цель конечная	запрет, приостановление действия ч-л., прекращение сотрудничества	Финансовые/экономические потери, потеря имиджа контрагенса
Коннотативный макрокомпонент	Эмотивн.	+	+
	Оценочн.	-	-
	образн	+	+
Функциональный макрокомпонент	Полит.	+	+
	Соц.	+	+
	Эконом.	+	+
	Общенац.	+	+

Как видим, ЛСВ 2 образован при помощи переноса названия действия на результат – на то, что возникает в процессе действия: **boycott** (actions) → **boycott** (ban).

В современном английском языке агенсами в текстах с лексемой **boycott** могут быть как отдельные лица, так и организации, государства, компании.

Например, “Has *anyone* considered starting a *boycott* of NYC similar to the one that was started against Arizona”. Букв. «*Кто-нибудь* думал о том, чтобы начать *бойкот* Нью-Йорка, подобный тому, который был начат против Аризоны”.

Современный англоязычный дискурс также демонстрирует преимущественно нейтральные и пейоративно окрашенные контексты изучаемых лексем *boycott*, **boycotter**, **boycottism**, функционирующих в текстах, тематически связанных с борьбой и запретами в производственных, экономических, политических и социальных отношениях (см. примеры ниже). Например, “Argentine President Nestor Kirchner on Thursday called for a *nationwide boycott* of Royal Dutch/Shell after the oil company hiked gasoline”. Букв. «Президент Аргентины Нестор Киршнер в четверг призвал к *общенациональному бойкоту* RoyalDutch / Shell после того, как нефтяная компания повысила цены на бензин».

Тексты, функционирующие в современном англоязычном дискурсе, актуализируют способность слова к метафорическим коллокациям. В отличие от русского языка их диапазон уже и частотность следует признать незначительной (ср с дистрибутивными способностями русского бойкот): ‘*boycott lightened*’ [8]; букв. «бойкот вспыхнул», ‘*boycott fizzled*’ [9]; букв. «бойкот погас, не успев разгореться», ‘*boycott looming*’ [9]; букв. «бойкот маячит», ‘*boycott infuriated*’ [9]; букв. «бойкот пришел в неистовство, остервенел»; ‘*boycottforced*’ [9]; букв. «бойкот заставил». Например. “*This is not to condone a boycott lightened only slightly before the start by a placard reading “No Cummins”*’ [8], букв. «Это не означает оправдание **бойкота**, который лишь **слегка смягчился** перед стартом с помощью плаката с надписью “Камминз запрещен”!»

Семный анализ слова бойкот в русском языке

Анализ лексикографических источников и дискурса позволяет осуществить компонентный анализ слова **бойкот** и выявить присутствие следующих сем в структуре значения: “борьба” (ядерная сема, архисема), семный конкретизатор “организованная”, способ/инструмент (отказ). Здесь необходимо добавить, что мы не включаем конкретизатор «общественная»,

фиксируемый рядом ученых [10] поскольку способность сочетаться с атрибутами с семантикой «личный» исключает данный конкретизатор. Например, конкретизатор “общественный” не наводится в следующих контекстах: *«Так что объявляю личный бойкот акции с портретом Высоцкого на банках пива [11]. Не веря, что лично он может что-то изменить, Хагерман объявил персональный бойкот Трампу [12].*

В современном языке лексема *бойкот* имеет соотнесенность как с личной, так и общественной сферами, а сема «игнорировать» наводится (термин И.А. Стернина) в текстах различных типов и жанров. Например, в художественной прозе: *«После того, как прекратились попытки объявить бойкот магии, духовные практики стали очень популярны»; «Сговорились мы и решили объявить бойкот хозяевам»; в дискурсе СМИ: «Если бы США действительно собирались объявить бойкот...»; в научном дискурсе: «он принял "Декларацию прав колоний", где выдвигалось требование отмены "принудительных актов" и призывалось объявить бойкот английским товарам»; в спортивном дискурсе: «В том случае если решение о месте проведения Игр не будет изменено, демократические страны должны объявить бойкот этой Олимпиаде», заявил Минашвили»; в религиозном: «В середине августа 1949 г. на епископской конференции было принято решение объявить бойкот законопроекту» и др.*

В структуре значения также присутствуют семы агенса (лицо или группа лиц), контрагенса (Другое лицо, учреждение, идея, артефакт), цели (запрет, приостановление, прекращение действия), способа (игнорирование) (см. Таблицу1) .

Современный русский дискурс демонстрирует присутствие пейоративных сем во всех однокоренных лексемах (**бойкот, бойкотирование, бойкотный, бойкотировать, (анти)бойкотист**), которые используются в текстах, тематически связанных с производственными, экономическими, политическими и социальными отношениями (см. примеры ниже). Например, *«... единого номера «Пролетария» не было... где бы хоть строчка была допущена в пользу «бойко-*

*тизма» (после 1906 года), отзовизма и ультиматизма, без опровержения этой карикатуры на большевизм» [13]. Контекст слова **бойкотист**, в значении «участник какого-нибудь политического бойкота» [14], также содержит указания на негативный характер обозначаемого понятия: «Он был социал-демократ и крайне **ожесточенный бойкотист**» [15].*

Нейтральные контексты представлены в меньшем количестве: «***Я бойкотист**. Моя совесть не может примириться с тем обстоятельством, что нам во всеуслышание, не скрываясь, навязали обвинение». «Я лично всегда бывший **антибойкотист** выступал на кадетских собраниях как **бойкотист** и в известном смысле ставлю это себе в заслугу» [15]. «На Котской конференции (июль 1907 г.) Ленин отстаивал свою точку зрения в невыгодной ситуации: он был единственным «**антибойкотистом**» в большевистской фракции, остальные «беки» – **бойкотисты**» [13].*

Дистрибутивный потенциал лексемы делает возможным сочетания, реализующие метафорические переосмысления заимствованного слова в современном русском дискурсе. Именно такого рода тексты актуализируют экспрессивный компонент в семантике слова, эксплицируя таким образом специфику лингвокультурной семантики в русском языке: «**бойкот вспыхнул**», «**бойкот назрел**», «**бойкот грозил**», «**бойкот разгорелся**», «**бойкот им не улыбался**», «**бойкот грозит**». Например, «*Этот **бойкот** просто назрел, он связан как с проявлением цензуры на выставке “Великое и величественное”*». Русские тексты реализуют в значительно большей степени широкий потенциал сочетательных возможностей слова бойкот по сравнению с английским *boycott*.

Заключение

Таким образом, основным отличием слова *бойкот* от английского аналога является отсутствие ЛСВ «запрет», которое, очевидно, явилось результатом развития семантики *boycott* после его заимствования в русский язык. Семный состав межъязыковых аналогов совпадает и содержит семы: «неодобрение», «борьба», «объединение для общих действий против», «прекращение сотруд-

ничества». При этом русский дискурс манифестирует и более широкий по сравнению с английским спектр метафорических дистрибуций.

Список литературы

1. Стернин И.А. *Проблемы анализа структуры значения слова*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та; 1979. 156 с.
2. Кустова Г.И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славян. культуры; 2004.
3. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> [дата обращения: 19.07.2021].
4. Cambridge English Dictionary (CED). URL: <https://dictionary.cambridge.org> [дата обращения: 10.07.2021].
5. MediaWiki (MW). URL: <https://www.mediawiki.org/wiki/MediaWiki> (дата обращения: 22.07.2021).
6. WorldNetDaily (WND). URL: <https://www.wnd.com/> [дата обращения: 23.07.20210].
7. Maurice Jr M. Labelle. De-coca-colonizing Egypt: globalization, decolonization and the Egyptian boycott of Coca-Cola, 1966-68, published 12 February 2014. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-global-history/article/abs/decocolonizing-egypt-globalization-decolonization-and-the-egyptian-boycott-of-cocacola-196668/E44373FB0DF9CCA6C182B3FE08A8A7A0> [дата обращения: 16.07.2021].
8. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> [дата обращения: 24.08.2021].
9. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> [дата обращения: 23.08.2021].
10. Бессонова Л.Е. Иноязычные заимствования в политической лексике начала XX века. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-zaimstvovaniya-v-politicheskoy-leksike-nachala-xx-veka> [дата обращения: 17.07.2021].
11. Андреассен Н. Высоцкого отправили... на пиво. *Комсомольская правда*; 2011.11.18
12. Генис А. Бойкот. Как говорить о Трампе, сохраняя семью и дружбу. *Новая газета*, 2018.07.20.
13. Исторические статьи. И Начало конфликта между В. И. Лениным и А.А. Богдановым (1907-1909) Часть 3. URL: https://etargentuma.my1.ru/load/stati/istoricheskie/i_nachalo_konflikta_mezhdu_v_i_leninym_i_a_bogdanovym_1907_1909_gg_chast_3/35-1-0-164 [дата обращения: 18.07.2021].
14. Толковый словарь Ушакова Д.Н. Ушаков 1935-1940. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/749214> [дата обращения: 17.07.2021].
15. Google Books Ngram Viewer (GBNV). URL: <https://books.google.com/ngrams/> [дата обращения: 11.07.2021].

References

1. Sternin I.A. *Problems of analyzing the structure of the meaning of a word*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta; 1979. 156 p. (In Russian)
2. Kustova G.I. *Types of derived values and mechanisms of language extension*. M.: Yazyki slavyan. kul'tury; 2004. (In Russian)
3. Oxford English Dictionary. Available from: <https://www.oed.com/> [accessed: 19.07.2021].
4. Cambridge English Dictionary (CED). Available from: <https://dictionary.cambridge.org> [accessed: 10.07.2021].
5. MediaWiki (MW). Available from: <https://www.mediawiki.org/wiki/MediaWiki> [accessed: 22.07.2021].
6. WorldNetDaily (WND). Available from: <https://www.wnd.com/> [accessed: 23.07.20210].

7. Maurice Jr M. Labelle. De-coca-colonizing Egypt: globalization, decolonization and the Egyptian boycott of Coca-Cola, 1966-68, published 12 February 2014. Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-global-history/article/abs/decocacolonizing-egypt-globalization-decolonization-and-the-egyptian-boycott-of-cocacola-196668/E44373FB0DF9CCA6C182B3FE08A8A7A0> [accessed: 16.07.2021].
8. British National Corpus (BNC). Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> [accessed: 24.08.2021].
9. Corpus of Contemporary American English. Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> [accessed: 23.08.2021].
10. Bessonova L.E. Foreign language borrowings in the political vocabulary of the early XX century. 2014. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-zaimstvovaniya-v-politicheskoy-leksike-nachala-xx-veka> [accessed: 17.07.2021]. (In Russian)
11. Andreassen N. Vysotskogo otpravili... na pivo. *Komsomol'skaya pravda*; 2011. (In Russian)
12. Genis A. Boycott. How to Talk' about Trump while Preserving Family and Friendship. *Novaya gazeta*; 2018.07.20. (In English)
13. Historical articles. The beginning of the conflict between V.I. Lenin and A.A. Bogdanov (1907-1909). Part 3. Available from: https://etargentuma.my1.ru/load/stati/istoricheskie/i_nachalo_konflikta_mezhdu_v_i_leninym_i_a_bogdanovym_1907_1909_gg_chast_3/35-1-0-164 [accessed: 18.07.2021]. (In Russian)
14. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of Ushakov. Dictionaries and encyclopedias on the Academic. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/749214> [accessed: 17.07.2021]. (In Russian)
15. Google Books Ngram Viewer (GBNV). URL: <https://books.google.com/ngrams/> [accessed: 11.07.2021].

Авторы публикации

Шигапова Фариды Финсуровны –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: faridash.81@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6647-0545>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.07.2022
Одобрена после рецензирования: 25.08.2022
Принята к публикации: 4.09.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Shigapova Farida Finsurovna –
Senior lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: faridash.81@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6647-0545>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Article info

Submitted: 20.07.2022
Approved after peer reviewing: 25.08.2022
Accepted for publication: 4.09.2022

The author has read and approved the final
manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ И АФРИКИ

LINGUISTICS. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES OF EUROPE, ASIA AND AFRICA

Научная статья

Филологические науки

УДК 811.133.1: 81'272

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.389-403>

ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И АНТИЦЕННОСТЕЙ В НОВОГОДНИХ ОБРАЩЕНИЯХ Э. МАКРОНА

Л.Р. Абдуллина¹, Л.А. Филиппова²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Альянс Франсез-Казань

¹lilioven@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0774-9757>

²ladafilippova1606@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6753-956X>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей новогодних обращений главы государства Франции. Новогоднее обращение рассматривается как жанр политического дискурса. Авторы работы ставят перед собой целью выявление ценностных констант франкоязычного пространства, которые актуализируются в текстах новогодних обращений президента. Материалом исследования являются тексты новогодних обращений президента Франции Эммануэля Макрона за 2018–2022 гг. В основе исследования лежит метод фреймового моделирования. Выделяется два ключевых фрейма: ценности и антиценности представителей отдельно взятого государства. Структура фрейма «ценности» представлена следующими слотами: семья, здоровье, взаимоуважение, работа, мир во всем мире, гуманизм, экологическая безопасность, образование, личность, права и свободы каждого гражданина, единство европейских народов, братство и единство духа, любовь к Франции, чувство собственного достоинства. Фрейм «антиценности» включает такие слоты, как болезни, одиночество, насилие, несогласие, отрицательные качества французского менталитета (в частности, эгоизм, снобизм, цинизм, алчность, мракобесие, лживость и пессимизм). В ходе исследования устанавливается превалирование ценностей над антиценностями в новогодних обращениях президента, а также возможность их распределения по трем субфреймам: общечеловеческие, европейские и французские ценности/антиценности. Делается вывод о том, что новогодние обращения главы государства отражают национальные ценностные доминанты и особенности менталитета народа этого государства.

Ключевые слова: новогоднее обращение; политический дискурс; фрейм; фреймовое моделирование; ценности; антиценности; французский народ

Для цитирования: Абдуллина Л.Р., Филиппова Л.А. Фреймовое моделирование национальных ценностей и антиценностей в новогодних обращениях Э. Макрона. Казанский лингвистический журнал. 2022;5(3): 389–403. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.389-403>

FRAME MODELING OF NATIONAL VALUES AND ANTI-VALUES IN E. MACRON'S NEW YEAR'S ADDRESSES

L.R. Abdullina, L.A. Filippova

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*Alliance française de Kazan*

¹*lilioven@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0774-9757>*

²*ladafilippova1606@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6753-956X>*

Abstract. This article is devoted to the study of the head of state's New Year addresses' features. New Year address is analysed as a genre of political discourse. The authors pursue the goal of identifying the value constants of the French-speaking areas, which are actualized in the texts of the President's New Year's addresses. The research material is the texts of the French President Emmanuel Macron's New Year addresses in the period of 2018-2022 years. The study is based on the method of frame modeling. There are two key frames: values and disvalues of representatives of a single state. The structure of the "values" frame is represented by the following slots: family, health, mutual respect, work, world peace, humanism, environmental safety, education, personality, rights and freedoms of every citizen, unity of European peoples, brotherhood and unity of spirit, love for France, self-esteem. The "disvalues" frame includes such slots as illness, loneliness, violence, disagreement, negative traits of the French mentality (in particular, selfishness, snobbery, cynicism, greed, obscurantism, deceit and pessimism). The study establishes the prevalence of values over disvalues in the President's New Year addresses, as well as the possibility of their division into three subframes: universal, European and French values/disvalues. It is concluded that the head of state's New Year addresses reflect the national value dominants and the mentality peculiarities of this state's residents.

Keywords: new Year's address; political discourse; frame, frame modeling, values, anti-values, French nation

For citation: Abdullina L.R., Filippova L.A. Frame modeling of national values and anti-values in E. Macron's New Year's addresses. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 389–403. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.389-403>

В последние годы все большее внимание исследователей привлекает новогоднее обращение главы государства как жанр политического дискурса [1; 2; 3; 4]. Особенно актуальным становится вопрос отражения национальной идентичности в дискурсе под влиянием культурно-исторических и социальных факторов. Ученые подчеркивают, что в новогоднем обращении главы государства «сквозь языковую призму очевидны ценностные национально-культурные доминанты, на которые политики не только обращают внимание в своих речах, но и которые рассматриваются ими в качестве нерушимого фундамента как поли-

тической, так и культурной жизни страны» [5, с. 73].

Вышесказанное обусловило цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении национальных ценностей и антиценностей и их лингвистической репрезентации в новогодних обращениях Эммануэля Макрона. Материалом исследования послужили тексты новогодних обращений французского президента Эммануэля Макрона за 2018–2022 гг. Методологической базой исследования стали работы по дискурс-анализу, приёмам контекстуального и лингвоконцептуального анализа текста, методу фреймового моделирования. В основе последнего лежит понятие «фрейм» – «когнитивная модель, в рамках которой вступают в отношения знания и представления об определенной ситуации» [6, с. 5]. Структура фрейма представлена объединенными по тематическому признаку субфреймами и слотами, соотносящимися с их номинативным полем в рамках фрейма. Слоты несут в себе информацию, относящуюся к тому или иному концептуальному объекту, который, в свою очередь, репрезентирует соответствующий фрейм. Количество слотов, составляющих фрейм, неограниченно и зависит напрямую от знаний, накопленных человеком о явлениях и предметах окружающего его мира.

Итак, проведем фреймовое моделирование ценностей и антиценностей французского народа на материале новогодних обращений Э. Макрона. В качестве фреймов мы рассматриваем «ценности» и «антиценности». Каждый из вышеприведенных фреймов можно разделить на три субфрейма, один из которых статический – «общечеловеческие ценности» и, соответственно, «общечеловеческие антиценности», а также два динамических: «европейские ценности»/ «европейские антиценности» и «французские ценности»/«французские антиценности». При этом, если мы будем рассматривать ценности и антиценности в более широком смысле, то последние два динамических субфрейма («европейские ценности»/ «европейские антиценности» и «французские ценности»/«французские антиценности») преобразуются в статические субфреймы

(«групповые ценности»/«групповые антиценности» и «индивидуальные ценности»/«индивидуальные антиценности»).

Рассмотрим подробнее состав фрейма «ценности французского народа», включающего в себя следующие субфреймы:

Субфрейм 1. Общечеловеческие ценности – одинаковые для всех людей, неизменные и постоянные. К ним отнесем следующие слоты:

Слот 1. Семья – одно из самых важных понятий в новогодних обращениях Э. Макрона. Можем привести следующие примеры языкового выражения:

Je vous espère en famille, au milieu de vos proches, de celles et ceux qui vous aiment [7].

Pour la plupart vous êtes réunis en famille ou avec vos proches [9].

Слот 2. Работа. Ее можно отнести как к общечеловеческим ценностям, так и к французским, поскольку, принимая во внимание последние события во Франции, в частности, движение «желтых жилетов», нехватка рабочих мест, работа занимает особое место в жизни французов.

Le travail est au cœur de notre société [7].

Le travail permet à chacun de trouver sa place, de progresser dans la vie, de s'émanciper de son milieu d'origine [7].

Le travail est le cœur de notre projet en commun [8].

On ne peut pas travailler moins, gagner plus [8].

...permettre à travailler mieux...[9].

Слот 3. Здоровье. В сознании большинства людей в мире здоровье выступает как один из элементов формулы счастья. Глава Французской Республики в своих новогодних обращениях к народу также не оставляет эту ценность без внимания, реализуя ее посредством упоминания реформ в сфере здравоохранения, намеченных на будущий год:

...inspirer notre politique de santé...[7].

...améliorer l'organisation de nos hôpitaux, nos cliniques et nos médecins[8].

...que les médecins s'installent où il en manque [8].

...avoir accès à des médecins d'excellence [8].

...une médecine plus humaine centrée sur le patient [9].

Слот 4. Мир во всем мире – цель, преследуемая всеми странами мира, так как без мира урегулирование разногласий и устранения войн, стабильность и процветание той или иной страны представляются невозможными. Президент страны не раз говорит о важности мира во всем мире и об участии Франции в этом процессе:

...gagner la paix à l'international [7].

...une grammaire de la paix et de l'espérance [7].

...les interventions de puissances étrangères étatiques et privées se multiplient [8].

...pour nous protéger contre nos ennemis [8].

Слот 5. Экологическая безопасность – новая ценность современных поколений. В последнее время весь мир все чаще настигают различные природные катаклизмы, резко и стремительно сокращается биоразнообразие, воздух и вода сильно загрязнены, поэтому проблема обеспечения экологической безопасности остро стоит перед всеми странами мира. Таким образом, экологическую безопасность можно выделить как отдельную новую общечеловеческую ценность. В своей речи Э. Макрон не оставляет без внимания данный вопрос, говоря о действиях, предпринятых Францией по решению этой проблемы, и о стратегических планах государства, нацеленных на спасение экологии в мире.

Les luttes contre le réchauffement climatique et pour la biodiversité sont plus nécessaires que jamais...[8].

...un projet de construction d'une écologie industrielle...[7].

...un nouveau projet écologique doit se déployer [8].

...une stratégie sur plusieurs années pour réduire nos émissions de gaz à effet de serre et ainsi lutter contre le réchauffement climatique, mais aussi pour oeuvrer en faveur de la biodiversité [8].

La transition écologique et la protection de la biodiversité...[9].

Слот 6. Гуманизм относится к духовным общечеловеческим ценностям. Данное понятие включает в себя многие другие, такие как сострадание, альтруизм, взаимопомощь, взаимопонимание и др. В новогодних обращениях Э. Макрон призывает граждан быть более гуманными, прислушиваться друг к другу и научиться идти на уступки:

...cette exigence humaniste [7].

Je m'attacherai à ce que notre pays se tienne à cette ligne d'humanité...[7].

...remettre l'homme au coeur de ce projet contemporain [8].

Слот 7. Уважение – духовная общечеловеческая ценность. Взаимоуважение, установленное между гражданами страны и правительством, необходимо для стабильности и благополучия государства. Президент Франции также не оставляет этот пункт без внимания, чему свидетельствуют следующие слова:

Cela passe par le respect...[8].

J'attends de chacun ce respect indispensable à la vie en société [8].

Субфрейм 2. Европейские ценности – групповые ценности, свойственные исключительно западноевропейскому обществу и составляющие основу менталитета и мировоззрения людей, относящихся к нему. Слоты, входящие в состав субфрейма «европейские ценности»:

Слот 1. Европа, единство европейских народов – общеевропейская ценность, подразумевающая под собой все то, что объединяет все народы Западной Европы: ценности, культура, традиции, история и сохранение всего этого богатства. Исходя из речи президента, делаем вывод, что его внешняя политика направлена прежде всего на развитие и поддержание дружеских отношений и сотрудничества со странами Западноевропейского региона:

Je crois très profondément que l'Europe est bonne pour la France, que la France ne peut pas réussir sans une Europe forte [7].

...une Europe plus souveraine, plus unie, plus démocratique [8].

...pour que se construise une Europe souveraine...[9].

Le Royaume-Uni demeure notre notre voisin, mais aussi notre ami et notre allié [10].

...notre destin est d'abord en Europe [10].

Et notre Europe est bien le seul chemin par lequel la France sera plus forte face aux fracas du monde et des grandes puissances [11].

Vive notre Europe, vive la République et vive la France [11].

Слот 2. Личность. Во главе внутренней политики любого европейского государства стоит сам человек, его личностные качества, потребности, а также защита его интересов и прав, его вклад в развитие и процветание государства:

...un imaginaire d'avenir où chacune et chacun doit pouvoir se retrouver [7].

...que chacun se sente pleinement acteur de la vie de la Nation [8].

...le fruit de votre travail...[9].

Chacun a son rôle à jouer, chacun d'entre vous est essentiel...[9].

Слот 3. Права и свободы каждого гражданина – данное понятие тесно связано с предыдущим и соответственно выступает как первостепенная ценность в странах Западной Европы и как второстепенная, если мы говорим о мире в целом. В новогодней речи Э. Макрона права и свободы каждого гражданина занимают одну из центральных позиций, включая в это понятие также равенство всех граждан и утверждение демократии и свободы слова в стране:

l'égalité entre les hommes et les femmes [7].

...le respect de toutes les minorités...[7].

...notre politique sociale aidant les plus démunis...[7]

Cela suppose d'assurer à chacun les droits dans la société et attendre de lui les devoirs qui sont les siens [8].

Nous sommes un État de droit [8].

...un projet de justice...[9].

...l'égalité des chances, et la lutte contre toutes les inégalités et contre les discriminations [10].

Слот 4. Образование – одно из центральных понятий в сознании большинства людей. Здесь можно отметить, что хоть образование и кажется на первый взгляд общечеловеческой ценностью, тем не менее, оно далеко не всегда является первостепенной ценностью для некоторых людей, например, для населения развивающихся стран. Но вместе с тем, оно как правило всегда в приоритете у людей, проживающих в развитых странах, поскольку образование в их понимании – ключ к хорошей работе, личностной самореализации, благополучию, признанию в обществе, счастливой и беспечной жизни. Франции также свойственна данная тенденция: в своей речи Э. Макрон равным образом говорит и об улучшениях в сфере образования, претворение в жизнь которых ожидается в новом году:

...la formation pour les salariés...[7].

l'école doit être le creuset de cette cohésion nationale [7].

...la formation tout au long de la vie [8].

On ne paye pas ou presque la scolarité de nos enfants [8].

...éduquer, instruire, former [...] sont des missions essentielles [9].

Malgré la pandémie, nous n'avons jamais renoncé à poursuivre notre ambition de progrès...[10].

Nous avons formé notre jeunesse [11].

Субфрейм 3. Французские ценности – ценности, характерные лишь для французского народа и лежащие в основе его культуры. Данный субфрейм составляют следующие слоты:

Слот 1. Франция, нация – одна из ключевых французских национальных ценностей в речи президента Республики. В своей новогодней речи Э. Макрон призывает своих граждан к патриотизму, преданности и любви к Родине. Наблюдаем следующие языковые репрезентации данной ценности:

... ilsappartiennent à unegrandeNation [7].

... rendre la France plus forte et plus juste [7].

...vivre notre Renaissance française [8].

Nous vivons dans l'une des plus grandes économies du monde, nos infrastructures sont parmi les meilleures au monde [8].

Je tiens comme vous à ceux qui nous lient, à ceux qui nous unient...[9].

...une Nation forte et indépendante [9].

...ils sont des héros de la Nation [10].

...rien ne peut résister au peuple français [11].

Слот 2. Чувство собственного достоинства. Французы – патриоты своей страны, чтят и очень дорожат своей культурой, традициями, историей и личной свободой как ни один другой народ. Подтверждением тому служат слова главы государства, который призывает свой народ гордиться тем, что они французы, уважать друг друга:

...un vœu de dignité [7].

...ceux qui permettent à notre République d'œuvrer à la plus grande dignité de chacun [8].

...pour défendre la dignité de nos compatriotes en situation de handicap...[11].

Слот 3. Братство и единство духа – этот пункт также можно отнести к одним из исконно французских ценностей, чему свидетельствует даже сам девиз Французской Республики «Свобода, равенство и братство». В новогодних обращениях Э. Макрона тоже царит дух братства:

Je leur adresse une pensée fraternelle [7].

la fraternité, c'est ce qui nous unit [8].

...ceux qui œuvrent à la fraternité quotidienne...[8].

Être un citoyen libre est toujours être un citoyen responsable pour soi et pour autrui [11].

Наряду с ценностями в речи президента замечаем также и антиценности – понятия, имеющие негативную коннотацию в нашем сознании. Итак, во фрейме «антиценности французского народа» можем выделить следующие субфреймы:

Субфрейм 1. Общечеловеческие антиценности, как и общечеловеческие ценности, являются неизменными и постоянными для всех людей на земле, но в

отличие от вторых несут в себе негативную коннотацию. К ним относятся следующие слоты:

Слот 1. Одиночество – понятие, занимающее центральное место в новогодних обращениях президента Франции. Человек – существо биосоциальное и не может жить вне общества. Каждый человек испытывает потребность в общении, поддержке со стороны других людей, помощи в трудную минуту. Именно поэтому Э. Макрон в своей речи не забывает и людей, встречающих этот праздник в полном одиночестве, тем самым пытаясь ободрить и поддержать их:

Je sais aussi que plusieurs d'entre vous ce soir sont seuls...[7].

...leur solitude...[7].

...qui sont seuls [9].

Слот 2. Болезни – антиценность, противопоставляемая ценности «здоровье». Э. Макрон в новогодних обращениях особое внимание уделяет людям с ограниченными возможностями и людям, страдающим от тяжелых болезней, призывая других граждан прийти на помощь и поддержать их в трудную минуту. Президент также делает акцент на том, как государство заботиться о них:

...plusieurs d'entre vous souffrent ou sont malades [7].

Je sais que [...]cette souffrance est plus dure à supporter [7].

...notre politique en faveur de celles et ceux qui vivent en situation de handicap...[8].

...permettre à nos concitoyens en situation de handicap de trouver leur place dans la société [8].

...qui sont malades...[9].

En votre nom, j'ai ce soir une pensée pour les 64000 victimes de ce virus... [4].

Слот 3. Насилие – данное понятие также можно отнести к общечеловеческим антиценностям, так как насилие представляет собой проблему, с которой сталкивается огромное количество людей во всем мире.

Des générations se sont battues pour ne subir ni le despotisme, ni aucune tyrannie [8].

Nous avons vécu des moments d'épreuve [...] les violences qui ont bousculées la vie de notre pays [9].

Субфрейм 2. Европейские антиценности – антиценности, имеющие отрицательное значение преимущественно для граждан Западной Европы. В данном субфрейме выделим всего один слот:

Слот 1. Несогласие – можно назвать скорее европейской антиценностью, нежели чисто французской, поскольку в настоящий момент жители множества европейских стран выражают свое недовольство политикой государства. Это связано в первую очередь с большим количеством проблем, с которыми люди сталкиваются изо дня в день, живя в этих странах (неконтролируемые потоки мигрантов, экономический кризис, недостаток рабочих мест, высокие налоги и стоимость жизни и т.д.). Во-вторых, у граждан ЕС больше возможности высказаться, чем у граждан других стран мира, так как в этих государствах существует более развитая демократия. Примером этой антиценности служат следующие слова Э. Макрона:

Je sais que plusieurs d'entre vous ne partagent pas la politique qui est conduite par le gouvernement aujourd'hui [7].

...les divisions irréconciliables minent notre pays [7].

...nous nous sommes trop longtemps, trop souvent divisés [8].

nous avons vécu de grands déchirements et une colère a éclaté venant de loin [8].

...le débat national face aux colères exprimées par le mouvement des gilets jaunes [9].

Субфрейм 3. Французские антиценности – антиценности, характерные главным образом для французского народа. В данный субфрейм, как и в предыдущий, входит всего один слот:

Слот 1. Отрицательные качества французского менталитета (эгоизм, снобизм, цинизм, алчность, мракобесие, лживость и пессимизм). Глава государства призывает своих граждан измениться в лучшую сторону в новом году:

...l'avidité de quelques-uns [7].

...que s'ils nourrissent les égoïsmes ou les cynismes...[7].

Nous ne céditions rien aux sceptiques...[7].

Nous surmontons ensemble les égoïsmes nationaux, les intérêts particuliers, les obscurantismes [8].

J'entends aussi beaucoup de mensonges et de manipulations...[9].

...je ne céderai rien au pessimisme...[9].

Таким образом, мы наблюдаем, что основу системы ценностей французов составляют преимущественно общечеловеческие ценности: семья, здоровье, взаимоуважение, работа, мир во всем мире, гуманизм и экологическая безопасность. Помимо вышеперечисленных, наблюдаем также и ценности, свойственные в основном жителям Западной Европы (образование, личность, права и свободы каждого гражданина, единство европейских народов), и исконно французские ценности (братство и единство духа, любовь к Франции, чувство собственного достоинства). Как и в случае с ценностями, среди антиценностей преобладают главным образом общечеловеческие (болезни, одиночество, насилие). В субфреймах «европейские и французские антиценности» встречаем по одному слоту: в первом вербализуется несогласие, а во втором – отрицательные качества французского менталитета: эгоизм, снобизм, цинизм, алчность, мракобесие, лживость и пессимизм. Кроме того, отметим, что ценности значительно преобладают над антиценностями в новогодних обращениях Э. Макрона. Данный феномен объясняется тем, что новогоднее поздравление должно вызывать у населения положительные эмоции, мотивировать, вдохновлять на новые свершения, навеивать светлые надежды на будущее, представляя главу государства как гаранта благополучия и процветания государства и закрепляя его авторитет в обществе. Данное исследование свидетельствует о том, что ново-

годнему обращению, равно как и политическому дискурсу, свойственна одноименная характерная черта – манипулятивность и одинаковая цель – борьба за власть.

Анализ материала исследования позволяет заключить, что тематический потенциал новогодних обращений коррелирует с национальной идеологией, апеллирует к базовым ценностям общества, обусловленным социокультурными, политическими и экономическими факторами. Безусловно, новогодние обращения направлены на объединение народа, воспитание духа патриотизма, укрепление веры в правительство и будущее страны, детерминацию образа президента как гаранта национальной безопасности и укрепления авторитета государства на мировой арене.

Список литературы

1. Абрамова Е.К. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: сравнительный анализ. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021;4(37): 191–196.
2. Хасанов Т.Д. Своеобразие типов повтора в текстах новогоднего обращения глав государств Франции и Камеруна. *Гуманитарные исследования*. 2020;2(74):30–36.
3. Miheeva I.V. New year's address by the head of state to the nation in the strategic aspect (based on the new year's addresses by French presidents). *Russian Linguistic Bulletin*. 2020; 4(24):18–23.
4. Зайцева Е.Л., Гурьянова Т.Ю. Репрезентация политического дискурса в новогоднем обращении президента. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2019;4(104):53–59.
5. Ленец А.В., Овсиенко Т.В., Эксюзян А.С. Дискурсивное конструирование национальной идентичности в немецкоязычном новогоднем обращении. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021;1:73–83.
6. Абдуллина Л.Р., Брисар Микаэль Ж.М. Фреймовое моделирование образа России во французском медиадискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2019;2(2):5–20.
7. Новогоднее обращение Эммануэля Макрона 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g4QmlNDyA4s&t=915s> [дата обращения: 05.10.2021].
8. Новогоднее обращение Эммануэля Макрона 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iIS9JatcYeU&t=724s> [дата обращения: 16.10.2021].
9. Новогоднее обращение Эммануэля Макрона 2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tdBXgk-tO2w> [дата обращения: 02.10.2021].
10. Новогоднее обращение Эммануэля Макрона 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1orF2msKh7s&t=5s> [дата обращения: 13.11.2021].
11. Новогоднее обращение Эммануэля Макрона 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P1jean1ihKA> [дата обращения: 10.01.2022].

References

1. Abramova E.K. Emmanul Macron's new year speeches: comparative analysis. *Baltic humanitarianjournal*. 2021;4(37):191–196. (InRuss.)
2. Khasanov T.D. Peculiarities of repetitions in the texts of the new year address of the French and Cameroonian presidents. *Humanitarian Researches*. 2020;2(74):30–36. (InRuss.)
3. Miheeva I.V. New year's address by the head of state to the nation in the strategic aspect (based on the new year's addresses by French presidents). *Russian Linguistic Bulletin*. 2020; 4(24):18–23.
4. Zaytseva E.L., Guryanova T.Y. Representation of political discourse in the new year speech of the president. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2019;4(104):53–59. (In Russ.)
5. Lenets A.V., Ovsienko T.V., Eksuzian A.S. Discursive construction of national identity in the german language new year's address. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021; 1:73–83. (InRuss.)
6. Abdullina L.R., Brisart Michael J.M. Frame modeling of the image of Russia in French media discourse. *Kazan linguistic journal*.2019;2(2):5–20. (In Russ.)
7. Emmanul Macron's new year address 2018. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=g4QmlNDyA4s&t=915s> [accessed: 05.10.2021]. (In French)
8. Emmanul Macron's new year address 2019. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=iIS9JatcYeU&t=724s> [accessed: 16.10.2021]. (In French)
9. Emmanul Macron's new year address 2020. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=tdBXgk-tO2w> [accessed: 02.10.2021]. (InFrench)
10. Emmanul Macron's new year address 2021. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=1orF2msKh7s&t=5s> [accessed: 13.11.2021]. (In French)
11. Emmanul Macron's new year address 2022. URL: <https://www/youtube.com/watch?v=P1jean1ihKA> [accessed: 10.01.2022]. (In French)

Авторы публикации

Абдуллина Лилия Рафаиловна –
 Кандидат филологических наук, доцент
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 Казань, Россия
 E-mail: lilioven@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0774-9757>

Филиппова Лада Александровна –
 Преподаватель
 Альянс Франсез-Казань
 Казань, Россия
 E-mail: ladafilippova1606@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6753-956X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Authors of the publication

Abdullina Liliya Rafailovna–
 Candidate of Philology, Associate professor,
 Kazan (Volga region) Federal University
 Kazan, Russia
 E-mail: lilioven@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0774-9757>

Filippova Lada Alexandrovna–
 Teacher
 Alliance française de Kazan
 Kazan, Russia
 E-mail: ladafilippova1606@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6753-956X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Поступила в редакцию: 17.08.2022

Одобрена после рецензирования: 1.09.2022

Принята к публикации: 10.09.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Submitted: 17.08.2022

Approved after peer reviewing: 1.09.2022

Accepted for publication: 10.09.2022

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ,
АЗИИ, АФРИКИ
LINGUISTICS. LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES PEOPLES
OF EUROPE, ASIA, AFRICA**

Научная статья

Филологические науки

УДК 811.131.1

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.404-412>

**НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)**

Д.Р. Сабирова¹, А.Ю. Середина²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹*Diana.Sabirova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>*

²*sasha3163@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9941-1488>*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются морфологические и синтаксические неологизмы современного итальянского языка. Базой исследования стали новообразования, встречающиеся в таких социальных сетях, как Facebook, Twitter, Instagram. Лексический состав является наиболее изменчивой системой языка. Любое новое понятие, порожденное деятельностью человека в различных сферах, непременно приобретает обозначение в языке. Таким образом, в языке появляются неологизмы, которые очевидным образом влияют на тенденции развития общества. Неологизмы – это не только языковые единицы, порождаемые внутренними средствами языка, но также и заимствования из других языков. Социальные сети, безусловно, являются мощным инструментом пополнения лексического состава языка и все больше привлекают внимание лингвистов и лексикографов. В работе были проанализированы основные способы образования неологизмов в сфере социальных сетей в итальянском языке. Актуальность проведенного исследования обуславливается тем фактом, что в итальянском языке в настоящее время наблюдается бурный процесс лексических новообразований, которые требуют лингвистического анализа.

Ключевые слова: неологизмы, заимствования, итальянский язык, социальные сети, Интернет

Для цитирования: Сабирова Д.Р., Середина А.Ю. Неологизмы в современном итальянском языке (на материале социальных сетей). *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 404–412. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.404-412>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.404-412>

**NEOLOGISMS IN THE MODERN ITALIAN LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF SOCIAL NETWORKS)**

D.R. Sabirova¹, A.Yu. Seredina²

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹*Diana.Sabirova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>*

²*sasha3163@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9941-1488>*

Abstract. The article deals with morphological and syntactic neologisms in the modern Italian language. The basis of the study is the neologisms of the Italian language found in such social networks as Facebook, Twitter, Instagram. Lexical composition is the most variable system of the language. All modern realities are reflected in the vocabulary of the language, which is sensitive to any changes in a particular area of life. Any new concept generated by human activity in various spheres will certainly acquire a designation in the language. Thus, neologisms appear in the language, which obviously affects the trends in the development of society. Neologisms are not only

linguistic units generated by the internal means of the language, but also borrowings carried out from other languages. Social networks, of course, are a powerful tool for replenishing the lexical composition of the language and are increasingly attracting the attention of linguists and lexicographers. We have analyzed the main ways of forming neologisms in the field of social networks in the Italian language. Nowadays neologisms are a very active process of updating the vocabulary of the Italian language, which determines the relevance of our research.

Keywords: neologisms; borrowings; Italian; social networks; Internet

For citation: Sabirova D.R., Seredina A.Yu. Neologisms in the Modern Italian Language (on the Material of Social Networks). *Kazan linguistic journal*. 2022;5(3): 404–412. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.404-412>

Язык находится в постоянном движении, он развивается и не стоит на месте. Ни для кого не секрет, что язык является отражением жизни общества, в котором на нем говорят. В эпоху технологий, Интернета и социальных сетей люди различных культур имеют возможность контактировать, обмениваться знаниями, идеями. Частью каждого языка, на которой социальные изменения накладывают наиболее заметный отпечаток, является лексика, в частности, обогащение лексики новыми словами в форме неологизмов или новообразований (гр. *néos* – «новый» и *lógos* – «слово, выражение»).

Согласно Ю.Н. Караулову, неологизмы – это «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (например, *приватизация, черный ящик, луноход*) является свойством относительным и историчным» [1]. В развитых языках число неологизмов, зафиксированных в газетах, журналах и социальных сетях в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это объясняется социальной потребностью называть все новое и понимать его, внутриязыковыми факторами-тенденциями к экономии языковых ресурсов, системой языковых средств, вариативностью номинаций с различными внутренними формами, этимологией, задачами экспрессивно-эмоциональной и стилистической выразительности.

Итальянским лингвисты Адамо и Делла Валле определяют неологизм как «новое слово или выражение, придуманное в соответствии с правилами образо-

вания лексической системы языка, но еще не вошедшее в обиход, поэтому не зарегистрированное в словарях» [2].

В Италии не существует органа, ответственного за выборку неологизмов. Слово может быть включено в словарь, если используется большим количеством людей в течение продолжительного периода времени и используется в различных контекстах. Именно поэтому многие жаргонизмы социальных сетей или слова, циркулирующие благодаря социальным сетям, не включают в словари: их распространение слишком ограничено, чтобы «заслуживать» регистрации в словарных статьях [3].

Кроме того, сама природа неологизма требует постоянного наблюдения за источниками новых слов и выражений, а результаты должны обновляться практически ежедневно. Что касается итальянского языка, важными учреждениями, занимающимися неологией, являются Accademia de la Crusca и Istituto Treccani, а наиболее значимым проектом является Неологическая обсерватория итальянского языка Национального исследовательского совета (CNR) – база данных, которая изучает пласт неологизмов, появившихся в основных итальянских периодических изданиях на национальном уровне, а также многих местных и региональных изданиях [4, 5, 6].

Целью настоящего исследования является изучение неологизмов в современном итальянском языке и пути пополнения итальянской лексики на материале социальных сетей.

Эмпирической базой исследования стали современные неологизмы на материале таких социальных сетей, как Facebook, Twitter, Instagram. Нами были выявлены и проанализированы основные способы образования неологизмов в сфере социальных сетей в итальянском языке.

Итальянские лингвисты Маурицио Трифоне и Пьетро Дардано выделяют следующие две группы неологизмов итальянского языка:

- 1) морфологические неологизмы (возникают из сочетания элементов языка).

Примером морфологического неологизма является глагол *lottizare* (lotto +

суффикс *-izzare*). Самыми распространенными методами образования неологизмов являются префиксация и суффиксация. Как правило, такие неологизмы образованы от существующих в итальянском языке существительных. Также в итальянском языке присутствует множество заимствований (например, англицизмов). Данные лексические единицы могут оставаться в первоначальном виде (например, *leader*, *bar* или *film*), или их можно пропустить через фонологию и морфологию итальянского языка (например, *treno* и *bistecca* на итальянском языке образованы от английских слов *train* и *beafsteak*). Иногда используются два варианта слова – адаптированные и оригинальные, например, *roastbeef* и *rostbif*, или *paletot* и *palto*.

- 2) семантические неологизмы рождаются путем изменения значения уже существовавшего слова: форма остается идентичной, меняется только значение лексической единицы. Возьмем в качестве примера глагол *orchestare*: это глагол музыкального языка, который значит «писать партии для разных инструментов, которые составляют оркестр». Затем глагол приобрел иное значение: *orchesta reuna campagna elettorale*, *un'azione politica*, в этих случаях глагол *orchestare* значит «организовывать» [7].

Суффиксация является одним из самых продуктивных способов пополнения словообразовательной системы в современном итальянском языке. К суффиксам, активно участвующим в процессе образования новых слов, относятся такой глагольный суффикс, как – *are*. Следует отметить, что большинство лексических единиц, образованных с помощью данного суффикса, также являются заимствованием из английского языка. Многие из таких слов происходят от названий социальных сетей или других интернет сервисов. Рассмотрим несколько примеров.

Whatsappare – одно из многих слов, которые, особенно в последнее десятилетие, сформировались из коммерческих названий компаний или компьютер-

ного программного обеспечения и добавляются к другим, уже зафиксированным в итальянском языке и принятым в самых последних изданиях словарей, таких как *googlare* (ZINGARELLI 2009), *photoshoppare* (Devoto-Oli 2012) и *twitterare* (ZINGARELLI 2014) [8]. Все упомянутые являются случаями адаптации к итальянской морфологии, для которых название товарного знака английского происхождения непосредственно присоединено к окончанию первого спряжения итальянского глагола на *-are*, то есть класс, который включает почти все новоиспеченные глаголы. Такие синтетические формы используются в качестве альтернативы сложным выражениям, таким как “*mandare un messaggio su WhatsApp*” (отправить сообщение в WhatsApp). К подобным словам отнесем также *instagrammare* (от Instagram), *tumblrare* (от Tumblr), *pinnare* (от Pinterest), *skypare* (от Skype), *Facebookare* (от Facebook).

В последнее время в итальянском языке наблюдается все большее количество подобных лексических единиц. Например, *chattare* – чатиться, *laggare* – опаздывать, задерживаться (от англ. *to lag*), *screenshottare* – заскринить, заскриншотить (сделать снимок экрана гаджета), *bannare* – банить, запрещать (от англ. *to ban*), *selfare* – делать селфи (от англ. *selfie*), *lollare* – сильно смеяться (от англ. *LOL – Lots Of Laughing*), *stalkerare* – заниматься сталкингом, постоянно преследовать (от англ. *to stalk*), *skippare* – пропускать, перелистывать, напр., страницу – (от англ. *to skip*), *bullizzare* – заниматься буллингом, травлей (от англ. *to bull*), *shazammare* – «зашазамить», определить музыкальный трек при помощи приложения Shazam, *spoilerare* – спойлерить, преждевременно раскрывать сюжет фильма или книги (от англ. *spoiler*), *friendzonnare* – пускать кого-то во френдзону, быть только друзьями (от англ. *friendzone*).

Стоит также упомянуть суффиксы существительных *-ismo*, *-ista*, *-ione*, которые являются богатым источником образования современных неологизмов итальянского языка и часто встречаются в социальных сетях, в том числе для лексики, заимствованной из английского языка. Например, *geolocalizzazione* – определение геолокации (от англ. *geolocation*), *bullismo* (от англ. *bull* травля),

noismo (от англ. no) – тенденция говорить всему «нет», не принимать, отрицать, *fashionista* (от англ. fashion) – тот, кто интересуется модой или работает в мире моды.

К слову о заимствованиях из английского языка стоит отметить, что огромный пласт лексики переходит в итальянский язык в неизменном виде. Например, *fakenews*, *chat*, *selfie*, *hashtag* (вездесущий хэштэг, созданный Twitter, а затем ставший широко используемым не только в других социальных сетях, таких как Facebook, но также в устной и письменной речи за пределами Интернета в ироническом употреблении и в неформальных регистрах); *emoji*: данный термин настолько широко вошел в повседневный язык, что был избран словом года в 2015 году издательством Oxford University Press; *gif*: аббревиатура от *Graphics Interchange Format* – анимированные цифровые изображения, которые все чаще используются в социальных сетях; *community*: виртуальное сообщество, группа людей, объединенных общим интересом, которые обмениваются информацией с помощью телематических средств связи и встречаются в цифровой среде; *marketplace*: реальное или метафорическое место, где происходит коммерческий обмен, сравнимый с реальными онлайн-супермаркетами. Торговые площадки используются для обозначения посреднических веб-сайтов для продажи товаров или услуг: онлайн-рынок, на котором группируются товары разных продавцов или веб-сайтов; *tiktoker*: пользователи, использующие TikTok, современные социальные сети, снимающие короткие видеоролики (от 15 до 60 секунд) с имитацией хореографии, интерпретацией сцен из фильмов, оригинальным или поучительным содержанием, которые выделяются своей креативностью; *scroll*, *scrolling*: действие, которое позволяет вам перемещать документ, который вы используете, по вертикали или горизонтали, чтобы сделать видимыми те части, которые в противном случае остались бы за пределами экрана монитора (от англ. To scroll); *stories: Instagram Stories*: тексты, фотографии и короткие видеоролики (продолжительностью до 15 секунд), которые можно вставить в свой профиль в Instagram в специальном разделе, где они

остаются видимыми в течение 24 часов; *influencer*: человек, который живет в центре внимания и своим выбором направляет вкусы потребителя, помогая развивать идентичность своего бренда; *followers*: они являются основной целью *influencer*, *blogger*, которые управляют социальными страницами бренда, большое количество «фолловеров» позволяет зарабатывать блоггерам и инфлюенсерам на рекламе; *post*: текст с ограниченным количеством символов, сопровождается видео и изображениями на Facebook; *E-commerce*: онлайн-торговля, которая может осуществляться с платформы Facebook или бизнес-страницы, построена интеллектуальным образом с использованием статистических данных о лайках *like*.

Среди семантических неологизмов, т.е. появившихся путем изменения значения уже существующего слова, ярким примером являются такие слова, как *virale* – прилагательное (состоящее из *virus* с прилагательным суффиксом *-ale*) долгое время было широко распространено в области медицины в значении «относящийся к вирусу», «вызванный вирусом». На основании того факта, что вирусные заболевания очень заразны, слово *virale* приобрело новое значение слова: «имеет тенденцию к широкому распространению», «распространено в сети миллионами пользователей». Также в 2019 году словарь добавил новое значение слова *amicizia* 'дружба': отношения, которые устанавливаются между двумя пользователями Facebook, когда они выражают взаимное согласие на обмен контентом в своем профиле.

На основе проведенного нами исследования неологизмов, используемых в социальных сетях, мы можем сделать вывод о том, что в современном итальянском языке образование неологизмов является весьма активным процессом пополнения лексического запаса языка. Слова появляются не только с помощью морфологических изменений уже имеющихся слов, но также путем заимствований из других языков, большей частью из английского языка. Некоторые из этих слов уже включены в словарь или скоро войдут в него; другие, напротив, будут иметь короткую жизнь и исчезнут, не будучи записанными в сло-

варь. Они останутся так называемыми гапаксами, окказионализмами с такой мимолетной жизнью, что не привлекут внимания лексикографов. Использование технологий сильно повлияло на итальянский язык, лексика социальных сетей стала современным способом общения: с некоторых пор наряду с письменной и устной речью существует также “цифровой” язык. Такое явление объясняется тем, что язык – это сложная динамическая система, которая постоянно развивается вместе с обществом и отражает все перемены, затрагивающие любую сферу жизнедеятельности человека.

Список литературы

1. *Русский язык: энциклопедия* / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа; 1997. 703 с.
2. Adamo Giovanni e Valeria Della Valle. “Il librodell’anno 2012“. *Enciclopedia Treccani*. Istituto Treccani; 2012. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/dizionario-del-2012_%28Il-Libro-dell%27Anno%29/ [дата обращения 01.08.2022].
3. Vera Gheno. URL: <https://dizionario.zanichelli.it/cultura-e-attualita/> [дата обращения 08.08.2022].
4. Osservatorio Neologico della lingua Italiana. URL: <https://www.iliesi.cnr.it/ONLI/intro.php> [дата обращения 08.08.2022].
5. Accademia della Crusca. URL: Parole Nuove - Accademia della Crusca [дата обращения 02.08.2022].
6. L’Istituto Treccani. URL: <https://www.treccani.it/istituto/> [дата обращения 05.08.2022].
7. Maurizio Dardano, Pietro Trifone. *Grammatica Italiana*. Bologna, Zanichelli; 1995. с. 587-637.
8. DizionarioZanichelli. URL: <https://www.zanichelli.it/ricerca/prodotti/vocabolario-della-lingua-italiana>.

References

1. *Russian language: encyclopedia* / h. ed. Yu.N. Karaulov. 2nd ed., revised. M.: Bolshaya Russian encicl.: Drofa; 1997. 703 p. (In Russ.)
2. Adamo Giovanni e Valeria Della Valle. “Il librodell’anno 2012“. *Enciclopedia Treccani*. Istituto Treccani; 2012. Available from: http://www.treccani.it/enciclopedia/dizionario-del-2012_%28Il-Libro-dell%27Anno%29/ [accessed 01.08.2022].
3. Vera Gheno. Available from: <https://dizionario.zanichelli.it/cultura-e-attualita/> [accessed 08.08.2022].
4. Osservatorio Neologico della lingua Italiana. Available from: <https://www.iliesi.cnr.it/ONLI/intro.php> [accessed 08.08.2022].
5. Accademia della Crusca. Available from: Parole Nuove - Accademia della Crusca [accessed 02.08.2022].
6. L’Istituto Treccani. Available from: <https://www.treccani.it/istituto/> [accessed 05.08.2022].
7. Maurizio Dardano, Pietro Trifone. *Grammatica Italiana*. Bologna, Zanichelli; 1995. с. 587-637.
8. DizionarioZanichelli. Available from: <https://www.zanichelli.it/ricerca/prodotti/vocabolario-della-lingua-italiana>.

Авторы публикации

Сабирова Диана Рустамовна –
доктор педагогических наук, доцент
декан Высшей школы иностранных языков и пе-
ревода
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: Diana.Sabirova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Середина Александра Юрьевна –
преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: sasha3163@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9941-1488>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4.08.2022
Одобрена после рецензирования: 2.09.2022
Принята к публикации: 5.09.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благо-
дарит анонимного рецензента (рецензентов)
за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Sabirova Diana Rustamovna –
Doctor of Pedagogics, Associate Professor
Head of the Higher School of Foreign Languages
and Translation Studies
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: Diana.Sabirova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Seredina Aleksandra Yuryevna –
Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: sasha3163@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9941-1488>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Article info

Submitted: 4.08.2022
Approved after peer reviewing: 2.09.2022
Accepted for publication: 5.09.2022

The author has read and approved the final
manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anony-
mous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ PEDAGOGICAL SCIENCES. PEDAGOGICAL SCIENCES. THEORY AND METHODOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Научная статья

Педагогические науки

УДК 378

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.413-428>

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.И. Ирисметов¹, У.А. Казакова²

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

¹*alisher240381@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1406-6505>*

²*kazaova-ulyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1999-8064>*

Аннотация. Актуальность представленного исследования обусловлена переходом рыночной экономики в цифровой формат, что детерминировало инновационную модернизацию промышленных предприятий нефтегазового комплекса, повлекло смену комплекса требований к профессиональной квалификации специалистов. Цель статьи заключается в определении и рассмотрении эффективности применения интерактивных технологий в процессе обучения слушателей по программам повышения квалификации технического профиля. Авторами проанализирован отечественный и зарубежный опыт коллег по применению инновационных методов обучения; на основе собственного практического опыта установлены условия оптимизации образовательного процесса за счёт применения тренажёрных комплексов; изучены полученные результаты. В качестве приоритетных направлений в области развития цифровых технологий промышленной безопасности на объектах нефтегазового комплекса определены следующие задачи: обучение сотрудников (интерактивное обучение посредством VR), автоматизация производственных процессов, видеонаблюдение и видеоаналитика, биометрия, распознавание, мониторинг перемещений и позиционирование, искусственный интеллект, интегрированные решения, компьютерные тренажеры, информационное моделирование, периферийные вычисления и др. На основе проделанной работы установлены несомненные преимущества применения тренажёрных комплексов в процессе подготовки сотрудников объектов нефтегазового комплекса: высокая степень вовлеченности обучающихся; «эффект присутствия» в идентичной проблемной ситуации; интерактивный характер; максимальное погружение в проблемную ситуацию; изолированность пользователя от внешних раздражителей; возможность со стороны педагога-тренера контролировать и координировать действия обучающегося.

Ключевые слова: инженер; нефтегазовый комплекс; информационное моделирование; тренажёрные комплексы

Для цитирования: Ирисметов А.И., Казакова У.А. Особенности обучения специалистов предприятий нефтегазового комплекса на основе цифровых технологий. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3): 413–428. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.413-428>

PECULIARITIES OF TRAINING SPECIALISTS OF OIL AND GAS COMPLEX ENTERPRISES ON THE BASIS OF DIGITAL TECHNOLOGIES

A.I. Irismetov¹, U.A. Kazakova²

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

¹*alisher240381@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1406-6505>*

²*kazaova-ulyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1999-8064>*

Abstract. The relevance of the presented research is due to the transition of the market economy to a digital format, which determined the innovative modernization of industrial enterprises in the oil and gas complex, led to a change in the set of requirements for the professional qualifications of specialists. The purpose of the article is to determine and consider the effectiveness of the use of interactive technologies in the process of training students in advanced training programs for a technical profile. The authors have analyzed the domestic and foreign experience of colleagues in the application of innovative teaching methods; based on their own practical experience, the conditions for optimizing the educational process through the use of training complexes have been established; the obtained results are studied. The following are identified as priority areas in the development of digital industrial security technologies at oil and gas facilities: employee training (interactive training through VR), automation of production processes, video surveillance and video analytics, biometrics, recognition, movement monitoring and positioning, artificial intelligence, integrated solutions, computer simulators, information modeling, peripheral computing, etc. On the basis of the work done, the undoubted advantages of using training complexes in the process of training employees of oil and gas facilities have been established: a high degree of student involvement; «presence effect» in an identical problem situation; interactive nature; maximum immersion in a problem situation; isolation of the user from external stimuli; the ability of the teacher-trainer to control and coordinate the actions of the student.

Keywords: engineer; oil and gas complex; information modeling; training complexes

For citation: Irismetov A.I., Kazakova U.A. Peculiarities of Training Specialists Oil and Gas Complex Enterprises on the Basis of Digital Technologies. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 413–428. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.413-428>

В актуальных социально-экономических условиях в нашей стране никакой вид промышленного производства не может быть конкурентоспособным без применения цифровых решений. Профессиональная подготовка высококвалифицированных специалистов является одной из приоритетных целей системы высшего образования в целом и каждого вуза в частности, одним из показателей успешности высшего учебного заведения и качества предоставляемого образования.

Необходимо учитывать, что переход на цифровой формат экономики приоритетным фактором для обеспечения конкурентоспособности той или

иной отрасли промышленного предприятия выступает обеспечение высокого профессионального уровня кадровых резервов. Новейшие технологии, активно внедряющиеся во сферы производственного сектора, требуют появления специалистов с инновационным видением решения общих проблем и частных задач, способных и готовых принимать нестандартные решения и нести за них ответственность, обладающих профессиональным опытом, способных конструктивно реализовывать производственные процессы, обладающих инициативой и стремлением развивать промышленную отрасль, что крайне важно не только на сегодня, но для обеспечения будущей стабильности в обществе. Актуальным представляется проблема востребованности специалистов нового типа, настроенных и готовых к разработке новой стратегии развития промышленного сектора: модернизация системы управления, современные источники инвестирования, создание новых отраслей промышленности.

Г.И. Шмаль отмечает, что «при ориентации на модернизацию без науки – фундаментальной, отраслевой, вузовской, смежной – двигаться вперед бессмысленно. Как говорил наш великий соотечественник Д.И. Менделеев: «Без светоча науки и с нефтью будут потемки».

Сегодня у всех на языке термин – цифровая экономика. Определенные подвижки есть и в нашем комплексе. Появляются интеллектуальные скважины, есть проекты интеллектуальных месторождений. Однако надо иметь в виду, что «цифра» сама не будет бурить скважину, не будет строить трубопровод и т.д. Цифровая информация может помочь сделать более оптимальным процесс бурения скважины, в том числе состав бурового раствора, поможет составить более реальную гидродинамическую модель разработки месторождения. Но «черный ящик» может выдать только то, что в него вложили. Отсюда появляются совершенно иные требования к кадрам. Они должны иметь достаточную квалификацию, компетентность, уметь пользоваться тем инструментарием, который позволяет использовать потенциал информационных технологий» [1, с.15].

Необходимо учитывать, что темпы развития производственной сферы, внедрение инновационных технологий, меняющиеся требования со стороны общества и государства необратимо ведут к изменениям, расширениям, модернизации квалификационных требований к профессиональным знаниям, умениям, навыкам и личностным качествам работников промышленных предприятий. Для формирования у специалистов мотивации к повышению своего профессионального уровня, расширению интересов, стремления к карьерному росту, к интеграции в международное образовательное и промышленное пространство, особой системы ценностей и ценностных ориентаций, личностных установок на всестороннее и непрерывное саморазвитие, ориентации на здоровый образ жизни необходимо приобщать сотрудников предприятий к научно-исследовательским проектам, участию во всероссийских и международных конференциях, обучению по программам дополнительного профессионального образования (профессиональной переподготовки и повышения квалификации). Подобные возможности предоставляют высшие учебные заведения научно-исследовательского типа [2, 3].

На базе ФГБОУ ВО «Казанский национальный технологический университет» в институте дополнительного профессионального образования реализуются программы повышения квалификации «Промышленная безопасность на ОПО» и «Безопасность технологических процессов и производств», направленных на совершенствование профессиональных знаний, а также практических навыков проведения анализа мероприятий по управлению профессиональными рисками, экспертизе состояния условия труда, оформлению и внедрению результатов оценки профессиональных рисков в нефтяной и газовой промышленности. Современные цифровые информационные технологии, применяемые в области управления производственными рисками для анализа состояния условий безопасности производства нефтегазовых обществ, являются неременным атрибутом указанных курсов. Изучаются применяемые в обществе методы оценки рисков и адекватные компенсационные мероприятия. Специальная

часть программы направлена на приобретение практических навыков применения нормативных требований к принятию управленческих решений на снижение вероятности и тяжести ущерба от неблагоприятных производственных факторов и аварий.

Учитывая, что работа промышленных предприятий связана с значительным количеством определенных рисков – аварийные ситуации, провоцирующие экономические потери, экологические проблемы и даже человеческие потери – то, представляется очевидным возрастающий спрос на высококвалифицированных сотрудников, владеющих специальным набором навыков по профилактике инцидентов, принятию превентивных мер, а также устранение негативных последствий.

В данный момент на государственном уровне действует Федеральная Программа, утвержденная Правительством Российской Федерации «Цифровая экономика Российской Федерации 2024» [4], предназначенная на разработку условий и обеспечения эффективного функционирования высокотехнологичных организаций (компания-лидеры); профессиональное обучение работников для цифровой среды в нефтегазовых комплексах отечественной экономики.

Ключевые направления цифровой трансформации в сфере промышленной безопасности на объектах нефтегазового комплекса: обучение сотрудников (интерактивное обучение посредством VR), автоматизация производственных процессов, видеонаблюдение и видеоаналитика, биометрия, распознавание, мониторинг перемещений и позиционирование, искусственный интеллект, интегрированные решения, компьютерные тренажеры, информационное моделирование, периферийные вычисления и др.

В современных исследованиях авторы указывают, что «под цифровизацией компании нефтегазового комплекса следует понимать применение новых высоких технологий в рамках уже существующих бизнес-процессов без изменений их принципов и структуры» [5, с.30]. Необходимо добавить, что процесс цифровизации нефтяных компаний предполагает интеграцию инновационных

технологий в уже разворачивающиеся бизнес-процессы радикальной трансформации их принципов и структуры.

Сегодня цифровые технологии позволяют инженерам предприятий проектировать и моделировать полиструктурные и многоуровневые технологические комплексы с целью разрешения профессиональной подготовки и повышения квалификации работников различных сфер промышленного производства.

С этой целью в международном образовательном пространстве применяются различные виды компьютерных тренажёров, среди которых следует выделить автоматизированные системы обучения (АСО), предназначенные для профессионального обучения персонала предприятий нефтяного сектора производства. Например, в Соединённых Штатах Америки определяет обязательный порядок прохождения обучения всеми операторами по программе профессиональной подготовки с задействованием тренажёрных комплексов нефтепромышленного назначения не реже одного раза в три года, не только для поддержания и совершенствования имеющихся операционных навыков, но и для освоения новых. Так, Американский институт нефти (American Petroleum Institute – API) практикует в своей образовательной деятельности компьютерные тренажёры для верификации профессионализма и уровня сформированности конкретных (выборочных) навыков сотрудников предприятий минимум раз в год. В качестве положительного опыта, по нашему мнению, следует отметить, что внутрефирменный регламент мировых предприятий нефтегазового профиля обязывает сотрудников после некоторого временного отрыва от производства (отпуск, пребывание на больничном или отсутствие по иным уважительным причинам) пройти адаптационный курс по восстановлению практических профессиональных навыков.

Рассматривая нефтегазовую отрасль, необходимо учитывать задействованные природные ресурсы (нефть и газ) находятся под государственной директивой и тесно связаны с повседневной жизнедеятельностью всего населения страны. По данной причине на все этапы отраслевой цепи применимы условия

и требования по повышению эффективности производства при снижении ресурсных затрат, соблюдения правил безопасности труда, требований по эксплуатации оборудования, при результативном администрировании и поддержания высокой конкурентоспособности.

В указанном направлении эффективным представляется применение «BIM-технологий», которые рассматриваются в современной науке как «информационная модель объекта (BIM, Building Information Model, или Building Information Modeling) – это согласованная, взаимосвязанная и скоординированная числовая информация о проектируемом или уже существующем объекте строительства, имеющая геометрическую привязку и поддающаяся расчетам и анализу. На базе этой модели организована работа всех участников строительного и эксплуатационного процесса (заказчик, проектировщик, подрядчик, эксплуатирующая организация и т. д.)» [6, с. 99]. Большей частью данный вид технологий применяется в строительстве при создании цифрового проекта как самого объекта, так и процесса его создания. Разработчики получают возможности в виртуальном формате не только спроектировать целостный образ объекта, но выбрать по предназначению отдельные его компоненты, менять и модифицировать их, рассчитать их ресурсный потенциал, состыковать и синтезировать созданные различными специалистами элементы, определить их функциональные возможности, качества эксплуатации, избежать внутренних коллизий.

Приоритетным качеством BIM-технологии выступает её способность к экономии затрат на производство по причине высокой скорости и оптимальности достижения желаемого результата в процессе проектирования. Базисным термином контента «BIM-технология» выступает понятие «задача применения информационного моделирования», которое рассматривается как «метод применения информационного моделирования на различных стадиях жизненного цикла объекта для достижения одной или нескольких целей инвестиционно-строительного проекта, например, таких как:

- оптимизация стоимости жизненного цикла объекта;
- соблюдение/сокращение сроков и бюджета;
- повышение качества проектных решений;
- оптимизация стоимости строительства;
- эффективное/оперативное управление проектами;
- обеспечение бесперебойной и надежной работы оборудования;
- сокращение простоев оборудования и внеплановых работ;
- сбор и поддержание в актуальном состоянии информации об оборудовании;
- обеспечение конкурентоспособности.

Концепция предназначена для оказания содействия всем участникам проекта при определении задач, которые целесообразно решать с применением инструментов информационного моделирования» [5, с. 28].

ВМ-технология используется в системе обучения работников различным навыкам в области информационного моделирования. Все чаще применяются новые комплексные системы трехмерного проектирования технологических объектов в промышленной безопасности нефтегазовой отрасли. Основные комплексные системы 3D моделирования:

- PDMS AVEVA – комплексная система трехмерного проектирования, предназначенная для проектирования технологических объектов химической, нефтехимической и газовой отраслей;
- Autodesk Revit – комплексная система 3D моделирования для проектирования промышленных, общественных и жилых зданий и сооружений;
- Autodesk Civil 3D – система 3D-моделирования для топо-геодезических работ, генплана;
- Oracle Primavera – разработка календарно-сетевых графиков с привязкой работ к 3D-модели объекта [7].

Следующая цифровая технология в промышленной безопасности это – периферийные вычисления и видеоаналитика. Принято считать, что перифе-

рийные вычисления – это особый принцип построения поступенчатой ИТ-инфраструктуры, в которой концентрация и анализ данных производится не в централизованной вычислительной среде, а генерируемом потоке данных, в котором вычислительные ресурсы перемещаются от ядра к периферии [7].

Современным организациям уже недостаточно видеть, что происходит в помещении: важно мгновенное реагирование на возникающие изменения. Происходит переход от парадигмы видеонаблюдения к парадигме персонализированной видеоаналитики. Рынок цифровых технологий обеспечивающий внедрение видеоаналитики ежегодно растет на 32% [8].

По данным «Frost&Sullivan», на современном этапе маркет периферийных вычислений с множественным доступом (Multi-Access Edge Computing, MEC) пребывает в стадии проектирования и первичной апробации. Тем не менее, по мнению аналитиков, к 2023 году примерно 90% производственных предприятий будут активно задействовать данную систему вычислений, что неизбежно приведет к расширению рынка с темпом 157,4% в год, в том числе за счет синергетического эффекта на базе технологии 5G. Следовательно, перспектива развития остается за интегративным взаимодействием «периферии» и «облака», что позволит предприятиям быстро принимать эффективные решения, улучшить их производительность, повысить результативность работы, в большей степени соответствовать требованиям клиентов.

Отдельного внимания заслуживают компьютеризированные тренажерные комплексы в промышленной безопасности на объектах нефтегазового комплекса, приобретающие статус цифровых технологий в контексте глобальных цифровых систем.

Рассмотрим, в чём заключается специфика тренажерных комплексов в промышленной безопасности на объектах нефтегазового комплекса.

Преимущества тренажерных комплексов в промышленной безопасности на объектах нефтегазового комплекса для целей обучения:

- высокая степень вовлеченности обучающихся за счёт «эффекта присутствия» в идентичной проблемной ситуации;
- интерактивный характер образовательного процесса достигается за счет 3D-сценариев, способствующих составлению представления стереотипов реакций и конативных проявлений оператора как в повседневных, рабочих ситуациях, так и во внештатных, а также позволяющих провести тренинговую отработку моделей поведения;
- максимальное погружение в проблемную ситуацию: слушатель оказывается в трёхмерном пространстве, вступает в интерактивное взаимодействие с правдоподобными объектами;
- изолированность пользователя от внешних раздражителей;
- возможность со стороны педагога-тренера контролировать и координировать действия обучающегося [9].

Нельзя оставить без внимания несомненные положительные стороны обучения работников на тренажерных комплексах:

- уникальная возможность погружения в среду, идентичную реальной, что повышает степень восприятия и понимания изучаемого материала, исключая внешние раздражители;
- представление возможности априори оценить, как сотрудник будет реагировать и вести себя в той или иной (иногда нестандартной) ситуации;
- значительная степень схожести/идентичности высокая виртуальной реальности относительно предстоящих для реализации производственных процессов [10].

Применение тренажерных комплексов в ходе обучения слушателей в рамках программ повышения квалификации предполагает:

- освоение навыков обучающимися по эксплуатации устройств и механизмов с повышенным риском, значительными трудозатратами (оператор газораспределительных станций, оператор ГРП, электромонтер по обслуживанию

оборудования, машинист насосных установок, инженер АСУ, инженер-механик и т. п.);

- отработка протокола действий в условиях экстремальных (чрезвычайных) ситуаций (пожар, отключение электроэнергии, отказ оборудования);
- формирования психоэмоциональной, стрессовой устойчивости, эмпатии при взаимодействии с коллегами и руководством.

В рамках содержательного компонента структура тренажерного комплекса является четырёхуровневой. Первый уровень – *производственный*: прогнозирование производственной системы, мониторинг её функционирования, сбор и анализ полученных данных. Второй уровень – *проекционный*: модернизация хода процессов в соответствии с требованиями и условиями, выдвигаемыми следующим (верхним) уровнем; разработка функционального комплекса для каждого контролера; верификация хода и первичных результатов процесса. Третий уровень – *управленческий*: осуществление цифрового контроля и коррекции экстремальных значений (выбросов) параметров; элементарные расчеты. В комплекс тренажеров четвертого – *установочного* – опираются на аппаратно-программную платформу различных РСУ (SCADA-системы): Honeywell PlantScape, Honeywell TPS, ABB MOD-300, Yokogawa Centum CS3000, Invensys I\A Series, SCADA Citect, SCADA InTouch и др. [11].

Цели обучения по рассматриваемым программам повышения квалификации детерминируют применение различных видов тренажеров по работе на объектах нефтегазового комплекса в зависимости от уровня установки: специализированные, типовые (стандартизированные технологических установок), базовые (тренажеры для базовых технологических узлов и аппаратов).

Детализированно изучив характеристики каждого вида тренажера отметим, что:

- *специализированные тренажеры* обладают высокой точностью и способны отражать динамику функционирования действующих технологических установок, что обеспечивает возможность слушателям максимально погру-

жаться в реальные производственные ситуации и обстановку, видеть и оценивать возможности систем базового регулирования и противоаварийной защиты (ПАЗ), получить опыт предвидения и принятия превентивных мер по предотвращению аварийных ситуаций;

- *типовые тренажеры* отражают динамику типовых технологических установок. Эти уже готовые средства обучения обычно выполняются в типовой среде и направлены в первую очередь на ознакомление операторов низких рядов и вновь поступающих операторов с устройством технологических процессов принципами управления ими;

- *базовые тренажеры* представляют собой модели технологических узлов и аппаратов и применяются для профессиональной подготовки начинающих операторов и мастеров, так как в их задачи входит создание у слушателей целостного представления об устройстве и принципах функционирования технологических объектов, специфики их управления.

В свою очередь по функциональному назначению тренажерные комплексы в промышленной безопасности на объектах нефтегазового комплекса градуются на: эксплуатационные и ремонтные, транспортировочные (трубопроводные и танкерные), перерабатывающие.

Необходимо отметить, что обучение по применению технологий виртуальной реальности должно соответствовать ряду требований:

- тренировочная система проектировать и воссоздавать реальные процессы с применением методов математического моделирования;

- создаваемые модели физических процессов должны имитировать свойства процесса с установленным уровнем точности;

- для обеспечения навыков операторов по проявлению адекватных поведенческих реакций на объектах нефтегазового комплекса в условиях внештатной ситуации система должна генерировать в автоматическом режиме комплекс специфических возмущений в ходе моделируемых процессов как заранее спрогнозированных, так и по команде педагога-инструктора;

- обучающая система должна обладать не только особым, тематически и логически подобранным комплексом практических задач для обучающегося, но уметь выдавать рекомендации по их исполнению, корректировать ход решения;

- тренировочная система должна обладать способностью аккумуляции информационных потоков о совокупности реализуемых действий слушателя с потенциальной возможностью составления отчетов и анализа эффективности и успешности принятых решений;

- вся обучающая система должна быть разделена на несколько тренировочных подстанций объектов нефтегазового комплекса, обеспечивающих обучение сразу группы слушателей-операторов под руководством одного педагога-инструктора;

- учебный тренажерный комплекс предназначен определять все возможности трансформации и модернизации набора и содержания упражнений в соответствии с моделью объекта обучения и требованиями заказчика.

Проанализировав зарубежный опыт коллег по формированию практических навыков операторов производственной сферы, следует сделать вывод о том, что существует несколько приоритетных тренажерных платформ компьютерных тренажерных комплексов (КТК): ABB Simeon, Inc., Honeywell, Inc., CAE Link, Inc. и др. [9, 10, 11].

В нашей стране, в городе Калининграде работает «Отраслевой научно-тренажерный центр», на базе которого АСУ и тренажеры-имитаторы по бурению, добыче газа, транспорту, переработке газа и газового конденсата, нефтегазопереработке, распределению газа. Более того, научными сотрудниками Центра было спроектировано и внедрено в практическую работу более тридцати АСУ и тренажеров-имитаторов, одной из которых является АСУ «Эксплуатация линейной части магистрального трубопровода». К значимым и авторитетным проектировщикам тренажерных комплексов следует также отнести российскую группу компаний ЗАО «Транзас» и ЗАО «Автоматизация Мониторинга Технологий».

Таким образом, следует заключить, что инновационный подход с использованием цифровых технологий (технических, электронных средств и систем) без сомнений имеет лишь положительные отзывы и эффект в обучении персонала, повышения степени его подготовленности с целью минимизации экономического и экологического ущерба при авариях на объектах нефтегазового комплекса, и их применение не должно игнорироваться руководителями объектов в Российской Федерации. Применение в образовательном процессе программ повышения квалификации специалистов нефтегазовой сферы производства интерактивных технологий в виде компьютерных тренажеров отвечает современным профессионально-техническим интересам и потребностям обучающихся-операторов, инженеров и способствует формированию у них мотивации к дальнейшему повышению уровня своего мастерства и личностного развития, что, несомненно, приводит к повышению качества и результативности их труда.

Список литературы

1. Шмаль Г.И. *Будущее новой энергетики – компетентные и Высокопрофессиональные кадры*. Энергетическая политика. 2017;(5):13–18.
2. Ирисметов А.И. *Применение информационных технологий в повышении квалификации. Финансово-экономические аспекты развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Астраханской области в условиях цифровизации*. Международная научная конференция, Астрахань, 10 декабря 2021 года: материалы. Астраханский государственный технический университет. Астрахань: Изд-во АГТУ; 2022. С. 43–46.
3. Ирисметов А.И., Осипов П.Н., Ирисметова И.И. *Использование цифровых технологий в процессе повышения квалификации. 16-я Международная Научно-практическая конференция «Высшее и профессиональное образование России в условиях цифровизации»*. Казанский государственный архитектурно-строительный университет. Казань: Изд-во КГАСУ; 2022.
4. Федеральная Программа, утверждённая Правительством Российской Федерации «Цифровая экономика Российской Федерации 2024» URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/#section-directions/> [дата обращения: 15.05.2022].
5. Сулоева С.Б., Мартынатов В.С. *Практика организации производства. Организатор производства*. 2019;27(2): 27–36.
6. Рыбин Е.Н., Амбарян С.К., Аносов В.В., Гальцев Д.В., Фахратов М.А. *ВМ-технологии. Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. Технические науки. Строительство. 2019;9(1):98–105.
7. *Руководство по информационному моделированию (ВМ) для заказчиков (на примере промышленных объектов): офиц. сайт.* URL: https://www.idtsoft.ru/sites/default/files/fields/node/publication/field-files/2019-09/bim_guide_for_owners_%28clients%29_of_industrial_facilities_2019-03-18.pdf [дата обращения: 15.05.2022].

8. Виртуализация: новый подход к построению IT-инфраструктуры: офиц. сайт. URL: <https://www.ixbt.com/cm/virtualization.shtml?> [дата обращения: 15.05.2022].
9. Увлекательная реальность. Технология виртуальной реальности VR: офиц. сайт. URL: https://funreality.ru/technology/virtual_reality/ [дата обращения: 15.05.2022].
10. 3D-моделирование: официальный сайт. URL: <http://younglinux.info/blender.php> [дата обращения: 15.05.2022].
11. Domracheva A.F., Khasanova G.F., Galikhanov M.F. Use of VR in Engineers Certification at Hazardous Production Facilities in Petrochemical Industry. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022:1012–1018.

References

1. Shmal G.I. The future of the new energy sector is a competent and highly professional workforce. *Energy policy*. 2017;(5):13-18.
2. Irismetov A.I. The use of information technology in advanced training. Financial and economic aspects of the development of the agro-industrial and fishery complexes of the Astrakhan region in the context of digitalization. *International scientific conference*, Astrakhan, December 10, 2021: materials. Astrakhan State Technical University. Astrakhan: Publishing House of ASTU. 2022:43–46.
3. Irismetov A.I., Osipov P.N., Irismetova I.I. The use of digital technologies in the process of advanced training. *16th International Scientific and Practical Conference "Higher and professional education in Russia in the context of digitalization"*. Kazan State University of Architecture and Civil Engineering. Kazan: Publishing house of KGASU; 2022.
4. Federal Program approved by the Government of the Russian Federation "Digital Economy of the Russian Federation 2024". Available from: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/#section-directions/> [date of access: 05/15/2022].
5. Suloeva S.B., Martynatov V.S. The practice of organizing production. *Production organizer*. 2019; 27(2):27-36.
6. Rybin E.N., Ambaryan S.K., Anosov V.V., Galtsev D.V., Fakhratov M.A. BIM-technologies. *Izvestiya vuzov. Investments. Construction. Real estate*. Technical science. Construction, 2019;9(1): 98–105.
7. Guide to information modeling (BIM) for customers (on the example of industrial facilities): official website. Available from: https://www.idtsoft.ru/sites/default/files/fields/node/publication/field-files/2019-09/bim_guide_for_owners_%28clients%29_of_industrial_facilities_2019-03-18.pdf [Date of access: 05/15/2022].
8. Virtualization: a new approach to building IT infrastructure: official website. Available from: <https://www.ixbt.com/cm/virtualization.shtml?> [date of access: 05/15/2022].
9. Fascinating reality. Virtual reality technology VR: official website. Available from: https://funreality.ru/technology/virtual_reality/ [date of access: 05/15/2022].
10. 3D-modeling: official website. Available from: <http://younglinux.info/blender.php> [accessed 05/15/2022].
11. Domracheva A.F., Khasanova G.F., Galikhanov M.F. Use of VR in Engineers Certification at Hazardous Production Facilities in Petrochemical Industry. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022:1012–1018.

Авторы публикации

Ирисметов Алишер Ильмуратович – кандидат педагогических наук, доцент
Казанский национальный исследовательский технологический университет
Казань, Россия

Authors of the publication

Irismetov Alisher Ilmuratovich – PhD in Pedagogy, Associate Professor
Kazan National Research Technological University
Kazan, Russia

Email: alisher240381@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1406-6505>

Казакова Ульяна Александровна –
доктор педагогических наук, кандидат
психологических наук, доцент
Казанский национальный исследовательский
технологический университет
Казань, Россия
Email: kazaova-ulyana@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1999-8064>

Email: alisher240381@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1406-6505>

Kazakova Ulyana Alexandrovna –
Doctor of Pedagogy, PhD in Psychology,
Associate Professor
Kazan National Research Technological
University
Kazan, Russia
Email: kazaova-ulyana@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1999-8064>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.08.2022
Одобрена после рецензирования: 10.09.2022
Принята к публикации: 12.09.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 17.08.2022
Approved after peer reviewing: 10.09.2022
Accepted for publication: 12.09.2022

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – С.С. Тахтарова

Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко

Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова

Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова

Научные редакторы:

Ф.Л. Ратнер (педагогика)

Л.Е. Бушканец (литературоведение)

Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Дата выхода в свет: 30.09.2022. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.,
первый завод 30 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского
университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Kazan Linguistic Journal

International peer-reviewed journal

Chief editor – S.S. Takhtarova

Executive editor – A.R. Lisenko

Press and editorial manager – D.R. Sabirova

Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova

Scientific editors:

F.L. Ratner (pedagogics)

L.E. Bushkanets (literary studies)

L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 30.09.2022. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies, the first factory 30 copies. Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge